

ВОРОБЬЕВА ОЛЬГА ИВАНОВНА

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

Политический язык как сфера социальной коммуникации

Издательство ИКАР
Москва 2008

ББК 81
В 751

Рассмотрена и рекомендована к изданию методической комиссией
Отделения перевода и переводоведения Архангельского государственного
технического университета 23 ноября 2007 г.

Утверждена к изданию ученым советом Архангельского государственного
технического университета ноябрь 2007г.

В 751 Политическая лингвистика. Современный язык
политики. – М.: Издательство ИКАР, 2008. – 296 с.

В книге обосновано выделение политического языка как вторичной языковой системы. На богатом материале автор представляет комплексную политическую оценку, складывающуюся в структуре текста. Книга предназначена для специалистов филологов и представит непосредственный интерес для журналистов, историков, политологов, специалистов по политической коммуникации и рекламе.

ББК 81

© О. И. Воробьева, 2008
© ЗАО «Издательство ИКАР», 2008

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Политический язык	7
Коммуникативно – тематическое поле «политика»	13
Коммуникативно – тематическое поле «политическая идеология»	25
Оценочный и идеологический компоненты значения в семантической структуре политем	35
Коммуникативно – тематическое поле «политическая власть»	42
Коммуникативно – тематическое поле «государство»	59
Терминологическая система государственной власти	61
1. Функции политической лексики	80
Номинации органов федерального управления	88
Номинации местных органов государственного управления	98
Современное состояние политического языка	112
Аксиологическая и прагматическая функции политем	122
Функции относительных прилагательных входящих в состав политем	143
Эстетическая функция политем	154
2. Функционирование политем	182
Политика, политический	187
Власть	199
Государство, государственный	205
Партия, партийный	212
3. Функционирование идеологем	225
Буржуазия, буржуазный	225
Социализм, социалистический	238
Советы, советский	245
Демократия, демократический	258

4. Функционирование социологем	266
Парламент	267
Депутат	269
Правительство	270
Мэр	273
Выводы	277
Литература	278

ВВЕДЕНИЕ

Политическая сфера коммуникации обусловила выделение особой языковой подсистемы, которая находится на пересечении двух наук: лингвистики и политологии. Это соединение в настоящее время принято назвать политической лингвистикой или лингвополитологией, при этом в основе данного формирования находится политический язык.

Сам термин «политический язык» весьма условен, так как опирается лишь на лексический уровень языковой системы, однако принят в лингвистике. Выделение политического языка как вторичной языковой подсистемы обусловлено спецификой коммуникативного воздействия и своеобразным тезаурусом.

Опыт филологических исследований в этом направлении представлен преимущественно в двух аспектах: в плане влияния на языковую систему экстралингвистических факторов, связанных с революционными, политическими преобразованиями, формированием языка советской эпохи, периода демократических преобразований, работами стилистического и социолингвистического характера, где анализировалась история формирования общественно-политической лексики и ее использование в работах известных политиков и писателей. Связь истории языка с историей общества – одна из важнейших проблем современного языкознания. Для лингвистической науки огромное значение этой проблемы очевидно.

Современное состояние политической лексики, особенности структуры и использования, непосредственные функции и своеобразие пополнения политического тезауруса не нашли отражения в фундаментальных исследованиях современного периода.

В книге обосновано выделение политического языка как вторичной языковой подсистемы и выявлены единицы, формирующие семантическое поле «политика». Единицы политического языка, содержащие в своей семантической структуре политический компонент значения, автор называет политемами. Дефиниции современных толковых словарей свидетельствуют о том, что данные слова в своих основных значениях в денотативной структуре содержат доминантный компонент политической коммуникации, отражая языковую картину мира, что находит подтверждение в энциклопедических и лингвистических толкованиях данных лексем. Политемы называют понятия, связанные с ролью человека в обществе, государстве, современном ему мире, организуют текст или

фрагменты текста определенной тематической направленности, влекут за собой употребление единиц данного семантического поля.

В работе разграничиваются такие образования, как политемы, идеологемы и социологемы. Особое внимание уделено отграничению идеологем в семантическом пространстве политического языка. Необходимость их выделения давно назрела, так как идеологемами в настоящее время лингвисты именуют любую лексему, входящую в семантическое поле «политика», независимо от того, какую функцию она выполняет. Между тем, в работах немецких лингвистов А. Нойберта, Г. Клауса, В. Шмидта предоставлен материал для четкого определения данного понятия. Идеология трактуется как совокупность идей, на основе которых формируется и прогнозируется отношение социума к власти, процессам и явлениям политической действительности, складываются общественное сознание, мировоззрение и оценка социально-политических процессов и явлений на основе сложившихся убеждений и идеалов. Идеологемы представляют референты, которые четко обозначаются в дефиниционных толкованиях: политическое сознание, идеология, политические идеалы, духовные ценности, следовательно, в качестве идеологем следует рассматривать политемы, содержащие в семантической структуре идеологический компонент значения.

В качестве социологем рассматриваются политемы, не переходящие в разряд идеологем. Это термины и номенклатурные наименования федеральной и местной системы политического управления обществом. Социологемы репрезентируют понятийное поле «государственный аппарат», «государственно-исполнительная власть», «социально-политические институты» и их структуру.

Выделение основных функций политического языка связано с тем, что политемы являются научными и профессиональными терминами, полутерминами и номенклатурными словами. Поскольку мы вводим понятие политический язык, а политические тексты представлены в межстилевой вариативности, следовательно, необходимо анализировать функции политем. Это прежде всего номинативная функция, когда политемы представлены как термины; аксиологическая и прагматическая функции, когда политемы репрезентированы в СМИ, художественной литературе, публицистике и актуализируют коннотативные аксиологические семы; эстетическая функция, когда единицы политического языка употребляются в художественных произведениях и служат для создания художественного образа или исторического фона, макрообраза эпохи.

Для исследования функций политем привлекались тексты художественных произведений, поскольку, как свидетельствуют высказывания А. Мейе, А.М. Селищева, Г.О. Винокура, Д.Н. Шмелева, Ю.Н. Караулова и других исследователей, в переломные эпохи того или иного периода развития общества наблюдается очень сильное влияние публицистики на художественную литературу. В текстах анализируемых произведений воспроизводятся особенности речи разных социальных групп двадцатого столетия в условиях идеологизированного общества и современное употребление политем в условиях демократии. Все это позволяет передать особенности языка эпохи, проследить изменения, которые в нем произошли, выявить «языковую личность» определенного времени.

Авторы публицистических и художественных произведений стремятся дать собственную оценку крупным политическим событиям, показать влияние политики и идеологии на судьбы граждан страны, подчеркнуть характер политических преобразований. Это находит выражение в языковой системе текста: информация приобретает обобщающий характер в целях определенного нравственного воздействия на адресата и выявляет типовое словоупотребление. По мнению Ю.Н. Караулова, когда «известна ценностно-смысловая иерархия понятий в авторской картине мира, известны его цели, то объяснению поддаются и вербально-семантические, и структурно-языковые средства, используемые в его текстах» (Караулов, 1987, с. 45).

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЯЗЫК

В связи с интенсивной политической жизнью в России объектом исследования в работах многих современных политологов, социологов и государственных деятелей становится политическая коммуникация. Выделение политического языка как самостоятельной языковой подсистемы обусловлено спецификой коммуникативного воздействия, определенными функциями и своеобразным тезаурусом.

Теоретическая база исследования социально-политической коммуникации сформировалась в отечественной и зарубежной лингвистике. В работах 70 х – начала 90 х годов XX в. был произведен тщательный анализ общественно-политической лексики в тематическом плане. Лингвисты дискутировали по поводу того, что относится к политиче-

ской семантике, а что остается за ее пределами. Однако современная историческая ситуация, сложившаяся в России, выявила ограниченность прежних исследований, продиктованных жесткими идеологическими рамками социалистической реальности, а демократическая политика, развитие многопартийности, плюрализм мнений позволили взглянуть на семантику политического дискурса более широко и подняться на иной уровень исследований.

Политический язык по своей онтологической сущности обусловлен наличием политической коммуникации, которая своими корнями уходит в глубокую древность, к Конфуцию и Платону. Современные определения политической коммуникации даны философами, социологами и политологами (это не случайно, т. к. фундаментальные труды по этой проблеме появились в середине XX в. на стыке социальных и политических наук).

Французский социолог Р-Ж. Шварценберг пишет: «Политическая коммуникация – это процесс передачи политической информации, посредством которой информация циркулирует между различными элементами политической системы, а также между политической и социальной системами. Непрерывный процесс обмена информацией осуществляется как между индивидами, так и между управляющими и управляемыми с целью достижения согласия» (Социология политики, 1988, с. 4). Ю.В. Ирхин уточняет: «это смысловой аспект взаимодействия субъектов путем обмена информацией в процессе борьбы за власть или ее осуществление. Она связана с целенаправленной передачей и избирательным приемом информации, без которой невозможно движение вперед политического процесса... Политическая коммуникация выступает как специфический вид политических отношений, посредством которого доминирующие в политике субъекты регулируют производство и распространение общественно-политических идей своего времени». Автор указывает и способы обмена информацией: это символы, знаки, сигналы, с помощью которых передается смысл (Ирхин, 1996, с. 274). «Под коммуникацией, – отмечал американский социолог Чарльз Кули, – я имею в виду механизм, с помощью которого осуществляются и развиваются человеческие взаимоотношения: все символы, заключенные в разуме, а также средства для передачи их в пространстве и сохранения во времени» (там же). В эту систему включены реальные политические ситуации, отраженные в текстах средств массовой информации, предметом анализа являются сами тексты, социально-психологические особен-

ности их производителей. А эти особенности, в свою очередь, зависят от общественно-исторической обстановки. Таким образом, вербализованная политическая коммуникация обусловила выделение политического языка как специфически своеобразной кодовой системы, что не противоречит лингвистическим теориям: еще Гумбольдт отмечал, что это форма деятельности, отраженная в языке.

Идея неоднородности языкового континуума далеко не нова: язык как совокупность разных форм существования – известный тезис Ф. Соссюра о системном характере внутренней структуры языка. Л.А. Введенская и П.П. Червинский отмечают: «Есть коммуникативные кодовые системы, существо которых состоит в вариативности не единиц плана выражения, а единиц плана содержания... По назначению их называют вторичными моделирующими системами, в отличие от первичной – языка, речи, национального, естественного. Это «языки» художественной литературы, поэзии, «языки» музыки, живописи. Возможны также «языки» науки (концептуальные, логические, понятийные), «языки» социально-политического воздействия (идеологические)» (Введенская, Червинский, 1997, с. 260).

В последнее время постановка вопроса о связи языка (в соссюровском понимании) с языками других семиотических систем (математики, химии, музыки, истории и т. п.) рассматривается как одно из направлений прикладной лингвистики. Специальные языки классифицируются как «метаязыки», подобное определение было введено в обращение в области исследования языков математики (Налимов, 1974, с. 10). А. Вежбицкая определяет метаязыковую субстанциональность как вербальный вариант возникающего языка нелингвистики (Вежбицкая, 1993, с. 7). Возможно, язык политики более близок к этому определению.

Д.Н. Шмелев указывал: «Будучи системой, язык в то же время не является системой «для себя». Он выполняет определенные функции, и сама его системность обусловлена данной функцией и подчинена ей» (Шмелев, 1979, 98). Следовательно, политический язык выполняет важнейшую функцию политической коммуникации и формирует свой тезаурус.

Политические отношения в России актуализированы настолько, что присутствуют в устной и письменной форме в жизни каждого гражданина нашей страны.

Хочется возразить исследователям, поддерживающим традиционное мнение о том, что политическая лексика принадлежит только к публи-

цистическому стилю. Действительно существует большое количество работ известных авторов, исследующих политическую лексику в этом плане. Анализ функционирования политема (так нам хочется назвать единицы политического языка) выявляет их употребление в официальных (исторических) документах (для примера можно обратиться к Конституции – основному закону политической жизни нашего государства), научной речи (политемы являются терминами философии, истории, правоведения, однако приоритетное их употребление наблюдается в довольно молодой науке – политологии); они организуют тексты художественных произведений политической тематики, функционируют в мемуарной литературе, представлены в устной и письменной речи.

«Стиль же, – по мнению В.В. Виноградова, – это семантически замкнутая, экспрессивно организованная система средств выражения, соответствующая тому или иному жанру литературы или письменности» (Виноградов, 1963, с. 225). Таким образом, политический язык шире понятия стиля, он репрезентирует широкий инвариантный контекст, межстилевую вариативность. Кроме того, политическая лексика функционально организует текст и придает ему политическую маркированность.

Несомненно, термин «политический язык» весьма условен, это не «язык» в сосюрловском понимании, так как опирается лишь на лексический уровень, но это образование нельзя назвать и лексико-семантической группой, так как оно имеет четкую коммуникативную обусловленность и специфику функционирования, эту систему нельзя определить и как стиль. Это мнение разделял и поддерживал известный лексиколог Л.А. Новиков. В то же время такое условное понятие «языка» принято в отечественной и зарубежной лингвистике, что подтверждается и исследованиями французского филолога Ж. Марузо, который разграничивает языки по различным видам употребления, в которых может выступать один и тот же язык (народный, научный, литературный, поэтический, технический и др.) Система политического языка таким образом представляется как своеобразный языковой код, вторичная языковая система, представленная в комплексной сборной структуре с компонентами открытого типа.

Таким образом, основой политического языка следует считать политическую лексику, которая занимает особое место в словарном составе языка: она частотна и представляет собой особый, наиболее важный аспект политической коммуникации. С одной стороны, слова этой микросистемы являются терминами, отличающимися, как известно,

особой сферой употребления, точностью наименования и отсутствием коннотативных элементов. С другой стороны, именно политическая лексика и понятия, ею обозначаемые, вызывают неоднозначное эмоционально-оценочное отношение к себе носителей языка, особенно в периоды интенсивной политизации различных сторон в жизни данного общества. В связи с этим авторы «Политологического словаря» под редакцией В.Ф. Халипова во введении пишут: «И хотя политику можно порой любить, а подчас и ненавидеть, можно симпатизировать тем или иным политическим деятелям, а подчас и испытывать к ним неприязнь, однако ни от политики, ни от политиков практически никуда не убежишь, не укроешься». Таким образом, изучение семантической структуры, группировки и функционирования политической лексики чрезвычайно актуально.

Действительно, если взять любую политему, входящую в состав семантического поля «политика», как таковую, то она отвечает всем параметрам термина (например, политика – искусство управлять государством). Но если воспринимать политическую лексику в узуальном, текстовом употреблении (например, в художественном тексте, в СМИ), то политемы теряют один из признаков термина. В речи, тексте определенного содержания слова типа «партия», «капитализм», «коммунизм», «советский», «демократия» получают коннотативные семы (положительную или отрицательную оценку) и становятся в данном случае эмоционально-оценочными словами.

Политическая лексика называет понятия, связанные с ролью человека в обществе, государстве, современном ему мире, поэтому анализ семантики этих слов позволяет проникнуть в картину мира, отраженную в текстах данной речевой принадлежности, подтвердить, что «за каждым текстом стоит языковая личность, владеющая языковой системой» (Караулов, 1987, с. 8). Организуя текст или фрагменты текста в различных произведениях политической ориентации, лексемы данной микросистемы влекут за собой употребление других слов этой группы (лексико-семантического поля): диктатура, власть, переворот, демократизация и т. п.

Именно политическая лексика наиболее подвержена семантическим изменениям. Это особенно заметно в периоды интенсивных политических и социальных изменений в нашей стране (Петровская эпоха, конец XVIII в. – время Первой русской революции, Октябрьская революция, конец XX в. – после распада СССР).

Революционная ситуация в России утвердила в тезаурусе слова следующих тематических групп: международная лексика, слова, связанные с классовой борьбой: класс, пропаганда, политическая партия, социал-демократия, социализм и другие, к ним присоединились производные слова: партийный, классовый, политический, социалистический, пролетарский. Активно функционируя вначале в речи лидеров революционного движения, впоследствии указанные лексемы прочно закрепились в широком употреблении. Современный политический язык активно менялся под влиянием экстралингвистических факторов, напоминая уже известные диахронические изменения.

В коллективном исследовании «Русский язык и современное общество» лингвисты выдвинули положение о том, что социальные факторы преобразуют отдельные языковые звенья, а далее одно изменение влечет за собой изменения в различных ярусах языка. В результате возрастает регулярность отдельных языковых единиц, повышается количество определенных синтагматических связей, частотность отдельных элементов и т. д.

Ю.Д. Дешериев в работе «Теоретические аспекты изучения социальной обусловленности языка», рассматривая природу и структуру социальных факторов, специфику их воздействия на разные уровни языковой структуры, пришел к выводу о том, что язык испытывает на себе влияние общества в самых разных формах: от внешней обусловленности языкового развития и функционирования до проникновения социального в семантику и грамматику языковой единицы. Он отметил: «Язык – это материальное единство социального и структурного... Лексическое, грамматическое, идеологическое, эстетическое, познавательное, функциональное выступают в языке как специфическое проявление социального» (Дешериев, 1988, с. 6).

Влияние социального фактора на употребление и восприятие слов признают все лингвисты. Ср. в исследовании Ю.Н. Караулова: «Завершенная, однозначно воспринимаемая картина мира возможна лишь на основе установления иерархии смыслов и ценностей для отдельной языковой личности. Тем не менее, некоторая доминанта, определяемая национальностью, культурными традициями и господствующей в обществе идеологией, существует, и она-то обуславливает возможность выделения в общезыковой картине мира ее ядерной, общезначимой, инвариантной части. Последняя, вероятно, может расцениваться как аналог или коррелят существующего в социальной психологии (не общепринятого) понятия базовой личности, под которым понима-

ется структура личности (установки, тенденции, чувства), общая для всех членов общества и формирующаяся под воздействием семейной, воспитательной, социальной среды» (Караулов, 1987, с. 36–37).

В отечественной истории изучения общественно-политической лексики лингвисты выделяют два периода. Первые исследования относятся к 20–30 годам. XX в., послереволюционному периоду в нашей стране. А.М. Селищев, Р.О. Якобсон, П.Я. Черных, С.И. Карцевский изучали изменения, происходящие в русском языке после 1917 г., отмечая, что политическая лексика отличалась множественными заимствованиями, в связи с чем в 40-е гг. возник интерес к словарному составу французского языка периода буржуазной революции 1789 – 1793 гг.

Второй период (с 50-х гг. до настоящего времени) связан с появлением самого термина общественно-политическая лексика (ОПЛ) и работами стилистического и социолингвистического характера. основополагающие труды историко-семантического и семантико-стилистического характера В.В. Виноградова, Ю.С. Сорокина, Д.Н. Шмелева, Т.Б. Крючковой, Е. Шейгал и др. исследователей способствовали привлечению внимания к изучению политической лексики и общественно-политической коммуникации.

В настоящее время тематическая классификация, где подразумевается семантическая классификация на глубинном уровне гиперсем, наиболее применима для исследования и систематизации политического языка. Однако для анализа специфики политического дискурса необходимо знание состава общественно-политической лексики, особенностей семантической структуры политема, характера их поведения в речевом акте, в тексте определенной идеологической направленности. Именно такой подход к изучению этой проблемы выявляет главное назначение политической лексики, которая выполняет коммуникативную функцию.

КОММУНИКАТИВНО-ТЕМАТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ПОЛИТИКА»

В настоящее время мы становимся свидетелями интеграции гуманитарных наук. Интегративная тенденция способствует изучению политической коммуникации, которая вербально репрезентирована в политологии, философии, истории, судопроизводстве и других аспектах политической деятельности. По мнению А.П. Чудинова, «политиче-

ская лингвистика – это научное направление, имеющее большую прикладную значимость» (Чудинов, 2007, с. 9).

Фундаментальные философские теории отечественных и зарубежных ученых позволяют понять и объяснить формирование гносеологической структуры и отражение в сознании когнитивной действительности. Системные теории стали очень популярны в последнее время. Одна из них представлена в контексте концепции К. Поппера, который разграничил области трех миров. Первый мир – реальности, существующие объективно, второй – состояние сознания и его объективное содержание, третий мир – «мир языка, предположений, теорий и рассуждений – короче, универсум объективного знания». Третий мир является одним из самых важных, позволяющим объединить гуманитарные науки когнитивного цикла.

Философия и методология в теориях систем дают возможность развития лингвистики, используя концепт как единицу отражения знаний на всех уровнях языковой системы. Академик Д.С. Лихачев ввел понятие концептосферы языка, которая связана с культурным опытом личности и народа, запасом знаний и навыков, особым полем «ауры» языка. Раскрывая содержание понятия, ученый пишет: «Богатство русского языка определяется на всех четырех уровнях: 1) на уровне самого запаса слов, который чрезвычайно богат благодаря тысячелетнему опыту, тесному общению с тем языком, который принято называть церковнославянским, другими народами, обусловившими в своей совокупности разнообразие диалектное, социальное, сословное, образовательное и пр.; 2) на уровне богатства значений и нюансов значений, разнообразия словоупотребления и пр.; 3) на уровне отдельных концептов; 4) на уровне совокупностей концептов – концептосфер» (Лихачев, 1997, с. 286).

Несмотря на то, что когнитивистику считают относительно молодой наукой, следует признать, что одним из первых отечественных ученых, обратившихся к изучению концепта, был русский лингвист С.А. Аскольдов, 1928 г., (псевдоним С.А. Алексеева) (именно наметенная им теория развивается в концепции Д.С. Лихачева). Понимая природу этого явления как единицу языка и мысли, ученый признает, что концепт – сложная, иерархически организованная структура, каждый элемент которой стремится к большей абстракции. В связи с этим основную функцию концепта С.А. Аскольдов – Алексеев видит в замещении различных представлений в процессе мышления. По его мнению, концепт может быть подвергнут лингвистическому анализу.

Моделирование мира в человеческом сознании с помощью концептов получило широкое распространение в когнитивной лингвистике. Однако следует учесть, что определения концептов очень многообразны и нередко освещают разные стороны природы данного явления, не давая целостного представления. Наиболее объективно и убедительно обоснования концепта представлены у А. Вежбицкой и Е.С. Кубряковой. В частности, Е.С. Кубрякова утверждает, что понятие концепта отвечает представлению о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких «квантов» знания. В Кратком словаре когнитивных терминов (1996, с. 90) под редакцией Е.С. Кубряковой термин концепт определен как оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга.

Изучение языковых единиц в когнитивно-дискурсивном аспекте, предполагает ученый, открывают новые возможности такой парадигмы знания, при которой учитывается историческая обусловленность, функционирование языковых единиц и их закрепление в определенных языковых формах (Кубрякова, 1997, с. 1998).

А.П. Бабушкин (1998), проанализировав различные подходы в когнитивной лингвистике к термину «концепт», предлагает рассматривать его как дискретную единицу когнитивного сознания, отражающую предмет реального или идеального мира, хранящуюся в национальной памяти в виде вербального субстрата. Концепт, по его мнению, вербализуется однозначным словом, семантическая структура которого рассматривается в двух планах: материальном (лексемы) и идеальном (семеме). Сущность концепта «улавливается» словом и дублируется в его определении, то есть значение слова идентифицируется с денотатом, а концепт – со смыслом, сигнификатом. По характеру сем, эксплицируемых в словарном определении, можно судить о различиях в концептах, стоящих за конкретными языковыми единицами.

Исследование концепта в современной науке детально представлено в исследовании Ю.Е. Прохорова «В поисках концепта» Проанализировав различные подходы к определению концепта в философии, литературоведении и других науках, ученый приходит к выводу:

1. Концепт действительно есть симулякр — не реальность, а ее отражение; не простое отражение, а отражение третьего порядка — он от-

ражает не картину мира, а здесь и сейчас именованное представление о некотором элементе картины мира.

2. Концепт есть некоторая совокупность отношений к элементам картины мира.

3. Концепт и всеобщ, и национально специфичен, что находит свое отражение в выборе языковых средств его реализации.

Концепт — сложившаяся совокупность правил и оценок организации элементов хаоса бытия, детерминированная особенностями деятельности представителей данного лингвокультурного сообщества, закрепленная в их национальной картине мира и транслируемая средствами языка в их общении». (Прохоров, 2004, с. 189).

При изучении политического языка особое внимание, несомненно, следует акцентировать на сигнификате «политика» как макроконцепте. Это высоко абстрактное понятие, которое строится также на базе абстрактных понятий, представленных во всех лингвистических словарях примерно одинаково. В частности, в «Словаре русского языка» С.И. Ожегова сигнификативное значение представлено как: «1. Деятельность органов государственной власти и государственного управления, отражающая общественный строй и экономическую структуру страны, а также деятельность общественных классов, партий и других классовых организаций и общественных группировок, определяемая их интересами и целями. 2. Вопросы и события общественной и государственной жизни. 3. Образ действий, направленных на достижение чего-либо, определяющих отношения с людьми» (1978, с. 508).

Исследуя политический дискурс, не следует ограничиваться только лингвистическими словарями, так как довольно часто там не представлены интересующие нас дефиниции, или они репрезентированы довольно узко или неопределенно, а, возможно, и слишком субъективно, что объясняется различным мировосприятием составителей. Основной недостаток современных исследований различных аспектов политического дискурса заключается именно в том, что за основу берется недостаточно полный материал.

Поскольку лингвистические словари не дают подробных детальных толкований исследуемых реалий для составления функционально-семантического поля «политика», следует обращаться к энциклопедическим, философским, политологическим и другим подобным словарям, которые оперируют данными сведениями, необходимыми нам для представления политической коммуникации.

В «Политологическом словаре» референт «политика» рассматривается как социальная деятельность в политической сфере общества, направленная главным образом на удержание, укрепление и реализацию власти. Это отношения между социальными группами и их лидерами по поводу государственной власти (Политологический словарь, 1994, с. 168).

Как самостоятельная единица выделено словосочетание политические отношения: «Взаимоотношения политической элиты и электората, политической власти и оппозиции, социальных групп, политических институтов, политических лидеров и т. д. В основе этих отношений может быть сотрудничество, кооперация, конфронтация». Кроме того, здесь сформулировано понятие «политическое сознание»: «Осознание субъектами политической сферы своих политических интересов» (что можно заменить референтом идеология). В политической сфере оно выступает как совокупность оценок, побуждающая субъекта к конкретной политической деятельности. Представлен в словаре и термин «политическая организация общества»: «совокупность государственных органов – законодательных, исполнительных и судебных, партийно-политических и общественно-политических институтов (то есть государство). Политическая организация общества составляет организационное ядро политики» (Политологический словарь, 1994, с. 168).

В первом и втором определении референта гиперсемами являются «власть» и «политика», в третьем определении в контексте репрезентирована сема «идеология», в четвертом – «политика» и «государство». Следовательно, концепт «политика» представлен доминантными гиперсемами власть, «государство», «идеология».

Показательно, что в словарях советского периода в сигнификативном значении «политика» как ядерная выделялась идеологическая сема классовый, согласно общепринятому учению марксизма – ленинизма.

«Энциклопедический словарь» представляет данную политему следующим образом: «Деятельность, связанная с отношениями между классами, нациями и другими социальными группами, ядром которой является проблема завоевания власти, удержания и использования государственной власти, участие в делах государства, определение форм, задач, содержания его деятельности. Любая проблема приобретает политический характер, если ее решение связано с классовыми интересами, проблемой власти. Политическая надстройка (политическая идеология – О.В.) возникает с разделения общества на классы на осно-

ве экономического базиса общества» (Советский энциклопедический словарь, 1988, с. 1030).

Политические и энциклопедические словари подтверждают вывод о том, что концепт «политика» обусловлен субъектно-объектными отношениями власти, осуществляемыми в интересах определенного лидера, группы, класса или партии через политические учреждения, институты, организации.

В «Политологическом словаре» 1995 г. этого нет: «Политика. 1. Деятельность органов власти, общественных сил и отдельных лиц в сфере отношений между государствами, нациями, большими группами людей... 2. Участие в делах государства...» (Политологический словарь, 1995, с. 582).

«Политика (греч. *politike* – государственные или общественные дела, от *polis* – государство), сфера деятельности, связанная с отношениями между классами, нациями и другими социальными группами, ядром которых является проблема завоевания, удержания и использования государственной власти. По мере усложнения социальной жизни, осознания различными общественными группами своих интересов формируется политическая надстройка общества, возникают организации и учреждения, в рамках которых по преимуществу осуществляется политическая деятельность, прежде всего государство, позднее партии политические» (БЭС, т. 20, с. 337-338).

Разные типы словарей представляют доминантные признаки семантического поля «политика», которые базируется на трех гиперсемах: «власть», «государство», «идеология», отражающих социальные и духовные аспекты когнитивного мира. Таким образом, политика – это емкий, семантически насыщенный концепт. Подтвердить наши выводы можно и высказываниями признанных мыслителей. В.И. Ленин считал, что «политика есть участие в делах государства, направление государства, определение форм, задач, содержания деятельности государства» (Ленин ПСС. т. 33, с. 340). М. Вебер отмечал: «Политика», судя по всему, означает стремление к участию во власти или к оказанию влияния на распределение власти, будь то между государствами, будь то внутри государства между группами людей, которые оно в себе включает» (Вебер, 1990, с. 646).

Политический язык как жизненно динамичная знаковая система представляется в виде диалектической системы элементов, обладающих огромным потенциальным «коммуникативно-смысловым заря-

дом». В данном аспекте исследования нам близка позиция А.Ф. Лосева, утверждавшего, что в основе всего лежит смысловая заряженность языкового элемента: «Это – нечто настолько глубокое, что уже не сводится ни на какие отдельные функции слова, а наоборот, лежит в основе всех этих функций и является их жизненной силой, то малой, то большой, и часто совершенно неожиданной» (Лосев. 1989, с. 15).

Итак, референт «политика» на уровне макроконцепта аккумулирует основные, базовые микроконцепты: «власть», «государство», «идеология». Их философские и лингвистические толкования интегрируются ключевыми словами, участвующими в организации семантической структуры исследуемого референта, близки к центральной лексеме, частотны, сема «политика» является ядерной в интенциональной структуре их значений.

При выявлении сходства семантики ключевых слов в составе изучаемого семантического пространства необходимо уточнить понятия, находящиеся на пересечении семантических полей: «политика», «власть» и «идеология».

В «Словаре современного русского литературного языка» представлено четыре значения слова «власть», где первое и второе не имеют прямого отношения к политике: «1. Право и возможность повелевать, распоряжаться действиями, поведением кого-либо». Один из примеров «Эти взгляд и молчание мучительной тяжестью ложились на плечи, на душу, заставляли терять власть над собой». «2. Могущественное влияние, непреодолимая сила чего-либо. Власть денег, золота. Во власти музыки, живописи» (ССРЛЯ, с. 304). Следует отметить, что понятие «власть» нас интересует как политический термин, именно в таком узком употреблении он репрезентирован в БАС: «право управления государством; права и полномочия правительства, правительственных органов...; права и полномочия органов государственного управления» и сопровождается пометой «политическое». То есть в аспекте исследования необходимо проанализировать не общее понятие «власть», а его составляющую часть – «политическая власть».

Политическая власть – способность и возможность социальной группы, партии, лидера «осуществлять свою волю, оказывать определяющее воздействие на деятельность, поведение людей в данной стране посредством авторитета, права, насилия». Именно в таком употреблении данный референт чаще всего функционирует в средствах массовой информации.

Необходимо сопоставлять наши данные с теми понятиями, которые активно используются в политологии, науке о политике. Данное понятие вошло в активное употребление в России в конце 80-х гг. XX в. в связи с политизацией общественной жизни, развитием политического плюрализма и многопартийности.

Под властью политологи понимают способность и возможность осуществлять свою волю, оказывать определенное воздействие на людей с помощью авторитета, права, насилия. К основным разновидностям власти философы относят экономическую, политическую, военную, духовную, семейную, но особо выделяют политическую власть, которая характеризуется реальной возможностью субъекта проводить свою волю, выраженную в политике. Политическая деятельность осуществляется не только в рамках каждого государства, но и в рамках партии, профсоюзов, международных общественных организаций, экономических отношений и др.

Примеры употребления словосочетаний с относительным прилагательным «политический» и существительного «политик» подтверждают данное положение: «Впрочем, не только «соколы Жириновского» считают Прикамье своей вотчиной. Демократы называют его оплотом демократии, коммунисты – своим регионом. Однако каково же на самом деле влияние тех или иных политических сил на развитие ситуации в Пермской области?» (Российская Федерация, 2003).

Поведение власти определяет идеология, которая выражает идеалы и цели политической деятельности. Термин «идеология» возник на рубеже XVII – XVIII вв. во Франции (от греч. *Idea* – понятие, *logos* – значение) и рассматривался как форма человеческого сознания: «совокупность идей политического характера, на основе которых складываются политические отношения и функционируют соответствующие институты, организации, учреждения» (Политологический словарь, 1994, с. 180).

В лингвистическом словаре дефиниция представлена следующим образом: «Система взглядов, идей, характеризующих какую-нибудь социальную группу, класс, политическую партию, общество» (Ожегов, 1973, с. 219).

Понятие «идеология» в Кратком политическом словаре определено довольно широко. Оно включает философские, политические, экономические, нравственные, религиозные, эстетические и другие идеи как «система взглядов на природу, общество и личность, а также ценностей, норм того или иного класса, целей и способов их достижения» (Краткий политический словарь, 1989, с. 183-184). Функционально-

семантическое поле «идеология», как и поле «власть», необычайно широко, поэтому следует определить аспект нашего исследования – это область политики.

Семантические поля референтов «политическая власть» и «политическая идеология» пересекаются с понятийным полем «политика», характеризую социальные отношения определенного качества, в отличие от семантического поля «государство», которое полностью вписывается в поле «политика» и является его ядерной структурой.

Данные Словаря С.И. Ожегова и Политологического словаря подтверждают этот вывод. Нетрудно убедиться, что ядерной семьей в семантической структуре слова, называющего понятие «государство», авторы словарей считают сему «политика» («политическая»).

Таким образом, ориентируясь на дефиниции словарей, можно сделать вывод о том, что концепты «политика», «политическая власть», «политическая идеология», «государство» находятся в определенной иерархической связи, однако наиболее семантически насыщенным является концепт «политика». Материалы исследования дают основание утверждать, что концепт следует рассматривать широко, как многомерную, семантически насыщенную единицу, имеющую дискретную целостность смысла.

Политика формирует понятие, связанное с ролью человека в обществе, государстве, современном ему мире, поэтому анализ данного семантического пространства позволяет проникнуть в картину мира, отраженную в текстах определенной временной приуроченности.

Организуя текст или фрагменты текста в различных произведениях политической тематики, лексемы, входящие в данный концепт, влекут за собой употребление других слов своего семантического поля, иррадируют нейтральные слова, придавая им политический компонент значения.

По глобальности представленной информации выделяются макро- и микроконцепты. Так, макроконцепт «политика» представляет собой схему-гипероним, которая раскладывается на три микроконцепта: «политическая власть», «государство», «политическая идеология». Возможен и другой вариант, где макроконцепт представлен двумя микроконцептами: «государственная власть» и «политическая идеология». Установить строгую иерархию понятий (Г – В – И или И – Г – В) чрезвычайно сложно, так как данные понятия постоянно пересекаются, дополняя, конкретизируя и взаимопроникая.

Использование идеи концепта, то есть модели развертывания смысла применительно к понятию политика, позволяет не только обозначить тезаурус политического языка, но и выявить структуру, построить образную модель схему, состоящую из маркированных конститuentов, выделенных гуманитарными науками.

Концепт – гипероним «политика» может быть представлена в следующих вариантах (где П – политика, пВ – политическая власть, пИ – политическая идеология, Г – государство):

$$\begin{aligned} \text{П} &= \text{пВ} - \text{Г-пИ} & \text{П} &= \text{ГВ-пИ} \\ \text{П} &= \text{Г- пИ} - \text{пВ} & \text{П} &= \text{пИ} - \text{пВ- Г} \end{aligned}$$

Выявляя концептуальную основу политического дискурса, мы стремимся глубже отразить два уровня политической коммуникации: семантический и экстралингвистический (эпистемологический, культуру познания), глубинный. Л. Витгенштейн в Логико-философском трактате указывал: «Чтобы познавать и осваивать мир, человек переносит свойства вещей и отношений из одной среды – реального мира – в другую – собственное сознание. Это не что иное, как процедура когнитивного моделирования действительности». Слово – лишь средство, указывающее на наши знания. Мир распадается на факты, номинация референтна, когнитивно ориентирована, в этом и состоит ценность коммуникации как процесса». Действительно, данный процесс бесконечен. Анализируя язык политики, мы раскрываем эвристическую модель смысла и исследуем следующие микроконцепты, которые становятся на макроуровень и представляют собой семантически наполненную модель когнитивной действительности. В этом плане и рассматриваются концепты «политика», «политическая власть», «политическая идеология», «государство».

Задачей лингвистического анализа политического дискурса является изучение его семантического пространства, поведения языковых единиц в речи, выявление их сочетаемости и частотности. На лексико-семантическом уровне функциональный подход заключается в рассмотрении слова как единицы языковой системы и его речевой актуализации (выбор нужного слова из лексической парадигмы и его употребление по нормам сочетаемости).

Соединение парадигматического и синтагматического аспектов функционирования слов опирается на закон семантического согласования, по которому языковые единицы, входящие в регулярные связи, содержат общие повторяющиеся семы.

В современной лингвистике синтагматика может трактоваться по-разному. Узкое понимание – сочетаемость слов на уровне речи. Самое широкое, идущее от «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра, определяет синтагматические отношения как системные связи слов, проявляющиеся в словосочетаниях (на уровне языка, речи или текста). Семантический анализ синтагматических отношений связан с теорией валентности (в языке) и сочетаемости (в тексте и речи). Как справедливо отмечал В.В. Морковкин, синтагматика имплицитно присутствует в языке и эксплицитно в речи, а парадигматика же, наоборот, имплицитно – в речи, а в явном виде – в языке. (Морковкин, 1997, с. 46).

Исходя из того, что слово должно рассматриваться в единстве всех его связей, следует отметить, что его сочетаемость ограничена. Разработав теорию словосочетаний, Е.И. Аничков, на сорок лет опередил теорию сочетаемости Ю.Д. Апресяна. Это понимание ограниченной сочетаемости слов, лексической или синтаксической, лежит в основе контекстуальной теории Н.Н. Амосовой (1963). Теория сочетаемости позволяет нам выявить тезаурус политического языка и определить функции политема в тексте.

Кроме того, анализ синтагматических связей близких по значению слов, входящих в одно и то же поле, может и должен включать в себя их употребление в свободных (относительно свободных) словосочетаниях, выступающих единицами «переменного текста» (по терминологии Амосовой) и в (относительно) устойчивых словосочетаниях, то есть в составе единиц «постоянного контекста».

Несмотря на то, что в настоящее время существуют как обособленные разделы языкознания: лексика, фонология, морфология, синтаксис, которые изучают единицы разных уровней с точки зрения выраженного значения, слово и словосочетание могут рассматриваться в единой семантической системе в составе функционально-семантических отношений, где функция понимается довольно широко.

А.В. Бондарко определяет функционально-семантическое поле как систему «разноуровневых средств данного языка (морфологических, синтаксических, словообразовательных, лексических, а также комбинированных – лексико-синтаксических и т. п.), объединенных на основе общности и взаимодействия их семантических функций» (Бондарко, 1985, с. 23).

Более полное определение представлено Л.А. Новиковым, который рассматривает семантическое поле как лексикосемантическую катего-

рию: «Единицы семантического поля употребляются каждый раз как единицы того или иного семантического класса слов, обладая всеми его семантическими, структурными и функциональными свойствами... В отличие от ЛСГ семантическое поле включает в себя единицы, которые могут относиться не только к одной и той же, но и к разным частям речи. Слово (ЛСВ) в поле входит не только в синтагматические и парадигматические, но и в ассоциативно-деривационные отношения». Ученый делает важный вывод: «В семантическом поле как синтезирующей языковой категории представлены все типы семантических отношений лексических единиц» (Новиков, 1983, с. 76).

В функциональном подходе можно выделить семантические и ономонологические аспекты, где второй связан с функционально-ономонологической грамматикой языка. Именно здесь рассматривается использование различных средств для выражения определенных понятий. «Ономонологический подход, – указывает В.Г. Гак, – в конечном итоге, если он доведен до своего логического конца, стирает грань между уровнями языка, показывая, как средства различных уровней дополняют друг друга и взаимодействуют друг с другом при выражении определенных значений» (Гак, 1985, с. 5).

В работах Ю.Д. Апресяна, посвященных лексической семантике, в концептуальном плане дано представление о высокой степени системной организации лексики, в основу которой положен принцип лексикографического портретирования. Каждая лексема предстает как неповторимый своеобразный мир, который, объединяясь под воздействием формальной организации языка и экстралингвистических факторов, репрезентирует «наивную» картину мира, представленную на уровне лексики и грамматики. «Под семантикой в большинстве случаев понимаются сведения о классе называемых знаком вещей с общими свойствами или классе внеязыковых ситуаций инвариантных относительно некоторых свойств участников и связывающих их отношений. Под синтактикой знака понимается информация о правилах соединения данного знака с другими знаками в тексте. Под прагматикой знака понимается информация, фиксирующая отношения говорящего или адресата сообщения к ситуации, о которой идет речь» (Избранные труды, т.1, с. 56).

Таким образом, понятийное поле «политика» охватывает не только четко разграниченные образования, но и переходы между ними и в грамматическом, и в лексическом, и в семантическом аспектах.

КОММУНИКАТИВНО-ТЕМАТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ»

Синтез понятий о политической власти, политической идеологии и государстве представлен политической лексикой, которая включает в свою группу слова с политическим и идеологическим значением в денотативном или коннотативном компонентах. Определение концептосферы политической коммуникации позволяет вести речь о разграничении политема и идеологема. До настоящего времени все слова с политическим компонентом значения, по определению Нойберта, лингвисты именуют идеологемами, однако этот термин следует уточнить: семантическое поле «политика» шире семантического пространства «политическая идеология». Политическая идеология как микроконцепт входит в макроконцепт «политика», следовательно, мы имеем основание для данного разграничения.

Идеология – это способ выражения групповых и общественных интересов, обусловленный социальными и политическими идеалами и ценностями, средство организации и управления поведением индивидов в определенной исторической обстановке.

Влияние идеологии на язык проявляется в том, что одно и то же явление вызывает различные ассоциации и оценки коммуникантов, обусловленные их различной идеологической позицией. Ортодоксальная политика принуждает следовать жестко определенным дискурсивным законам, определенным канонам высказываний. Демократическая власть предполагает проявление многообразных социальных позиций, так как идеологический и социальный контингент говорящих стремится проявить свою индивидуальность, свой политический взгляд.

По наблюдениям С.Д. Кацнельсона, идеологическую позицию выражает группа слов – терминов из сферы социологии, философии, права, где «классовая идеология участвует в формировании соответствующих понятий».

Если в социалистическом обществе при однопартийной системе речь шла о классовой идеологии, то изменение режима привело к более широкому и объективному пониманию того, что определяет позицию коммуникантов, в данном случае не классовая позиция, а политическая. В советский период в России идеологию сводили к классовому сознанию, то есть в основе этой теории лежит представление о классовых интересах и целях социальных групп. Однако в 90-е гг. в России

разрушилось представление о классах в традиционно-политическом понимании, а на первый план выступили понятия общечеловеческие, национальные, религиозные, государственные и т. п. Идеология, таким образом, теперь представлена в науке как компонент общественного сознания, связанного с политикой.

Термин «идеология», обозначающий «учение об идеях», древнегреческого происхождения. В научный оборот он был введен Антуаном Дестютом де Траси, одним из представителей позднего поколения французских просветителей. В своем труде «Этюд о способности мыслить» он использовал термин «идеология», чтобы охарактеризовать науку об идеях. В более позднем сочинении «Элементы идеологии» (1805-1815) философ развил основные положения своей теории: «идеология – «наука об идеях, о том, как они возникают, и законах человеческого мышления». Термин «идеология» стал использоваться довольно широко, но сразу оказался под влиянием политики (Коваленко И.В., 1980, с. 157).

«Идеология обеспечивает ценностное восприятие, осмысление, выражение групповых и общественных политических интересов, приучает к анализу социально-политических явлений и процессов через призму определенных интересов и политических целей» (Политология, 1997, с. 677).

Язык политики моделирует историческую действительность, что нашло отражение в лингвистических концепциях, выявляющих взаимообусловленность языка и идеологии. Работы А.М.Селищева («Язык революционной эпохи»), А.П. Баранникова («Из наблюдений над развитием русского языка в послевоенные годы») и других отечественных лингвистов периода 20-х гг. убедительно доказали активное влияние социальных факторов на языковую структуру.

Позже в теории «нового учения о языке» Н.Я. Марра и его школы идеологическим факторам отводилась главная роль в объяснении происходящих языковых процессов: обосновывалась классовая природа языка, а сам язык рассматривался как специфическое явление идеологической надстройки.

Данная теория была опровергнута в выступлениях и трудах В.В. Виноградова, В.М. Жирмунского, Ф.П. Филина и других ученых в 50-60-е гг. Особый интерес к проблеме взаимодействия языка и идеологии возник в 70-х гг. в отечественной и зарубежной лингвистике. Особое внимание следует обратить на работы немецких ученых А. Нойберта, Г. Клауса, В. Шмидта и др., где признается, что инвариан-

ты идеологом представлены в марксистско-ленинском учении об обществе, а не извлекаются из языкового материала.

Идеологема не возникает при изолированном или произвольном употреблении. «Слово участвует в идеологии в силу своего положения в общей системе обозначений и оборотов, представляющих определенную идеологию. Его семантика в каждом конкретном случае получает дополнительную значимость. Оно получает прагматическое содержание. Отсюда следует, что одно и то же слово в зависимости от обстоятельств может принадлежать двум совершенно различным идеологиям. Например, слово свобода в устах буржуазного идеолога и в понимании социалистического политика. Термин идеологема обозначает два понятия: «социальный инвариант, проявляющийся в языковой единице» и «лингвистический инвариант с социальной релевантностью» (Нойберг, 1979). Под влиянием этих положений термин «идеологема» зачастую стал представлять любую языковую единицу, имеющую хоть малейшее отношение к политической лексике.

В отечественной лингвистике в 70 – 80-е гг. появились труды (Т.Б. Крючковой, М.Н. Николаева, Т.Н. Поповцевой, А.А. Федяшиной и др.), посвященные изучению влияния идеологии на язык, функционированию идеологом и их системных связей. Проблема языка как средства идеологического воздействия была поставлена в работах Ю.Д. Дешериева, А.А. Стриженко; исследованием идеологической оценки занимались Н.Д. Арутюнова, Е.М. Вольф, В.Н. Телия, Н.А. Лукьянова и др. Таким образом, идеологема хорошо изучены и представлены в научной литературе, однако никогда не разграничивались с политемами, поэтому во многих работах последних лет в ряд идеологом вне контекста попадают термины или номенклатурные названия, которые с идеологией не имеют ничего общего.

Так, Т.Б. Крючкова пишет: «Общественно-политическая терминология – это часть терминологии общественных наук, обладающая свойством идеологизированности» (с. 36). Но почему тогда в примерах к политическим терминам вне контекста относятся термины экономики (хозрасчетный договор, социалистическая предприимчивость, самофинансирование, теневая экономика, самокупаемость)? Разве в них содержится идеологическая сема? Действительно они могут выполнять функцию политем, если попадают в зону действия политического дискурса, но не являются идеологемами как таковыми. Этот факт доказывает, во-первых, необходимость дифференциации политем и идео-

логем, во-вторых, следует учитывать условия перехода периферийных лексем в зону действия политического дискурса, в-третьих, следует помнить, что ограничить семантическое пространство политического языка невозможно: границы его полей размыты, связаны с существующим режимом, политической системой и политической идеологией правящей элиты.

Концептуальное исследование политического языка позволяет разграничить политемы и идеологемы, но при этом необходимо четко дифференцировать следующие положения. В центре семантического поля «политика» находится понятие «власть как рычаг управления государством», ядром семантического поля «идеология» является понятие «политическое сознание», «мировоззрение». Обратимся еще раз к современному пониманию политической идеологии: «Это система взглядов, идей, теорий, концепций и идеалов, отражающая общественное бытие через призму интересов и целей определенной социальной общности. Она образует политизированный сегмент общественного сознания и выражается в политических программах, манифестах, декларациях, лозунгах и пр.» (Ю.В. Ирхин, Д.Е. Слизовский, 1995, с. 4). Таким образом, политическое сознание отражает действительность с точки зрения коллективных интересов, эксплицирует общечеловеческие идеи и представления.

Идеология определяет поведение власти, то есть ее основные цели и действия. В то же время она обуславливает и поведение индивида, партии, фракции, нации. Если их цели совпадают, то складываются взаимоотношения поддержки, доверия (что наблюдается в текстах официальной печати периода социализма), если их идеалы и цели расходятся, то складывается обстановка политической борьбы дифференцированных оппозиционных групп.

В современных философских и социологических исследованиях отмечается, что в исторически переходный период источник развития политической системы выявляется в противоречиях различных социальных сил, представляющих конкурирующие уклады общественного сознания. Эти силы могут быть представлены несколькими группами: а) идеологи и инициаторы революционных процессов и реформ, среди которых выделяются экстремисты, – поборники немедленных перемен, и умеренные – действующие взвешенно, с учетом обстоятельств; б) сторонники революционных преобразований – группы, поддерживающие революционные преобразования; в) потенциальные со-

юзники, несогласные с некоторыми конкретными преобразованиями; г) заинтересованные наблюдатели, поддерживающие «идеологическую доминанту революции», но не верящие в ее успех; д) нейтралы, политически пассивная группа населения; ж) консерваторы, стремящиеся к неизменности существующей системы; з) реакционеры, враждебные прогрессивным идеям. «Всякий процесс институализации есть процесс ограничения степеней свободы, средство упорядочения политического развития (Ю.В. Ирхин, Ю.Г. Сумбатян, 1995, с. 28). Внутренняя противоречивость политического сознания социума приводит к определенной системе мышления, когда складываются стереотипы отношения к власти и формируется ее положительная или отрицательная оценка.

Справедливость этого высказывания подтверждают политологи: общество постоянно оценивает политические факты, деятельность политического руководства, партийные программы, сообщения средств массовой информации. Общественному мнению свойственны прежде всего оценочная и регулятивная функции. Тем самым оно положительно или отрицательно влияет на отношение социума к происходящим политическим событиям.

Таким образом, идеологемами следует признать политемы, содержащие идеологический компонент значения в денотативной структуре слова. Идеологемы в коннотативном аспекте значения зачастую эксплицируют оценку, так как идеология репрезентирует социальную позицию, отношение к разным процессам и явлениям социально-политической действительности через призму сложившихся идеалов и убеждений.

Семантическое поле идеологем очень широко. Группируясь по принципу семантической общности, идеологемы образуют межчастеречную полевую структуру, где четко выделяются ядерные и периферийные микрополя полицентрического характера.

Ядерную структуру составляет группа идеологем, в денотате которой, в интенционале, содержится ярко выраженный идеологический компонент значения. В российском обществе расширился спектр идеологических конституентов: от двухполюсной модели (социализм – капитализм, коммунисты – антикоммунисты) он перешел к многополюсной. В результате идеологические направления современной России представлены в программах многочисленных партий, их партийных документах. А.И. Солженицын по этому поводу выразил свое мнение: «Соперничество партий искажает народную волю. Принцип партийно-

сти уже подавляет личность и роль ее, всякая партия есть упрощение и огрубление личности. У человека – взгляды, а у партии – идеология» (Солженицын, 1992, с. 46).

Демократизация жизни в нашей стране вызвала небывалую политическую активность. Сущность партий проявляется в их целях. На основе политических задач и общечеловеческих ценностей разрабатываются программы партий, где определяются стратегия и тактика их действий. Идеологическая борьба представлена главным образом в проявлении многообразия партийных установок. Спектр идейно – политических установок партий, движений и избирательных блоков весьма велик и выражает современные виды идеологии: либеральную, консервативную, коммунистическую, социал-демократическую, национал – патриотическую и др.

В результате ядром концепта «идеология» следует признать два сливающихся потока лексико-семантических групп: названия видов идеологий и названия партий. Функционально-семантическое поле представлено такими ядерными идеологемами: демократ, коммунист, элдэпээровец, правый, левый, красно-коричневый, консерватор, либерал, правоцентристская платформа, капиталистический образ жизни, коммунистические предрассудки, либеральные взгляды, консервативные высказывания, политические страсти, социалистические идеи, буржуазные проповедники, фашистские лозунги, социал-демократическая позиция т.п.

Данные ЛСВ объединены доминантными гиперсемами политика, идея, идеологическая позиция. На глубинном уровне значения, потенциально, в экстенсionale присутствуют дифференциальные аксиологические семы, закрепленные в узуальном употреблении (так, например, фашизм в национальной памяти ассоциирован с отрицательной аксиосемой), которые проявляются в контексте.

Например: «Именно в силу неприятия коммунистической идеологии мы должны добиться того, чтобы ее воцарение, властвование в нашей стране стало принципиально невозможным никогда. В нормальной жизни, в нормальном обществе, в гражданском обществе нет и не может быть никаких корней для экстремизма, радикализма как коммунистического, так и фашистского» («Известия»)

Научный и политический подход к идеологии (трактовка идеологии как особой науки) ведет за собой своеобразный научный аппарат: концепции, гипотезы, теории, программы, принципы. Таким образом,

доминантными в функционально-семантическом поле «идеология» являются микрополя, которые четко обозначаются в дефиниционных толкованиях, где группируются сигнификаты следующей семантической отнесенности: идеи, идеалы, духовные ценности, лозунги, призывы, декларации, политические цели, задачи, программа, платформа и т.п., которые являются маркерами поля «идеология».

«Мы предлагаем всем избирателям, всем гражданам России наш Программный манифест, в котором в краткой и ясной форме изложены наши идеалы, определены цели и задачи, в том числе и для предвыборной кампании. Ознакомьтесь с этими документами, вникните в суть программных установок партии! И вы поймете, что такое ЛДПР. Она предлагает вам, гражданам России, не абстрактные идеи и нереальные общественные системы, а вполне осуществимые задачи по отстаиванию национально-государственных интересов и повседневных потребностей людей. Если вы против свершившейся у нас в стране криминальной революции и в то же время вы против возврата в прошлое общество «уравнительного социализма», выбирайте путь к обществу свободы, демократии, справедливости, правопорядка и патриотизма, к которому стремится ЛДПР» (В.В. Жириновский «Мои гарантии избирателям»).

Семантические поля «идеология» и «политика» пересекаются, ибо идеология является составной частью политики, а политика обусловлена мировоззрением лидера и группы людей, стоящих у власти, поэтому политемы, попадая в зону действия семантического поля «идеология» также выполняют идеологические функции и зачастую становятся идеологемами (этот процесс подробно представлен в третьей части работы).

Идеологическое влияние проявляется и в том, что периферия (общепотребительная лексика), попадая в поле действия идеологом, также идеологизируется. Ограничить семантическое пространство концепта «политическая идеология» невозможно. Приведем здесь высказывание М.А. Мамардашвили: «Мы живем, погруженные в слова и некоторые культурные навыки и стереотипы. Мы рождаемся в этой среде. Я имею в виду российскую среду. Причем под словом «российская» я понимаю не этический, а социально-политический феномен, называемый Россией» (с. 7).

Программы партий представлены в текстах, где идеологема, актуализируясь, образуют коммуникативное ядро, ослабляя все остальные семы, кроме того, периферийные лексемы, попадая в зону действия идеологом, также идеологизируются..

«Формула российского социализма, – как отмечал председатель Социалистической народной партии России М. Шакур, – выводится на пересечение двух ключевых принципов – справедливости и коллективизма... Мы пожертвовали идеалами коллективизма ради примитивно понимаемого рынка. Мы разрушили комплекс социальных прав и гарантий ради обеспечения индивидуальных прав и свобод. Соблюдение и развитие цельного комплекса прав граждан является сегодня в России социалистическим лозунгом. Социалистической является формула: развитие рынка и частной собственности в той мере, в какой это не препятствует осуществлению всего комплекса прав человека... Российская экономика нуждается не в реформах, а в восстановлении. Мы должны честно сказать народу: нужно восстановить экономику, управляемость страны, возродить великое Российское государство. Это – стратегическая цель, это – главный лозунг России последних лет XX и первых лет XXI века» («Московская правда»).

Ю.Д. Дешериев справедливо отмечает, что «речь располагает почти неограниченными возможностями выражения идеологической функции» (с. 7). Это относится и к употреблению слов в высказываниях, так как идеологизация высказываний может осуществляться как путем использования идеологизированных слов, так и идеологически нейтральных слов, обозначающих идеологически нейтральные референты. В последнем случае это происходит при образовании в речи определенных идеологизированных словосочетаний. Данное явление особенно характерно для выражения политических отношений, которые характеризуют субъект с идеологической точки зрения и представлены квалитативным классом лексем.

Мы стали свидетелями перестройки идеологии, что нашло отражение в употреблении идеологем. Так, установка на коллективизм актуализировалась в словах и выражениях типа «наша цель – коммунизм» (этот лозунг относился ко всем советским людям), новые отношения приводят к индивидуализации сознания, что проявилось в идеологических терминах – названиях партий и их членов. Становление современной идеологии проявляется и в таких несопоставимых словосочетаниях, как «национал-патриоты», где сочетаются слова с антонимичными аксиосомами, «красно-коричневые» и т. п.

Особое внимание необходимо уделить отражению идеологии в лексико-семантической системе языка и функциям идеологем в речи. Главным образом они используются как научные термины социальных

наук, представлены в программах, лозунгах, требованиях субъектов политической коммуникации, актуализируются, выражая индивидуальную позицию гражданина или какой-то политической группы.

Основными их функциями следует считать прагматическую, аксиологическую и прогнозирующую. Идеология трактуется как совокупность идей, на основе которых формируется и прогнозируется отношение социума к власти, к процессам и явлениям политической действительности, складывается общественное сознание, мировоззрение и оценка социально-политических процессов, явлений, действий политической системы на основе сложившихся идеалов. Идеологемы – вербальное отражение «наивной» картины мира, индивидуальной политической позиции, чем обуславливается субъективность оценки.

Так, в ходе парламентских баталий рождается множество оценочных идеологем, связанных с курсом политических партий. Демократы называют коммунистов различными неслестными эпитетами: «национал-социалисты», «консерваторы», «националистические фашисты», другой лагерь – «чернорубашечники», «нацисты», а вместе – «национал-патриоты», «красно-коричневые». Коммунисты также не остаются в долгу, награждая демократов хлесткими прозвищами: «прихватизаторы», «дерьмократы», «лжедемократы», «рыночники» и т. п.

Прагматическая функция прежде всего связана с прогнозированием, объектом которого является внутренняя и внешняя политика. Общество стремится предсказать возможные состояния политических процессов, событий и явлений. Отношение между социальными группами, борьба и сотрудничество между партиями, государствами, нациями, исход выборов, определяющий дальнейшую политику страны, выбор методов и средств действия – все эти вопросы заранее прогнозируются на основе анализа и оценок конкретных политических событий.

Ср.: «Завершится ли демократическая эволюция тем же, чем в свое время социалистическая революция? Действительно ли русская история запрограммирована на эквифинальность – движение из любой точки, после любых пируэтов, завершается все там же – у подножия трона, все тем же – политико-экономической диктатурой «восточного» государства? Обречены ли все попытки либералов, демократов сместить главный вектор истории?» (Е.Т. Гайдар, 1998, с. 6).

Поскольку лексемы данного образования определяют идеологию, политический курс государства, следовательно, данное семантическое поле репрезентирует отношение к нему индивида как члена общества,

гражданина на основе сложившихся политических идеалов. Этот класс лексем функционирует в тесном контакте с субъектом власти и представляет характеристику лидера, элиты, власти, выполняя при этом эмотивную и оценочную функции.

«Борис Николаевич выиграл выборы – в решающей степени, может быть, – оседлав резвого коня нашей демократии и провозгласив лозунг «Берите суверенитета столько, сколько можете проглотить». Ныне ситуация изменилась... Теперь о том, какой президент нам нужен. Наверное, для нашей страны больше всего подошел бы социал-демократ. Но социал-демократ не вырастет у нас из тех рядов, из которых происходит Геннадий Андреевич. Нужен... как бы новый человек, не отягощенный грузом прошлого. Конечно, нужен, как в зрелых демократиях, президент-объединитель, а не разъединитель. Президент-созидатель, а не разрушитель. Президент, поддерживающий курс на социально ориентированную экономику и разумное государственное регулирование» («Российская Федерация», 2003).

Следовательно, функции политической идеологии следующие:

1. прагматическая – влияние на массовое сознание с целью разъяснить политическую ситуацию, определить социальные ценности и сформировать политическое поведение основной массы социума; создание теоретических основ и программ действий;

2. эмотивная – убеждение в правильности проводимой политики; определение символов, несущих в себе большой эмоциональный заряд. Идеологический способ отражения когнитивной действительности на эпистемологическом уровне позволяет представить референт с точки зрения интересов и ценностей социальных групп, партий и узуса в целом, выразить политические чувства, политические мнения, настроения, эмоции, страсти, убеждая в правильности.

3. аксиологическая – поскольку человеческое сознание это область психологической науки, данное семантическое поле дает возможность выразить собственное отношение к происходящему, дать оценку.

«Правители России и их приспешники обвиняют сегодняшних коммунистов во всех грехах. Это циничная ложь. Мы не изменяли идеалам дружбы, добра и справедливости, не развязывали братоубийственных конфликтов. Мы не предавали трудового народа, не оставляли заводов, не плодили безработных. Мы не предавали своих Знамен и Державы, не бросали друзей и союзников. Ныне КПРФ насчитывает уже более полумиллиона коммунистов-патриотов, имеет свою программу и яс-

ные цели. Наши союзники – все, кому дорога Великая Россия, в ком живет гордость за ее историю и культуру» (КПРФ. «Тезисы предвыборной платформы»).

Итак, вербализуя свою идейную политическую позицию, субъект воплощает ее в текстовой модели, где разнообразные высказывания, по замыслу автора, объединяются доминантной идеей и единой эмотивной функцией. При доминировании идеологической семы в тексте мы наблюдаем действие принципа детерминации, описанного А. Ельмслевым «синтагматика маркированного компонента на фоне нейтральных». В результате усиленного воздействия маркера происходит семная иррадиация лексических единиц, что находит выражение в прагматической актуализации: усилении одних сем и ослаблении других.

ОЦЕНОЧНЫЙ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТЫ ЗНАЧЕНИЯ В СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ПОЛИТЕМА

Для того чтобы исследовать функционирование лексем семантического поля «политика» в текстах, необходимо рассмотреть вопрос о семантической структуре слова.

Противопоставляя, вслед за А.А. Потебней, значение и смысл слова, современные лингвисты применяют различную терминологию: сокращенное название и развернутое значение (Г.И. Комлев), значение и смысл (Л.С. Выготский, А.А. Леонтьев), наивное и научное понятие (Ю.Д. Апресян) и др.

По наблюдениям И.А. Стернина, несмотря на различия в терминологии, «все авторы указывают, что часть значения, понимаемая всеми членами коллектива и передаваемая языковым знаком, несравнимо меньше той, которая связывается с данным знаком у каждого из говорящих на данном языке» (Стернин, 1979, с. 49).

Следовательно, в слове имеется «ближайшее значение», соотносимое с «формальным понятием», равное предметно-понятийному содержанию, ядру, или интенционалу. Это значение отражает объективные, абсолютные семантические признаки, связанные с главными и обязательными свойствами реалии или понятиями, обозначенными той или иной языковой единицей. Необходимо учитывать и потенци-

альные возможности словесного знака, которые не могут полностью реализоваться в конкретном употреблении. Большинство исследователей в зависимости от характера информации выделяет две части, или два макрокомпонента значения: денотативный и коннотативный. Как указывает М.В. Никитин, денотативный макрокомпонент связан с той сферой обозначения, которая ориентирована на предметный и понятийный ряд (вещественная, предметно-логическая, денотативная, семантическая, интеллектуальная и др. информация). Коннотативный макрокомпонент ориентирован не на вычленение действительности, а на выражение такого отношения к ней, которое основано на представлении о ценности обозначаемого (прагматическая, модальная, эмотивная, субъективно-оценочная и др. информация).

Существуют различные классификации микрокомпонентов (сем), содержащихся в денотативном и коннотативном макрокомпонентах: интегральные и дифференциальные, ядерные и периферийные, узловые, окказиональные (см. об этом исследования Ю.Д. Апресяна, И.В. Арнольд, Л.М. Васильева, В.Г. Гака, Н.С. Комлева, Л.А. Новикова, И.А. Стернина, В.Н. Телии и др.).

Вопрос о коннотативных семах, их соотношениях с денотативными до сих пор является дискуссионным, хотя большинство исследователей выделяет именно среди коннотативных элементов оценочные, эмотивные, экспрессивные, стилистические, социальные, культурно-исторические, по-разному объединяя друг с другом эти семы при конкретном анализе семантической структуры слов: эмоционально-оценочные, эмоционально-экспрессивные, экспрессивно-стилистические или, заменяя один термин другим, стилистическое – социальное, эмотивное – эмоциональное, экспрессивное – стилистическое и т. п.

Для исследования политической лексики важно выделение оценочных сем, то есть рассмотрение сущности политической лексики в прагматическом аспекте, поскольку прагматика связана с выявлением «отношения субъекта к употребляемым знакам, а также воздействием знаков на того, кто их использует» (Новиков, 1983, с. 51). Под оценкой принято понимать «общественно закрепленное отношение носителей языка (хороший – плохой, хорошо – плохо) к внеязыковому объекту и к фактам языка и речи» (Хидкель и Кошель, 1983, с. 11); «установление субъектом эмоционально-оценочного статуса кого-, чего-либо, выражение эмоционального предпочтения – неpreferенция, одобрения – неодобрения кого-, чего-либо» (Киселева, 1978, с. 18). Выделяют

положительную и отрицательную оценку, которая передается оценочными словами, существующими в системе языка или употребляемыми в данном конкретном языковом акте.

Ряд исследователей оценочные семы включает в коннотативный макрокомпонент значения (Д.Н. Шмелев, Л.А. Киселева, О.С. Сапожникова, Н.А. Лукьянова, Э.В. Кузнецова, В.К. Харченко, Е.Г. Ковалевская и др.). Ряд исследователей противопоставляет «идеологическую оценку» (Э.Ф. Махова), «интеллектуальную оценку» (Н.Д. Арутюнова), «рациональную оценку» (В.Г. Гак) и «эмоциональную», считая, что «рациональная оценка» действует на уровне денотативной соотнесенности языковой сущности, что «идеологическая оценка» есть определенная сторона денотации, а не коннотации (Телия, 1991, с. 22).

Однако при таком понимании оценки зачеркивается принятое современными лингвистами положение о том, что каждая оценка так или иначе связана с интеллектом человека и с его чувствами, затушевывается различие типовой, узуальной и текстовой, окказиональной оценки. Кроме того, следует отметить, что практически нет непроходимой грани между коннотативным и денотативным содержанием слова, о чем убедительно пишет В.И. Шаховской: «...люди понимают и чувствуют одновременно, т.е. оценивают и переоценивают эту оценку, выражают ее (через коннотацию) одновременно с названием (через денотацию) объекта оценки, денотативные (логико-предметные) и эмотивные (коннотативные) диспозиции в слове представляют бесконечное взаимодействие, которое мы назвали бы функциональной диархией (потенциальным равноправием) и превалированием в ту или иную сторону в зависимости от коммуникативного намерения говорящего: обозначить, указать референт или выразить свое отношение к нему» (с. 34).

Итак, денотативный компонент – это «понятийное ядро значения, то есть объективный (номинативный, внешнеситуационный, когнитивный, репрезентативный, фактический, предметно-реляционный) компонент смысла, абстрагированный от стилистических, прагматических, модальных, эмоциональных, субъективных, коммуникативных и т. п. оттенков» (ЛЭС, 1990, с. 129).

Под коннотацией В.Н. Телия рассматривает «эмоциональную, оценочную и стилистическую окраску языковой единицы узуального (закрепленного в системе языка) или окказионального характера. В широком смысле это любой компонент, который дополняет предметно-понятийное (или денотативное) содержание языковой еди-

ницы» (ЛЭС, 1990, с. 236). Следовательно, оценочная сема учитывается как один из возможных компонентов коннотативного содержания слова в системе типового словоупотребления, характерного для данного социума, или сема, наводимая контекстом в семантическую структуру слова в данной речевой ситуации (пейоративная, отрицательная, или мелиоративная, положительная, оценка).

В связи с изучением влияния социальных факторов на язык, социолингвистическим аспектом анализа семантической структуры слова встает вопрос о наличии в содержании слова идеологического компонента значения, с помощью которого передается идеологически обусловленная информация. Однако в решении и этого вопроса единого мнения лингвистов не существует, в работах современных исследователей постоянно взаимозаменяются определения «политический», «идеологический» и «социальный».

О социальной дифференциации языка писали многие лингвисты: И.А. Бодуэн де Куртене, А. Мейе, Ш. Балли, В. Матезиус, Э. Сепир, Е.Д. Поливанов, А.М. Селищев, Р.О. Шор, Г.О. Винокур и др.

Все современные исследователи, особенно представители социолингвистики (У. Лабов, А. Гилман, А.Д. Швейцер, И. Краус, В.Г. Костомаров, Д.Н. Шмелев, Т.Г. Винокур, Л.П. Крысин, А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов и др.) учитывали влияние социального фактора на словоупотребление и слововосприятие, относя к социально обусловленной информации те сведения о субъекте речи, которые в социальном плане освещают личность. В основе подобного восприятия лежит идея Е.Д. Поливанова о «языковом паспорте говорящего», характеризующем личность с точки зрения пола, возраста, уровня общей культуры, образованности, профессиональной деятельности, принадлежности к определенной группе, классу (с. 207).

Таким образом, речь идет о социальной коннотации, часто пересекающейся со стилистической коннотацией (эти языковые явления, рассматриваемые в сборнике «Социально-лингвистические исследования», 1976, и в книге Л.П. Крысина «Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка» (1989), где «социальное» понимается очень широко: просторечие, диалектизмы, жаргонизмы.

Социальным является тот компонент (сема) коннотативного макрокомпонента, с помощью которого передается информация о социальном статусе говорящего (здесь пересекается «стилистическое» и «социальное»), профессии говорящего, его принадлежности к определенной группе социума.

В связи с вопросом о фоновых знаниях собеседников, о существовании безэквивалентной лексики в разных языках в работах по психолингвистике, социолингвистике, страноведению используется термин “культурно-исторический компонент значения” (А.А. Леонтьев, Е.А. Супрун, Ю.А. Бельчиков, И.Ф. Протченко, Г.Д. Томахин, Л.П. Крысин, Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров и др.), часто употребляемый вместо термина «социальное значение».

В конкретном коммуникативном акте разграничить в слове социальный и культурно-исторический компоненты почти невозможно, так как понятия культура и общество неразрывным образом связаны друг с другом, но все же при классификации лексики не следует смешивать слова, содержащие социальный компонент значения (стахановец, субботник, райсобес, маевка) и слова, содержащие культурно-исторический компонент значения (самодетельность, сарафан, гусли, конек (избы), плачи, частушки), хотя для восприятия тех и других слов необходимы фоновые знания.

В связи с развитием особой части семиотики – прагматики – встал вопрос о связи социальной коннотации с проблемами общественного сознания, мировоззрения, идеологией (О. Клемпер, И.Г. Клаус, Л. Хоффманн), что обусловило употребление термина «идеологический компонент значения» для обозначения более узкого понятия по сравнению с понятием «социальное».

Н.Г. Комлев признает, что существование идеологического компонента значения в слове связано с классовой дифференциацией общества. «Таким образом, – пишет он, – отдельные слова могут служить интересам отдельных классов, а некоторые слова – понятия могут глать, даже если они берутся изолированно, ибо за ними стоит эксплицитно не выраженная дефиниция. Таких слов особенно много в общественно-политической сфере и идеологии» (Комлев, 1969, с. 127). И.М. Дева пишет: «В ряде случаев бывает нелегко установить как сам факт отсутствия или наличия оценки, так и ее характер. В большей степени это относится к идеологически связанной, или идеологизированной, лексике, которая выражает классовый подход к явлениям и событиям, и восприятие которой обусловлено мировоззрением» (с. 119).

Однако в действительности наличие идеологического компонента значения в слове обусловлено не “классовой расколотостью” общества, а различной идеологией внутри членов данного социума или изменением идеологии членов данного коллектива на определенном этапе

развития этого общества, особенно в период резких социальных изменений (например, в 1917 г., или 1991 г.).

«Нет сомнения, – утверждает В.В.Кусков, – что среди современных коммуникативных ситуаций особое по своей глобальной значимости место занимают те, которые связаны с борьбой идеологий, с политической конфронтацией. Именно в этих ситуациях четко проявляют себя идеологические компоненты самого языка» (с. 172).

Слова, содержащие идеологический компонент значения, ряд зарубежных и отечественных лингвистов называют идеологемами, считая, что слова подобного рода несут одновременно лексическую, понятийную, историческую и прагматическую нагрузку (А. Нойберт, 1979, с. 78). Однако термин «идеологический компонент значения» употребляли в 20 – 30 гг. А.М. Селищев, А. Мейе, Е.Д. Поливанов, Г.О. Винокур наряду с квалификациями «политический» и «социальный», выявляя этот компонент значения в структуре слов, входящих в состав политической и социальной лексики (в широком смысле этого слова, ср. современное противопоставление политической и политологической лексики).

Особенно важно, на наш взгляд, разграничение идеологического и оценочного компонента значения и одновременное указание на существование социальных оценок, а также обусловленность оценок идеологией говорящего. Вопрос о разграничении политической и идеологической лексики еще ждет своего серьезного исследования, хотя уже сейчас ясно, что политемы и идеологемы – это лексемы двух пересекающихся концептов.

Все названные исследователи постоянно подчеркивают, что так называемые концептуальные слова (политемы, идеологемы) не только лишены оценочности, но оценочность особенно характерна для слов (терминов) этого рода, ибо говорящий одновременно называет ими важное для него понятие и оценивает его.

Как отмечал А.М. Селищев, идеологический компонент значения и социальная оценка актуализируются в публицистике, «находящейся в руках партии», и особенно ярко – в речи партийных деятелей. «Партийная агитация, пропаганда, устная и печатная, воздействуют на население, – пишет он, – В особенности значительно бывает это воздействие тогда, когда партии принадлежит власть в стране и она располагает хорошим аппаратом... Особенности партийной речи распространяются не только в среде партийной, но и в прочем населении страны» (с. 97).

Например: «Кулаки знают, что тут происходит момент самой решительной, самой отчаянной борьбы за социализм» (Ленин). «Ему принадлежат десятки самых талантливых книг, самых бессмертных книг по коммунизму» (Зиновьев). «Мы все заняты сейчас колоссальным строительством, колоссальнейшей работой в деле строительства социализма» (Ленин) (Селищев, 1928, с. 127-129).

Идеологический компонент значения указывает на то, что слово связано с системой идей, представлений, понятий, выраженных в разных формах общественного сознания..., отражающей коренные интересы... социальных групп» (МАС, т. 1, с. 574).

Существуют различные точки зрения на сущность идеологического компонента: 1) в семантической структуре слова такого компонента нет, он появляется лишь при функционировании политических терминов в речи; 2) идеологический микрокомпонент входит в денотативный макрокомпонент; 3) идеологический микрокомпонент входит в коннотативный макрокомпонент; 4) существует особый идеологический макрокомпонент значения наряду с денотативным и коннотативным.

Представляется убедительной точка зрения, согласно которой идеологический компонент значения входит в денотативный макрокомпонент (Д.Н. Шмелев, Л.А. Мурадова, Л.П. Крысин, Т.Б. Крючкова и др.), так как структура лексического значения слов, обозначающих идеологические понятия, то есть идеологизированных слов, принципиально не отличается от «структуры лексического значения неидеологизированных слов» (Крючкова, 1989, с. 140). Идеологемы называют идеологические понятия так же, как слова иного содержания называют другие понятия, объективно существующие в действительности.

Оценочный компонент значения, хотя и относится к сфере интеллектуальной оценки, как уже отмечалось, входит в состав коннотативного микрокомпонента, ибо слова изучаемой микросистемы имеют одни и те же ядерные семы при любом употреблении (политика, идеология), а оценочная сема меняется в зависимости от мировоззрения, субъективной точки зрения говорящего или точки зрения, принятой в данном социуме в данную историческую эпоху.

Так, слово идеология включено в статьи дескриптера «Русского семантического словаря» буржуазный, политика, Советы, но оценочные семы (хорошо – плохо, истина – ложь) здесь не выделены, так как эти семы не связаны с названием понятия.

При функционировании идеологом в речи наблюдаются следующие процессы: идеологический компонент значения провоцирует актуализацию скрытых оценочных сем в семантической структуре существительных, называющих политические понятия, а также в семантической структуре относительных прилагательных, входящих в ту же микросистему. Появление в семантике прилагательного оценочных сем ведет за собой окачествление относительного прилагательного. Иногда это окачествление четко выражено, иногда только намечается (текстовый смысл слова связан с введением в его семантику качественных сем).

Анализ текстов политической тематики четко демонстрирует зависимость групповой, типовой для определенного времени оценки от идеологических факторов, поскольку «роль культурно-исторических факторов в оценочной деятельности состоит... в социологизации субъективного мировосприятия, что способствует преобразованию субъективно – речевого использования в факт речевого узуса или нормы» (Телия, 1986, с. 40).

КОММУНИКАТИВНО-ТЕМАТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ»

Проблема власти и властных отношений является ведущей в политике. С одной стороны, референт «власть» представляет собой средство осуществления политики, борьба за завоевание и использование власти выступает как ключевой аспект политической жизни общества, а когнитивную действительность представляют активно функционирующие политемы и идеологемы. С другой стороны, референт «политика» связан прежде всего с формированием, объемом и функционированием власти. Следовательно, политика и власть связаны причинно-следственными отношениями и на вербальном уровне коммуникации соотносятся между собой как взаимозависимые концепты.

На каждом этапе исторического развития референт власти обогащался новым содержанием, поэтому этимология понятия «власть» многообразна. В греческом языке (*archie*) – слово, обозначающее власть, употреблялось в двух значениях: суверенитет и начало; глагол также употреблялся в двух смыслах: править и начинать. В латинском языке слово «власть» (*potestas*) означало возможность, способность, обладание определенной силой для осуществления определенной

деятельности (potential). В этом же значении термин власть перешел и укрепился в романо-греческих языках. В английском (power) – власть, сила, могущество; в испанском (poder) – власть, влияние, авторитет, сила; во французском – власть, свойство, сила, влияние. В русском языке дефиниция в МАС представляет интересующее нас понятие «политическая власть» наиболее точно: «Право управлять государством. Политическое господство» (т. 1, с. 184).

Властные отношения присутствуют в любой организованной и устойчивой общности людей, они определяют меру свободы и самостоятельности членов общества. «Авторитетные полномочия власти можно охарактеризовать как влияние, основанное на легитимности: один субъект политики располагает авторитетным полномочием власти в отношении другого субъекта политики (а потому и влиянием), поскольку тот рассматривает притязания первого в отношении к себе как легитимные, законные или правомерные... Авторитетное полномочие власти в любой стране означает, что люди готовы следовать нормативным установлениям и исполнять указания должностных лиц. Источниками авторитета власти являются традиции, законы, а также харизматические, профессиональные и моральные качества политических лидеров» (Ирхин, 1996, с. 55).

Таким образом, концепт-гипероним «политическая власть» раскрывается с помощью двух важнейших микроконцептов. В центре макрополя политической власти находятся интересубъектные отношения. Отношения и характеристика власти и социума представляют собой семантическое наполнение данного понятия.

В роли субъекта власти выступает конкретный или обобщенный референт (лидер / элита), носитель политической деятельности, наделенный всеми качествами, присущими индивиду. Политическая элита – термин политологии, который обозначает высший социальный слой.

Слово элита (фр. elite) во втором значении представлено как «наиболее видные представители какой-либо части общества, группировки и т.п.» («Словарь иностранных слов», 1989, с. 582) Начиная с XVII в. оно употреблялось для обозначения товаров самого высокого качества, а затем расширяет значение и функционирует как «высшая знать». Оксфордский словарь (1823) свидетельствует о том, что в Англии элитой называли высших представителей общества. По мнению политологов, сама по себе проблема политической элиты общества имеет давнюю

традицию, восходящую к Платону, Аристотелю, Макиавелли. Заслуга западных ученых состоит в том, что они «пытались вычлениить и систематизировать вопросы, связанные с ролью элиты в политическом процессе, сделать их объектом специального исследования» («Политология», 1997, с. 615).

«Политическая элита – это относительно небольшая группа, которая концентрирует в своих руках значительный объем государственной и информационной власти, ее отличают высокий социальный статус и интеллект» (там же, с. 619). К сожалению, в словарях данный термин еще не нашел своего отражения, но активно функционирует в политическом дискурсе.

По данным «Независимой газеты», в 1990-1991 гг. 63% представителей верховной власти сделали политическую карьеру через «команду Ельцина», 46% – через Верховный Совет, 26% – через различные партии и движения, 17% – через местные органы власти, 14% – через команду Горбачева. В 1992-1993 гг. через эти главные «кадровые кузницы» политической элиты прошли соответственно 62, 39, 32, 11, 17% («Независимая газета»).

Г. Моска в работе «Основы политической науки» сформулировал концепцию о существовании в обществе двух классов, управляющих и управляемых. Первый, малочисленный, осуществляет все политические функции, монополизирует власть и пользуется большими преимуществами (политическая элита). Второй (социум), многочисленный, управляется и регулируется первым.

В формальной роли объекта (и в то же время субъекта) власти представлен социум, который также выступает как в обобщенном, так и в конкретном представлении.

Политический дискурс позволяет нам выделить базовые семантические модели вербальной репрезентации элиты и социума (В – власть, элита, С – социум): номинативный класс, квалитативный класс, предикативный класс, адъективный класс.

Анализируемый материал представляет каждый выделенный класс в двух аспектах: политемы и идеологемы, активно функционирующие в политическом дискурсе, и слова общелитературного языка, попадающие в поле действия политем.

Анализируя семантику политической лексики, следует иметь в виду концепцию Ю.Д. Апресяна, который указывал, что «под семантикой в большинстве случаев понимаются сведения о классе называемых зна-

ком вещей с общими свойствами или классе внеязыковых ситуаций, инвариантных относительно некоторых свойств участников и связывающих их отношений. Под семантикой знака понимается информация о правилах соединения данного знака с другими знаками в тексте». Автор пишет: «Хорошие сведения о типичных «параметрических» значениях можно получить, изучая классы значений, выражаемых в различных языковых грамматиках – словообразовательными и словоизменительными способами... они могут быть взяты от слова и от словосочетания... значением лексического параметра могут быть как слова, так и словосочетания» (с. 56).

Понятнейное поле данных ключевых понятий представляет следующую картину: к центру и ближайшей периферии относятся политемы, представляющие политическую характеристику исследуемых референтов, к дальней периферии – психологическая, качественная и другие характеристики субъектов политических отношений.

Категория субъекта в языке подробно рассматривалась в работах А.А. Шахматова, А.А. Потебни, Ф.Ф. Фортунатова, И.П. Распопова. В настоящее время разработаны коммуникативные и семантические аспекты понятия субъекта. Общим в работах, посвященных исследованию семантического субъекта, является понимание данной категории как носителя предикативного признака (Т.Б. Алисова, В.А. Белашапкова, М.В. Всеволодова, Г.А. Золотова, П.А. Лекант, Н.Ю. Шведова и др.). Определение субъекта как носителя предикативного признака предполагает выделение двух самых общих его значений: производителя действия и носителя состояния. Референт власти в политической коммуникации представлен и конкретно, и обобщенно (лидер, президент, глава правительства, власть, верхи и т. п.).

Итак, при определении референта власти наблюдаются интереснейшие отношения политического характера: верховная власть (лидер, элита), социум и отношения между ними.

Микрополе лидер / элита представляет собой номинативное образование, называющее конкретное и обобщенное субъектов власти, конкретно-исторического носителя многообразной политической деятельности, направленной на защиту и использование власти с целью реализации своих коренных интересов. В роли субъекта выступает лидер государства, президент, лидер правительства, премьер-министр, с именем которого отождествляется в настоящее время представление о верховной власти в стране, и социальная общность, поддерживающая

политическую деятельность лидера (обобщенный субъект верховной власти), – политическая элита.

Структурный каркас в данной системе образуют парадигматические отношения включения (привативная оппозиция), а также градуальная связь по разной степени синонимичности. В основе этих отношений в денотативной структуре значения лексем находится гиперсема «политическая власть», а также наблюдается соотношение дифференциальных сем – конкретизаторов: временной локализованности (управлять, лучший, высший, современный), территориальной локализованности (российский, федеральный, муниципальный, государственный, городской, областной, сельский и т. п.), квалитативная (верховный, лучший) и оценочная сема. В коннотативной структуре значения, экстенсионале, аксиологические семы, как правило, отсутствуют, что связано с терминологическим, информативным употреблением данных лексем, отражением нормы реального узуса.

Однако, несомненно, данные лексемы способны представлять и аксиологическую информацию, которая может быть выражена двумя способами. Как отмечала Е.С. Кубрякова, производное слово указывает на связь с другими предметами, соединяет новый и старый опыт, следовательно, становится семантически более емким. В данной группе лексем можно выделить два слова, которые уже интенционально репрезентируют отрицательную оценочную сему: верхушка (производное от верхи) и режим, где слово представлено во 2-м значении: «антинародный, недемократический государственный строй». Остальные лексемы – потенциальные носители аксиологической информации на глубинном уровне, которая актуализируется в речевой ситуации.

ВЛАСТЬ (В) – гиперсема

1. Правящая власть – В., управление, врем. локал.
Правящие верхи – В., управление, врем. локал.
Правящая верхушка – В., управление, пейоративн. оценка
Верховная власть – В, высшая, управление
2. Властная элита – В., лучшая
Правящая элита – В., лучшая, врем. локализов.
Политическая элита – В., лучшая, полит. управл.
Российская элита – В., лучшая, террит. локализов.
Политическое руководство – В., полит. управл.

3. Правящий режим – В., врем. локал., управл., гос. устр-во, мелиорат. оценка
Режим Ельцина – В., гос. устройство, пейоративная оценка
Институт президентства – В., гос. устройство, демокр.
4. Центр – В., главн., управл.
Кремль – В., главн., управл.
Кабинет – В., управл.
Команда президента – В., помощь презид., полит. единомышл.
Команда Медведева – В., помощь презид., полит. единомышл.
Путинская команда – В., помощь презид., полит. единомышл.
Администрация презид. – В., помощь полит, эконом., хозяйств., охрана.
5. Правительство – В., государств., исполнит.
Кабинет министров – В. государств., исполнит.
Дума – В., государств., законодат., времен. локализ
6. Президент – В., глава государств., полит.
Лидер – В., глав.
Премьер – министр – В., высш. ,исполнит., государств
Глава правительства – В., высш., исполнит., государств

Таким образом, выделяется 6 микрогрупп, образующих микрополе лидер / элита, где 5-я и 6-я группы связаны с ключевыми отношениями государственности и ведут к размыванию границ понятийного поля власти, находясь на пересечении с полем «государство».

Например, «Во времена Политбюро ЦК КПСС за властью было больше надзора» (АиФ). «Верхи» страшно далеки от народа?» («АиФ»). «Это решение, кстати, не идет вразрез с планами Кремля усилить государственный контроль в экономике...» («Коммерсант»). «В настоящее время мы не наблюдаем противостояние периферийных, местных властей центру» («Правда Севера»). «Путин – олицетворение идеи порядка, государственный» («АиФ»). «В социологии различают позиционный и репутационный подходы. Согласно первому, к элите относятся все те, кто занимает ключевые посты в государстве, то есть входит в нее по позиции. Если ты руководящий работник администрации президента, член правительства, депутат парламента, значит, автоматически относишься к элите» («Российская газета»).

В центре политической коммуникации находится человек, и, как явление социальное, он формируется общественной средой и зависит от общества. По словам К. Маркса, «сущность человека не есть абстракт, присущий определенному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений», «как само общество производит человека как человека, так и он производит общество» (Соч. т.42, с. 256). Наиболее яркая фигура в этом процессе – политический лидер, его социальный статус строго зафиксирован.

В последнее время слово лидер стало более частотным по сравнению с давно функционирующими в русском языке словами «вождь» и «руководитель». Это объясняется тем, что лексема «руководитель» – «лицо, которое руководит чем-нибудь» (Ожегов, 1978, с. 663) дает неопределенную характеристику качеств человека, свидетельствующих о целенаправленности и активной деятельности. В качестве примеров, иллюстрирующих словарную дефиницию, приводятся словосочетания: классный руководитель, руководитель кружка. Слово «вождь» представлено в интересующем нас значении 3: «Общепризнанный, идейный, политический руководитель масс. Вождь партии. Портреты вождей» (там же, с. 91). В этом значении слово вождь морально устарело для современной политической ситуации, так как массы в настоящее время не представляют собой обширную идейно однородную структуру, а структурируются разными партиями и оппозицией.

Лидерство не отождествляется с любым типом руководства. Лидер – авторитетный и активный член социальной группы, личное влияние которого позволяет ему играть существенную роль в социально-политических процессах. Личная способность влиять на политическое поведение и политическую деятельность людей обусловлена системой социально-политических и психологических взаимоотношений.

Исследуя массовые коммуникационные процессы в России, следует отметить, что повышенное внимание средств массовой информации к сфере политики характерно для стран, находящихся в разных стадиях модернизации. Политическая карта России стала многосубъектной: возникли политические структуры, партии с новой для российских реалий фигурой политического лидера, которые объективно заинтересованы в информированности населения о его деятельности. Политический лидер, находящийся во главе государства, обладает максимальной полнотой власти. В настоящее время при демократическом режиме в нашей стране этой властью облечен президент. Вербальная характери-

стика субъекта власти относится прежде всего к президенту, лидеру, конкретному субъекту, отражает его психологическую характеристику и квалифицирует его многоаспектную деятельность. При этом следует отметить, что данный семантический класс лексем соотносится и с обобщенным субъектом власти – политической элитой.

Квалитативный класс. Политическая характеристика лидера / элиты представлена двумя семантическими группами:

А. Первую группу составляют политемы, представляющие социально-политическую квалификацию деятельности власти: реформаторский (осуществляет реформы, преобразования в какой-либо отрасли); радикальный (сторонник крайних, коренных, решительных преобразований); консервативный (сторонник старых методов правления); либеральный (1 – сторонник демократических свобод и преобразований, 2 – попустительство). Данные ЛСВ объединены доминантной гиперсемой «какая» политическая деятельность, однако дифференцируются аксиологическими семами, которые неизбежно присутствуют на глубинном уровне значения. Квалитативные признаки преимущественно представлены относительными прилагательными, производящими их существительными и синонимичными им причастиями, представляющими динамику признака, словосочетаниями.

«То, что общественное богатство создается и преумножается только благодаря расширенному товарному воспроизводству, – тривиальная истина. Однако наши доморощенные реформаторы подвергли эту истину сомнению: они реформируют экономику страны, уничтожая ее производственный потенциал и замещая отечественные товары импортными» («Правда»). Такие радикальные преобразования в правительстве свидетельствуют о том, что, ни с кем не считаясь, все здесь решает президент» («Час пик»). «Особое внимание новое правительство должно обратить на проблемы обеспечения занятости трудоспособного населения Российской Федерации. Исходя из этих основных задач и должен подбираться состав кабинета министров» («АТК»).

Вторая группа структурируется идеологемами, характеризующими политический курс власти: капиталистический, буржуазный, коммунистический, социалистический, демократический. Например: капиталистический мир, буржуазный курс, социалистическое руководство, глава советского правительства, коммунистический идеал, демократические преобразования.

Третья группа качественных политем мотивирована фамилиями лидеров: ленинский, сталинский, хрущевский, брежневский, андроповский, горбачевский, ельцинский, путинский, медведевский. Доминантная гиперсема – временная локализация и связанный с ним стиль руководства. Данные ЛСВ являются полисемантами, так как дифференцируются в качестве временных локализаторов – политем и идеологем.

Б. Качественный класс лексем, представляющий психологическую характеристику политического лидера / элиты, относится к дальней периферии, так как не содержит политического или идеологического компонентов значения, однако, попадая в поле действия политем, данные ЛСВ несут важную информацию о способности или неспособности власти проводить правильный политический курс. Особенности индивидуально-психологических, физических, интеллектуальных свойств, портретная, профессиональная, эмоциональная характеристика выявляется на основе интенций, сопутствующих оценке, поэтому они выполняют генеральную функцию, актуализируя аксиологическую сему. Основной каркас данных ЛСВ составляют парадигматические отношения синонимии и антонимии, гиперсема – отрицательная или положительная оценка. Можно выявить множество групп квалификаторов, остановимся лишь на наиболее частотных.

Первая группа представляет личностную характеристику лидера, называя его профессиональные качества поведения:

1. профессиональные качества: авторитетный, последовательный, гибкий, исполнительный, профессиональный политик, энтузиаст;
2. этикет: интеллигентный, тактичный и т. п.;

Вторая группа эксплицирует индивидуально-психологические особенности человека (физические, анатомические, портретные, темперамент и т.д.):

1. физические, физиологические: высокий, сильный, крепкий, широкоплечий, молодой, старый, здоровый, больной т.п.;
2. портретные: голубоглазый, седой, лысый, бородатый и т.п.;
3. личностные качества: решительный, смелый, настойчивый, волевой, уверенный в себе, с твердым характером и т.п.;
4. эмоциональные качества: бодрый, сдержанный, взрывной, с чувством юмора;
5. умственные способности: умный, талантливый, способный, глупый, тугодум, серьезный.

Как отмечается в «Словаре социальных и политических наук» под редакцией аргентинского политолога С. Ди Телиа, «власть есть способность или возможность производить желаемое воздействие на поведение людей физическими или идеальными (духовными) методами. Власть подразумевает определенное желание со стороны субъекта повелевать и предполагает, что объект воспримет определенное отношение и последует желаемому поведению» (с. 464).

Оценка политической деятельности лидера власти реализуется в определенной системе различных качеств (портретной, эмоциональной, профессиональной, интеллектуальной характеристике), что проявляется в тексте. Акцент в пропаганде, а особенно в политической рекламе, делается на конкретную личность, где на первый план выходят такие характеристики, как манера поведения, внешность, умение держаться и т. п. Главное в облике политического лидера – символ успеха, который гарантирует ему положительное восприятие аудиторией и упрощает политическую борьбу.

Например: «Д. Медведев – человек талантливый, умный и серьезный, он прошел прекрасную жизненную школу, уверен, что такая личность сможет грамотно управлять государством» («Известия»). «Главная беда Горбачева – боязнь делать решительные и крайне необходимые шаги – проявилась здесь в полной мере» («АиФ»). «Мне кажется, если бы у Горбачева не было Ельцина, пришлось бы его выдумать. Несмотря на его в последнее время негативное отношение ко мне, он понимал, что такой человек, острый, колючий, не дающий спокойно жить забюрократическому аппарату, необходим, надо его держать рядышком, поблизости. В этом живом спектакле все роли распределены, как в хорошей пьесе. Лигачев – консерватор, отрицательный персонаж, Ельцин – забияка с левыми заскоками и мудрый, всепонимающий главный герой, сам Горбачев» («Комсомольская правда»).

Предикативный класс. Политический субъект, конкретный или обобщенный, является носителем предикативных признаков, которые представлены группой глаголов, называющих конкретное действие, объединенные доминантной семой управлять / руководить, то есть влиять на политическое поведение и политическую деятельность социума.

Специальных политем-предикатов выделить невозможно, однако следует обратить внимание на ситуативно-стилистические модели устойчивых словосочетаний, функционирующих в политическом языке.

Основная группа предикатов представлена Конституцией РФ, чаще всего это словосочетания, в состав которых непременно входят политемы: президент принимает (меры по охране РФ, решения, грамоты, представителей), назначает (председателя Правительства РФ, полномочных представителей, дипломатических представителей, выборы, референдум), обеспечивает (функционирование и взаимодействие государственных служб, политическую стабильность), определяет (направление политики), представляет (кандидатуру премьер-министра), формирует (Совет безопасности), освобождает (полномочных представителей от занимаемой должности), отзывает (дипломатических представителей), распускает (Государственную Думу), подписывает (федеральные законы), обнародует (государственные указы), осуществляет руководство страной, ведет переговоры, вводит военное положение, решает государственные вопросы, издает указы, прекращает (действие полномочий), приостанавливает (действие указа, закона), является главой государства, Верховным Главнокомандующим, избирается.

Предикативный класс лексем, характеризующий действие верховной власти, связан с политическим субъектом, правительством, властью общей семьей «управлять» и обогащает ее разнообразными формами руководства (созидательное действие, координационное, прерывание процесса, контроль, поощрение, наказание, официальные функции лидера власти).

Структурную основу данных лексико-семантических групп образуют парадигматические отношения включения (привативная оппозиция) и пересечения (эквиполентная оппозиция), а также градуальная связь по разной степени синонимичности отдельных ЛСВ (прекращать, приостанавливать; подписывать, ратифицировать; вести, осуществлять; освободить, отозвать; обеспечить, осуществить и т. д.).

Лексико-семантические группы предикатов представлены следующим образом:

1. управлять, повелевать, оказывать влияние (влиять), осуществлять руководство (руководить), распоряжаться, командовать, принимать решения (решать), назначать, определять, вводить;
2. вести переговоры, подписывать, ратифицировать, обнародовать, издавать указы, являться главой государства, Верховным Главнокомандующим;

3. избираться, принимать участие, принимать представителей, об-суждать концепции, представлять кандидатуру; организовать, осно-вать, сформировать, осуществлять;
4. координировать, регулировать, реформировать, изменять, объ-единять, упорядочить, планировать, вводить квоту (квотировать), контролировать;
5. прекращать, приостанавливать, отозвать, распустить;
6. награждать, поощрять;
7. наказывать, увольнять, освобождать от должности, принуждать, применять силу, принимать меры.

Ядерная и периферийные семы выступают идентифицирующими в данном лексическом образовании и непосредственно дают предикативную характеристику субъекту власти.

«Правительство будет квотировать экспорт золота из России на основании закона «О драгоценных металлах и драгоценных камнях». Таков итог работы» («Коммерсант daily»). «По сути они (полномочия) определены указом президента, назначившим меня исполняющим обя-занности премьера» («Известия»). «Ельцин не контролировал прива-тизацию в России» («Невская панорама»). «Небывалая напряженность трехчасовой официальной части саммита характеризуется хотя бы тем, что в его повестку включено около двух десятков вопросов. Среди них – обсуждение концепции интеграционного развития, доклада «О ходе экономического развития реформы в государствах – участ-никах содружества», проекта Соглашения об общем аграрном рынке, Положения о конфликтной ситуации, Межгосударственной програм-мы по борьбе с организованной преступностью» («Правда»).

2-я группа относится к ближней периферии семантического поля «власть» и представляет функции политической элиты: умение решать ключевые задачи, выражать взгляды, идеи, свою политическую пози-цию, поддерживать консенсус, убеждать, аргументировать, добиваться поддержки и т. п. Данные предикативные словосочетания объединены потенциальной семой «должен», которая может быть выражена экс-плицитно или имплицитно. Гиперсемой данной семантической общно-сти является интенциональная аксиологическая сема (мелиоративная или пейоративная).

Например: «У Ельцина было все: и власть, и сила. Но мало этого! Имея на руках все «карты», Ельцин проигрывал в грузинской войне»

(«Завтра»). «Политика правительства в сфере информатизации направлена на решение задач социального и экономического развития страны» («Ориентир»). «Особое внимание новое правительство должно обратить на проблемы обеспечения занятости трудоспособного населения Российской Федерации, снижения безработицы. Исходя из этих основных задач и должен подбираться состав кабинета министров» («АиФ»).

Кроме того, выделяется 3-я предикативная группа, характеризующая конкретный или обобщенный субъект власти в психологическом аспекте. Сравним: «Впрочем, ни одна эпоха не выносит на гребень волны случайных героев. Чтобы добить беспомощный, полусгнивший царизм, понадобился В. Ленин, с его даром убеждения и неистощимой энергией. Чтобы превратить хаос революции и Гражданской войны в железобетонный порядок, была востребована сталинская жестокость. Мягкотелый и говорливый М. Горбачев как нельзя лучше подходил для роли вождя умирающей партии. Властолюбивый и «свой в доску» Б. Ельцин – для роли разрушителя Союза ССР. Для стабилизации Российского государства нам нужен был разумный и уравновешенный Путин» («АиФ»).

Данная семантическая группа относится к дальней периферии понятийного поля власти, так как сами предикаты не являются политемами, не входят в устойчивые словосочетания, однако актуализируются в политическом контексте, подвержены влиянию политем.

Вторым конституентом концепта «политическая власть» является социум. Необходимо помнить о том, что социум является политическим субъектом и объектом власти. Субъект (от лат. Subjektum, юр. – носитель прав и обязанностей). «Носитель власти, активная действующая величина в системе власти, от которой исходит влияние, воздействие, следуют распоряжения, указания. Субъект власти, взятый в ином отношении, может быть и является объектом для вышестоящей власти. Объекты власти – явления, предметы, органы, учреждения, предприятия, население, на руководство которыми направлена деятельность властей», – такое толкование представляет «Кратологический словарь» В.Ф.Халипова (с. 360, 236).

Понятия «субъект» и «объект» – философские категории. Субъект – активно действующая инстанция, объект – то, на что направлена деятельность субъекта. Каждый субъект в политике одновременно является и объектом воздействия со стороны других субъектов. В роли политического субъекта и объекта может выступать политический лидер,

социальная группа, нация, класс, отдельный индивид. Субъект и объект в политике может быть, как сказано выше, конкретный и обобщенный.

В политической власти отношения субъекта и объекта взаимовлияют друг на друга. Это может быть способность субъекта заставлять объект действовать в своих интересах, принимать решения о распределении благ в конфликтных ситуациях, мобилизовать силы для достижения целей, признанных обществом.

Конкретное определение субъекта дано в «Политологическом словаре», где говорится, что субъектами политики могут выступать индивид, рядовой или лидер, коллектив, класс, нация, социальные группы, общественно-политическая организация или движение, политическая партия, гражданское общество, политическая элита или контрэлита, государство, объединение государств, мировое сообщество. Формы участия субъектов в политической деятельности многообразны, в том числе участие в политических клубах, собраниях и митингах, в политических выборах, законотворческой деятельности, в работе органов законодательной, исполнительной и судебной власти (с. 158).

Каждый человек является гражданином государства, это общая социально-политическая установка для всех членов социума, каждый человек является членом какой-нибудь социальной группы, нации, народности. Даже если личность аполитична, она все равно принимает участие в политической жизни общества, так как является предметом политического воздействия.

Конституенты данного семантического формирования вступают в парадигматические отношения включения (привативная оппозиция), а также наглядно репрезентируют градуальную связь по разной степени синонимичности. В основе этих отношений находится интенциональная гиперсема – роль человека в политике, однако существуют и семьи-конкретизаторы: индивидуальная роль, групповая, обобщенная.

Номинативный класс. Семантическое поле социума представлено тремя семантическими группами:

1. собирательная обобщенная номинация: общество, массы, народ, нация, народности, избиратели, электорат, граждане, социум;
2. социальные формирования индивидов: партия, блок, фракция, оппозиция, социально-политические движения, профессиональные союзы;
3. индивидуальные номинации: гражданин, избиратель, активист, политический лидер, политический деятель, член партии, движения, фракции, социальной группы.

Следует обратить внимание на то, что индивид, проявляя свое политическое сознание, выбирает определенную роль в жизни общества, то есть третья группа лексем представляет социально-политическую стратификацию граждан и представлена следующими подгруппами:

1. высокая политическая активность: профессиональный политик, народный депутат, доверенное лицо депутата, кандидат в депутаты, мэры, губернаторы, спикер Думы, член политической партии, профсоюза, молодежных, политических объединений;
2. эпизодическое участие в политической жизни: избиратель;
3. имобильное отношение: аполитичен, неполитик.

Проявление политического поведения социума составляет ядерную семантическую группу и выявляет ведущую доминантную гиперсему «власть», так как во всех проявлениях деятельности социума в этом аспекте выражено его отношение к существующей власти. Если это высокая политическая активность, то проявляется явное стремление индивида принадлежать к власти, приблизиться к ней, либо корректировать ее курс, а возможно, выступать в оппозиции, бороться за власть, отстаивая интересы партии, фракции, группы, собственное мнение. Эпизодическая политическая активность связана с выбором власти, отношение имобильности – недовольством политическим курсом, невозможностью его изменения или отрицательным отношением к властным структурам.

С политической ролью индивида связана и номинация социума по идеологическим характеристикам:

- 1 по фамилии лидера идеологического направления: сталинист, марксист, ленинец, горбачевист, ельцинист, зюгановец, жириновец, путинец;
- 2 по идеологическому направлению: коммунисты, демократы, социалисты, национал-социалисты, социал – демократы и т. п.

Семантическая модель (социум – кто?) прямо не выявляет интенциональной аксиологической информации. Сравним: «Национал-социалисты тоже приняли участие в Параде Победы. Они несли плакаты и скандировали: «Евреи, убирайтесь из России», что было встречено зрителями с явным неодобрением» (Санкт-Петербургские ведомости). Эта информация проявляется в контексте на глубинном уровне, актуализируясь в речевой ситуации: «Я вовсе не призываю любить Путина.

Но его, между прочим, выбирал народ, причем дважды» («Комсомольская правда»).

Квалитативный класс лексем представлен двумя группами, распадающимися на политемы и неполитемы. Политемы – прилагательные, которые в качестве терминов приобретают узко специальное значение:

Атрибутивные прилагательные, указывающие на:

1. принадлежность к социуму: народный, оппозиционный, избирательный, национальный, партийный, беспартийный;
2. название партии, идейному курсу: правый, левый, центристский, элдэпээровский, коммунистический, профашистский, националистический, красно-коричневый и т. п.;
3. фамилию лидера движения: зюгановский, жириновский, путинский, лужковский, медведевский и т. п.

2 и 3-я группы представлены идеологемами, что свидетельствует о пересечении концептуальных полей «власти» и «идеологии»

Квалитативный класс лексем представляет и аксиологическую модальность, давая характеристику такого плана: беззащитный народ, эти новые русские, угнетенное общество, обедневшие избиратели, просвещенный электорат и т. д.

В политологии существует определенное понятие – «человеческий фактор», который объясняется как совокупность свойств человека, определяющих его политическую деятельность, политическое сознание, поведение в обществе. «Рассматриваемый феномен – это по сути как бы взятые мысленно вместе все субъекты политической деятельности (Единый Политический Человек) в конкретном личностном, био-социальном, социально-групповом, национально-этническом и иных выражениях и измерениях, опосредованные совокупной политической жизнью общества и неразрывно связанные с ней» (Ирхин, 1996, с. 75).

Если в советский период политическую жизнь социума социологи рассматривали как участие в выборах и государственном управлении, то в настоящее время это понятие стало гораздо шире. Оно представлено как добровольная деятельность, посредством которой члены общества участвуют в выборах правителей и, прямо или косвенно, в формировании политики.

Адъективный класс. Проявление отношения социума к власти составляет ядерную семантическую группу. Это политемы и политемные устойчивые словосочетания, представляющие социально-

политическую деятельность социума, объединенные доминантной гиперсемой «политическая деятельность»: выбирать, избирать, голосовать, вступать в партию, быть членом партии и т. д.

В текстах подобного рода политическое поведение социума в речевой ситуации неизменно характеризует отношение социума к власти. Данное микрополе носит ключевой характер в формировании понятийного поля «политика» и структурируется двумя семантическими группами:

1-я – это политемы, указывающие на активные формы проявления политического поведения социума: участие в забастовках, манифестациях, политических митингах, выборах, собраниях и т. п. Следует выделить следующие лексико-семантические группы:

- вражда, конфликт, неудовлетворенность политическим курсом правительства и активное проявление недовольства: участвовать в манифестации, стачке, забастовке, столкновении, митинге, выступлении, выразить вотум недоверия, отозвать подписи;
- наблюдательная позиция: давать политические комментарии, прогнозы;
- аполитичность (иммобильность): отказ от участия в политических акциях, голосовать против всех кандидатов;
- выражать солидарность, поддерживать курс правительства: голосовать за.

2-я группа представлена неполитемами, но также лексемами, указывающими на отношение социума к власти: доверия, недоверия, безразличия, а также лексемами выступать, отказаться, поддержать, принять участие, наращивать давление, отвлекать, привлекать и т. п.

Проявляя определенный уровень социальной активности, личность не просто действует, она оценочно действует. Это значит, что каждый акт своей деятельности она оценивает и соотносит (сознательно или интуитивно) не только со своими потребностями и интересами, но и с требованиями общества. Мотивация социальной активности в значительной степени обусловлена ценностной ориентацией личности. Следовательно, гиперсемой данного семантического поля будет являться оценочность, что явно проявляется во всех конституентах данного понятийного поля. Даже аполитичность, иммобильность будет репрезентировать нулевую либо пейоративную оценку. Например: «Политики представляют народ как электорат, когда хотят получить власть в свои руки» («Вести»).

КОММУНИКАТИВНО-ТЕМАТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ГОСУДАРСТВО»

Широко известен теоретический трактат Аристотеля (384 – 322 гг. до н. э.) (греч. та *politika* – «то, что относится к государству»), состоящий из восьми книг, который носит условное название «Политика». Философ, проанализировав основы существования 158 греческих и варварских государств, выводит основы «полисной жизни» из самой природы людей. Ученый исследовал не политику в современном понимании этого слова, а государственную власть и ее устройство. «Политологический словарь», лингвистическое толкование данного референта подтверждают вывод о том, что государство – это «стратегия и тактика» (Л.А. Новиков) политической власти, «деятельность органов власти, общественных сил и отдельных лиц в сфере отношений между государствами, нациями, большими группами людей; участие в делах государства» («Политологический словарь», с. 64). На основании учения Аристотеля можно прийти к следующему обобщенному определению политики: всякое общение людей организуется ради удовлетворения каких-то интересов, наиболее важный вид общения, обнимающий все остальные, есть государство, это государственное общение и есть политическое.

Государство в традиционном понимании – это общество людей, живущее на определенном пространстве земли и управляемое самостоятельным правительством. Государство является главным орудием политической власти в обществе, центральным элементом его политической системы, средством установления и поддержания порядка.

В «Политологическом словаре»: «государство – это исторически сложившаяся организация политической власти и управления социальными процессами в обществе, основной институт политической системы» (с. 36).

Понятийное поле концепта «государство» представлено прежде всего, терминологической системой, которая включает, номинациями законодательных структур, парламентариев, законы, распоряжения, исполнительные органы, конституцию, типологию государственных режимов, идеологию властных структур, политическую символику.

На данном уровне макроконцепт «государство» как схема-гипероним сформирован конституентами, представляющими символы государственной власти. Лексемы, формирующие данное семантическое поле, сходны со структурами, составляющими макрополе вла-

сти, так как имеют общие компоненты и близкие смысловые образы. Природа политической власти неразрывно связана с деятельностью государства как самого мощного средства управления и социального регулирования, методами принуждения, убеждения, насилия, так как государство – одна из форм реализации политической власти.

Государственная политическая власть организует общество и поддерживает его политическую, идеологическую и экономическую стабильность. В подтверждение этого приведем широко известное определение латиноамериканского политолога Л.С. Санистебана: «Термином «государство» мы обозначим особый тип социальных явлений, которые характеризуются следующими чертами: а) отношением власти и подчиненных; б) монопольным использованием насилия теми, кто владеет властью; в) наличием юридического порядка; г) относительным постоянством; е) институциональным измерением. Таким образом, государство – это не образование, находящееся над обществом и независимое от него, как пытаются представить авторы некоторых мистификаторских концепций. Конечно, сам термин «государство» в определенной степени способствует субстационализации этого явления и его рассмотрению как «вещи», независимой от людей. Однако в действительности государство – не более чем тип юридически регулируемого социального поведения, существующий в конкретных пространственно-временных условиях. Это сложное социальное явление, отличительной чертой которого является принудительная регуляция поведения людей посредством нормативных правил» (с. 25-26).

Номинации политической системы управления – это устойчивое образование, организованное от ядра до периферии интегрированными мотивационными гиперсемами «государство» и «власть». Семемы вступают в структурированную линейную связь, создавая свою номинативную систему «управление», выявляя центр семантического поля. Как уже отмечалось, существует три типа власти, о чем писали западные и русские историки.

Таким образом, номинация государственного политического управления в России выступает как системное полевое образование, структурированное на лексическом уровне, объединенное парадигматическими, деривационными и синтагматическими отношениями. Данное поле является открытым, так как под влиянием экстралингвистических факторов оно вбирает в себя новые лексемы, заимствованные из других языков, в результате чего эксплицированы синонимы и дубли-

ты. Следует признать, что в настоящее время номинация государственной системы политического управления в России переживает период становления, поэтому возвращаются слова, связанные с прошлым опытом политического управления (например, термины местного самоуправления), активно функционируют номинации социалистического периода, утвердилось множество заимствований. Если учесть, что политический процесс, происходящий в России, реально ориентирован на мировые экономические и политические отношения, то можно выявить множество укоренившихся интернациональных терминов, отметить возвращение терминов, уже использованных в российской государственной системе и вытеснение избыточных лексем.

Структура поля «государство», кроме института управления, включает и номинации законодательных структур, парламентариев, а вместе с ними законы, распоряжения, конституцию и типологию государственных политических режимов, которые характеризуют политическую систему в целом. Особый интерес представляет собой семантическое пространство, где находит выраженное в рамках территориальной и временной локализации взаимодействие конституентов макроконцепта «политика».

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

В качестве одного из самых важных встает вопрос о терминологической системе политического языка.

Проблемами терминологии занимались многие выдающиеся лингвисты (А.А. Реформатский, В.В. Виноградов, Л.В. Шевелева, М.Д. Степанова, И.И. Чернышева и др.). В 60-е гг. XX в. термины стали рассматриваться как особый, быстроразвивающийся слой лексики, образуемый в соответствии с развитием знания. Понятие специфичности терминов становится основным критерием дефиниции термина. Под термином стали понимать «слово или словосочетание, имеющее специальное значение, выражающее и формирующее профессиональное понятие и применяемое в процессе познания и освоения научных и профессиональных объектов и отношений между ними» (Б.Н. Головин, Р.Ю. Кобрин «Стилистический энциклопедический словарь» 2003, с. 544).

Термин может быть представлен словом или словосочетанием, имеющим специальное значение, выражающее и формирующее профессиональное понятие. М.Д. Степанова и И.И. Чернышева признают, что термин можно определить как слово или устойчивое словосочетание, служащее уточненным наименованием предмета или понятия, свойственного какой-либо области знания, техники, производства, культуры, искусства и общественно-политической жизни (с. 120).

В дефинициях, представленных лингвистами в различных работах и учебных пособиях, четко прослеживаются также сферы общественно-политической жизни, с которыми может быть соотнесен любой термин. Чаще всего упоминаются такие сферы деятельности как экономика, наука, искусство, производство, отраслевая коммуникация и специальная область употребления, специальные тексты и специальный речевой обиход.

Терминология политического языка имеет свои особенности и прежде всего, это расплывчатость, неточность наименования. К политическим терминам наблюдается неоднозначное эмоционально-оценочное отношение, тогда как особенность любой научной терминологии заключается, как правило, в точности и однозначности наименования, отсутствии стилистических и коннотативных элементов. Политическая терминология отличается внутренней образностью и языковой мотивированностью. Вследствие того, что многие политические термины широко употребляются в средствах массовой информации, а их большая часть является интернационализмами, они стали широко известны большому кругу носителей языка, перешли в состав общеупотребительных слов, что также отличает их от обычной терминологии, известной, как правило, небольшому числу специалистов той или иной области знания.

При рассмотрении и анализе различных дефиниций термина, представленных в научных трудах лингвистов, были выявлены основные характеристики термина как единицы языка. Прежде всего, многие ученые обратили внимание на то, что одной из его основных характеристик является системность.

Российская Федерация – демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления. Следовательно, понятийное поле «государство» как концепт – схема структурируется в политическом языке тремя важнейшими терминологическими системами: законодательной, исполнительной и судебной («государство» понимается как стратегия и тактика реализации власти).

Россия провозглашена демократическим, федеративным, правовым, социальным государством. Механизм государственной власти исторически разработан и в современной политической системе (по ст. 10 Конституции 1993 г.)

Номинации органов законодательной власти (ЗВ) закреплены основным законом страны – Конституцией, где высшим органом является – парламент, в Российской Федерации он носит официальное название Федеральное Собрание (ст. 94 Конституции). В федеративном государстве ЗВ осуществляется на двух уровнях (федеральном и региональном), то есть Федеральное Собрание состоит из 2 палат и представлена в следующих номинациях: Совета Федерации и Государственной Думы. Номинации ЗВ весьма разнообразны. Это Государственный Совет, Государственное Собрание, Народный Хурал, Верховный Совет, Дума (краевая, областная, окружная) Государственная Дума, Совет народных депутатов, Собрание депутатов, Представительное Собрание, Губернская Дума, Законодательный Суглан. То есть терминологическая система законодательной власти репрезентирует лексемы, называющие органы власти и словосочетания, характеризующие способ ее деятельности.

Терминологическая система судебной власти (СВ): правосудие, арбитраж, прокурорский надзор и т. д. (СВ выполняет контролирующие и карающие функции). В Конституции РФ предусмотрена специальная глава о судебной власти. Эта терминологическая система относительно устойчива, включает номинации судебных органов, законодательных процессов, актов, которые представляют самостоятельную структуру государственной организации, весьма своеобразна и обширна, поэтому требует специального исследования.

Терминологическая система исполнительной власти (ИВ). Важнейшим признаком политической организации общества являются субъектно-объектные отношения власти, осуществляемые через политические учреждения, институты, организации, которые приобретают роль политического символа и являются важнейшими структурными единицами семантического поля политема.

Дефиниции политических и энциклопедических словарей представляют политическую организацию общества как систему социальных институтов, осуществляющих определенные политические функции, где одно из важных мест занимает государственный аппарат. Данная номинация имеет следующее толкование: «Государственный

аппарат – система органов государства, через которую осуществляется государственная власть, функции государства... В систему госаппарата входят как органы государственной власти, так и органы государственного управления. К ним относятся: 1) парламент; 2) глава государства, правительство, министерства, госкомитеты, ведомства, мэрии, муниципалитеты, префектуры, администрации госпредприятий, учреждений и т. д.; 3) суд и прокуратура» («Политологический словарь», т. 1, с. 63).

Исполнительная власть строит свою работу в соответствии с предписаниями законодательных органов и отвечает перед представительными органами. Она структурирована, так как функционирует как государственный орган управления, реализующий административную власть, осуществляет руководство производственно-трудовой, социально-культурной и административно-политической деятельностью во всех ее многообразных проявлениях в государстве.

Номинация референтов государственной власти, их выбор из ряда соотнесенных между собой единиц, характер протекания лексико-семантических процессов дает возможность вести речь об экстралингвистической обусловленности, специфике исторического фона. Три данные терминологические системы функционируют в языке довольно давно, о чем свидетельствуют труды западных и русских историков и общественных деятелей, рассматривавших особенности республиканской формы правления.

Сравним трактат известного российского философа XVIII в. С.В. Десницкого «Представление о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи» 1468 г. или «Введение к уложению государственных законов» М.М. Сперанского 1811 г., где сказано: «Три силы движут и управляют государством: сила законодательная, исполнительная и судебная». В Конституции РФ 1993 г. в главе «Основы конституционного строя» отмечено:

«Государственная власть в РФ осуществляется на основе распределения на законодательную, исполнительную и судебную. Органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны.

Государственную власть в РФ осуществляет Президент РФ, Федеральное Собрание (Совет Федерации и Государственная Дума), Правительство РФ, суды РФ.

Государственную власть в субъектах РФ осуществляют образуемые ими органы государственной власти» (ст. 10, 11).

Складывается интегрированное выражение политических отношений, определенное термином «политический режим». Это семантическое поле представляет собой пересечение концептов «государство», «политика» и «идеология». Режим определяет языковую политику и устанавливает терминологическую систему политических номинаций.

В результате соотношений компонентов семантического поля «политика» доминантную позицию занимает семантическое поле «идеология», «политический режим».

Е.В. Розен указал на такую важнейшую особенность общественно-политической терминологии, как ее тесную связь с идеологическими концепциями, которые эта терминология отражает и распространяет. По его мнению, общественно-политическая терминология отличается внутренней образностью и языковой мотивированностью (с. 64).

Авторы первого российского словаря по политологии, представляя данный термин, акцентируют внимание на отношениях между властью и обществом и также подчеркивают господство определенной идеологии: «Политический режим – совокупность характерных для определенного типа государства политических отношений, применяемых властями средств и методов, сложившихся отношений государственной власти и общества, господствующих форм идеологии, социальных и классовых взаимоотношений, состояния политической культуры» (Политологический словарь, с. 296).

Функционально-семантическое поле «политический режим», отражающий идеологическую характеристику, представлен тремя основными типологиями, характеризующими взаимоотношения государства и социума: авторитарный, тоталитарный, демократический, каждый из них определяет свою систему политических номинаций.

В исследуемом семантическом пространстве следует выделить ключевые понятия, характеризующие концепт государство: элита, власть, методы политического управления, участие граждан в управлении государством, деятельность выборных органов, партий, оппозиции; законы, конституция; политическая символика (флаг, герб, гимн).

Сравним два типа политических отношений, исторически сложившихся в XX в. в России. Тоталитарный режим характеризуется тем, что власть «фактически принадлежит аппарату правящей партии... Главой государства и правительства становится неподотчетный лидер, концентрирующий в своих руках высшие законодательные, исполнительные, а иногда и судебные функции. Население страны

практически отстранено от участия в системе управления государством» (Ирхин, 1996, с. 65).

Идеология этого режима безапелляционно утверждает интересы политической власти, однопартийна, навязывает свои нормы поведения и мировоззрения, все стороны жизни общества политизированы.

В результате политическая система управления отражает в языке стандартный характер номинаций как законодательных, так и исполнительных органов, которые различаются лишь указанием на территориальную локализованность. В обстановке совмещения лидером нескольких функций неизбежно возникают синонимические номинации главы государственной власти (руководитель партии, глава государства).

Методы политического управления направлены на устранение конкуренции, подавление сопротивления. В связи с этим в России в период тоталитаризма актуализировались такие лексемы, как армия, органы безопасности, ЧК, ВЧК, эмиграция, суд, лагерь, репрессии, ссылка, тюрьма, расстрел и т. п.

Прагматическая ценность терминологической информации заключается в ее способности определенным образом влиять на поведение человека и его мышления. Это свойственно прежде всего политической терминологии.

В нашей стране построение социалистического и коммунистического общества характеризовалось частотностью таких идеологем, как советский, социалистический, коммунистический, политический. Изолированность государства от потенциальных политических противников приводит к эксплицитно выраженному противопоставлению: наш (свой) – чужой и антонимии: советский, социалистический – буржуазный, капиталистический, империалистический.

В результате тоталитарного давления режима на языковую личность сложился особый политизированный язык советского времени, современные исследователи называют его языком тоталитаризма, «новоязом». Он характеризуется идеологизацией, политизацией нейтральной лексики, эвфемизмами, большим количеством сложных слов, что отмечали в своих работах многие современные лингвисты (Ю.А. Бельчиков, М.В. Горбаневский, Б.А. Зильберт, Н.А. Купина, В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина, Н.М. Шанский и др.).

Демократический режим в России установился в 90 – е гг. XX столетия, но впервые это понятие, дословно означающее «власть народа» (от греч. *Demos* – народ, *kratos* – власть), встречается в трудах античных философов.

Идеологема «демократия» занимает важное место в коммуникативных системах государственного правления многих государств мира, однако ее функционирование и семантическое наполнение зависит от конкретных экстралингвистических условий.

Политологи рассматривают сущность и функции демократии в русле традиционных толкований данного референта, что исторически отмечалось в лингвистических словарях: «демократический строй, при котором власть принадлежит народу» (Ожегов С.И. «Словарь русского языка», 1978, с. 154). Однако и тоталитарный режим в нашей стране носил название демократического. Сравним дефиницию того же словаря 1973 г.: «Социалистическая демократия (высший тип демократии, подлинное народовластие). Буржуазная демократия (государственный строй, при котором формальное равенство политических прав и свобод всех граждан покрывает собой господство буржуазии над трудящимися)» (с. 147).

Социал-демократическая партия Германии в эпоху канцлеровской Германии также не различала такие понятия, как демократия и социализм, она воспринимала их как синонимы, таким образом, понятие демократического социализма никогда не появлялось в их официальных сообщениях в средствах массовой информации.

М.Н. Грачев предложил следующее определение термина «демократия»: «В современной научной литературе чаще всего употребляется в двух значениях. В широком смысле под демократией понимается форма устройства и функционирования любой организации, основанной на принципах равноправия входящих в нее лиц, принятия решений большинством голосов, периодической выборности и подотчетности органов управления избравшему их общему собранию, конференции, съезду организации. В данном значении говорится, например, о производственной, профсоюзной, внутривнутрипартийной демократии. В более узком смысле, характерном для политологии и государствоведческих дисциплин, под этим понятием обозначается форма государственного устройства, которой присущи следующие признаки: 1) признание народного суверенитета, воли большинства народа в качестве источника государственной власти; 2) установление прав и свобод граждан, их равноправия, возможности управлять процессами общественной жизни; 3) выборность основных органов государства; 4) верховенство закона» (Грачев, 1997, с. 49).

Роль терминологии в формировании общественно-политического мировоззрения человека очень велика. Если познание рассматривать

как «процесс расширения физической и духовной ориентации человека в мире», то «правильно ориентирующий» термин является одним из важнейших элементов, составляющих основу такой ориентации. (Эссе о социальной власти языка 2001, с. 185).

В политической терминологии слова используются как «мыслительные модели для восприятия мира», которые призваны служить социально-политической концептуализации действительности. Так, сопоставляя дефиниции к одним и тем же терминам политической сферы, которые даны в немецких энциклопедических словарях серии «Duden», издаваемых до 1989 года в ФРГ (Mannheim, 1973) и в ГДР (Leipzig, 1975), немецкий исследователь Рольф Бахем свидетельствует о «поляризации мышления с помощью поляризированной лексики». Здесь также речь идет об интерпретации воспринимаемого, но интерпретации особого рода: имеется в виду понятийная интерпретация, способствующая формированию в массовом сознании конкретной идеологизированной картины мира.

В результате социальных изменений наблюдаются активные процессы, происходящие в политической коммуникации: сухой официальный бюрократический язык сменяется свободным общением. Стремление уничтожить все старое проявляется в том, что происходят значительные изменения в лексике. Как отметила О.П. Ермакова, это деактуализация значений, отражающих советские реалии; деидеологизация лексики; политизация неполитической группы лексики; деполитизация некоторых политических терминов; активизация некоторых семантических моделей, выражающих оценку личности как общественного явления; метафоризация как выражение оценки общественно-политической ситуации; разрушение прежней смысловой корреляции в политической лексике и возникновение новой (Ермакова, 1996, с. 33).

Актуализируются следующие политемы, связанные с демократическим устройством общественных отношений: перестройка, электорат, избиратели, нация, народ, население, выборы, всенародное голосование, президент, Дума, народный избранник, партия, депутаты, политический маневр, консенсус, суверенитет, компромисс, референдум, рейтинг, права человека и т. п.

«Утомительная, порой драматическая для многих политиков президентская гонка завершилась. Она вовлекла в политическую жизнь даже тех, кто не интересовался политикой. Видимо, политикам удалось убедить электорат, что выборы касались не только Президента и претен-

дентов на этот пост. Речь шла о стратегии развития страны на ближайшие годы» («Комсомольская правда»). «Результаты социологического исследования убедительно свидетельствуют: доверие избирателей к губернатору сохранилось, его рейтинг по-прежнему устойчив» («Невская панорама»). «Декабрь для регионов Российской Федерации, в том числе Архангельской области, стал очередным важным этапом становления демократии – состоялись выборы глав областных администраций. Эти выборы завершали многолетний электоральный марафон и являлись серьезным испытанием для властных структур, своеобразным индикатором отношения населения к проводимым реформам» («Ориентир»).

Методы. Власть стремится заручиться поддержкой большинства, продемонстрировать преимущества своей программы политического управления, понять общественное мнение, суметь маневрировать им в своих интересах, следовательно, акцентируется внимание на популярных программах, реформах, социальных преобразованиях, экономических новшествах, национальных интересах.

В результате изменения властного режима меняется и стиль политической коммуникации: наблюдается снижение языковой и стилиевой нормы, употребление большого количества заимствованных слов, в политическом языке наиболее частотными становятся экономические термины и узкопрофессиональные слова, связанные с экономикой и финансами. Экономическая и политическая перестройка неизбежно заполняет лакуны новыми, часто заимствованными словами. Стилиевая сниженность политических публикаций утверждается в СМИ.

Идеология многопартийной системы предлагает избирателям множество различных политических позиций, что выражается в существовании и активном функционировании большого количества партий и течений: «левые радикалы» (троцкисты, «коммунисты – радикалы»); «умеренные левые» (коммунисты – парламентарии), социалисты; «левый центр» (социал-демократы); «центр»; «правый центр» (либералы); «умеренные правые» (неоконсерваторы); «правые радикалы» (фашисты, «новые правые»).

Каждая из партий, фракций, провозглашая свои лозунги, программы и платформы, репрезентирует в политическом дискурсе слова семантического поля «политика», «государство» с различными коннотациями и аксиосомами, но денотативное ядро даже в полярных высказываниях не меняется в своей семантической структуре.

«ЛДПР решительно защищает интересы молодого поколения, широко открыла партийные двери для молодых людей. В либерально-демократической партии молодежь видит самую чистую, самую энергичную и быстро набирающую авторитет политическую организацию, незапятнанную пороками коммунистического прошлого или нынешней политикой национального предательства радикал-демократов» (Из предвыборной программы В.В. Жириновского). «Мы осознаем себя движением широкого центра, движением уверенного, поступательного и бескризисного развития. В этой связи мы заявляем, что составляем оппозицию всем радикальным силам как правого, так и левого толка, стремящимся во имя реализации своих идей разрушить порядок и стабильность, которые, наконец, с невероятным трудом начала обретать Россия» (Предвыборная платформа общественно-политического движения НДР). «Нынешнее руководство дискредитирует идеи демократии и рыночной экономики в России, создает питательную среду для активизации различного рода экстремистов. Мы – демократическая оппозиция существующей власти» (Из программных тезисов партии «Яблоко»).

Терминология административного права представлена тремя основными группами:

1. Терминами, обозначающими лиц по функции в официально – деловых отношениях, к ним относятся: губернатор, глава администрации, мэр, государственный служащий и др.

2. Терминами, обозначающими органы исполнительной власти: администрация, департамент, коллегия и др.

3. Терминоидами (полутермины, «номенклатурные» обозначения, по определению А.А. Реформатского), называющими государственные документы, распоряжения административной власти: устав, акт, закон, приказ и др.

Становление демократического режима в России еще не завершено, что находит подтверждение в нечетких определениях и функционировании множества политических терминов. Остановимся на исследовании некоторых из них, так как вопрос о их представлении в системе политической коммуникации довольно сложен.

Так, номинация «глава администрации» в уставах областей определяется по – разному: как «глава органа исполнительной власти» или «губернатор». Термин «губернатор» получил наиболее широкое распространение в актах Президента Российской Федерации и ориенти-

ровал субъекты именно на данное наименование (подобные рекомендации содержатся в указах Президента 1991 – 1993 гг.).

Инициатива региональных законодателей проявилась в том, что они вспомнили о губернаторстве и возродили наиболее традиционное наименование высшего должностного лица в Российской империи. Этот термин вошел в законодательную практику не сверху, а снизу и довольно быстро стал распространенным наименованием руководителя края, области и некоторых автономных округов. Возрождение традиции имеет экстралингвистические причины. В.Н. Лысенко и Л.М. Лысенко отмечают, что, кроме желания возродить историческую преемственность, возвращение к старинному названию обусловлено и другими мотивами. «Во – первых, стремлением назначенных в первой половине 90 – х годов Президентом страны глав администраций краев и областей к расширению своих властных полномочий до уровня дореволюционных губернаторов. Во – вторых, распространением достаточно популярной в русских регионах страны идеи «губернизации» страны, то есть возвращение к дореволюционному административно – территориальному устройству России, исключающему деление территорий по национальному признаку» (с. 12).

Термин «губернатор» закрепился далеко не во всех уставах. С точки зрения правового содержания это скорее дополнительный, специальный термин. Во многих регионах сохранено традиционное для новейшего времени название – «глава администрации». В Курганской области высшим должностным лицом является глава области. В положении о главе администрации края, области, автономного округа, утвержденном указом Президента от 3 октября 1994 г., глава администрации ставится выше любого другого должностного лица, что вряд ли юридически корректно с позиции провозглашения и правового закрепления принципа разделения власти в регионе. Однако такая формулировка была воспроизведена не во всех уставах на территории Российской Федерации.

Сравним, например, устав Новгородской области закрепил: «Глава администрации области возглавляет исполнительную власть области (ст. 37). В уставе Иркутской области записано, что губернатор является главой и высшим должностным лицом области. (ст. 32). В Пермской области : «Губернатор является высшим должностным лицом области, обладает полномочиями руководителя администрации области (ст. 37).

Термины «глава администрации» и «губернатор» фактически отождествляются в справочной литературе. В «Большом юридическом

словаре» под редакцией А.Я. Сухарева представлены следующие определения:

«Глава администрации – в Российской Федерации глава исполнительной власти, высшее должностное лицо края, области, города федерального значения, автономной области, автономного округа. Осуществляет руководство администрацией».

«Губернатор – высшее административное выборное или назначаемое лицо в территориальных единицах ряда государств. С 1993 г. термин «губернатор» стал официально использоваться для обозначений глав администраций во многих субъектах Российской Федерации, краях, областях» (с. 134, 135).

Законодательные документы областей используют оба эти наименования, что свидетельствует о различном понимании места главы органа исполнительной власти в системе высших органов региона.

Таким образом, в текстах государственных документов наблюдается смешение политической терминологии, обусловленное экстралингвистическими причинами, что совершенно недопустимо с точки зрения нормативного подхода.

В законодательных актах нет единого понимания лексемы «мэр». Мэр – термин, обозначающий высшее должностное лицо городского местного самоуправления, глава муниципального образования. По этому определению данный термин не может входить в систему исполнительной власти субъектов Российской Федерации, но в некоторых городах мэр возглавляет и сам субъект РФ. Например, в Москве. Мэр города Москвы непосредственно или через органы городской администрации решает вопросы социально – экономической жизни города, осуществляет управление городским хозяйством, выполняет другие исполнительно – распорядительные функции. Мэр устанавливает и изменяет структуру городской администрации.

В словарной статье «Юридического энциклопедического словаря» дефиниция термина «мэр» не очерчивает четких границ должностных полномочий. Более того, в законодательной практике Российской Федерации имеет место переименование должности мэра в губернаторскую, что произошло в Петербурге в 1996 г. В Томске избираемый населением мэр возглавляет единый орган самоуправления – Муниципалитет города, в состав которого входят, кроме самого мэра, Городская дума и городская администрация. В Саратове мэр избирается из состава депутатов городской Думы на первом ее заседании. Кандидатуру на

должность мэра вправе предлагать губернатор области. Мэр одновременно возглавляет работу городской думы, городской администрации.

Итак, термин «мэр» лишен одного из главных качеств термина как такового – однозначности. В различных субъектах номинация «мэр», то есть функции должностного лица, понимаются далеко неоднозначно, а иногда смешиваются с функциями главы администрации.

Еще одно требование было полностью проигнорировано законодателями при обозначении высшего должностного лица местного самоуправления. Требование своеязычности. Возможно, это и является одной из причин речевой синонимии.

Дефиниция ключевого для законодательной власти термина «государственный служащий» довольно редко встречается в справочниках, словарях и энциклопедиях, но при этом он стабилен, так как давно устоялся и закреплен в законодательных актах. Юридическая энциклопедия не дает его толкования, Словарь административного права определяет данную номинацию следующим образом: «государственный служащий» – в широком смысле это лицо, работающее постоянно или временно в аппарате органа государственной власти, в администрации государства, предприятия, учреждения, организации, реализующее полномочия указанных государственных органов и получающие за свой труд вознаграждение из государственного бюджета. (Бахар Д.Н. Административное право, 1998, с. 108).

В ст. 3 Закона «Об основах государственной службы Российской Федерации» указывается: «Государственным служащим является гражданин Российской Федерации, исполняющий в порядке установленном федеральным законом, обязанности по государственной должности государственной службы за денежное вознаграждение, выплачиваемое за счет средств федерального бюджета или средств бюджета соответствующего субъекта РФ».

Определение этого термина в различных справочных источниках одинаковое, в его толковании определяются права и обязанности определенного лица, в обоих случаях они идентичны. Сам термин «государственный служащий» является родовым понятием для многих других терминов исполнительной власти.

Термин «должностное лицо» фактически дублирует термин «государственный служащий». Содержание данного термина раскрывается в примечании к статье 285 УК РФ, где говорится, что должностным лицом признаются лица постоянно, временно или по специальному

полномочию осуществляющие функции представителя власти, либо выполняющие организационно – распорядительные, административно – хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, а также в вооруженных силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях.

В текстах государственных документов наблюдается нечеткое различение данных понятий, их трактовка невозможна без текста, в котором они зафиксированы. Таким образом, группа терминов, обозначающих лиц по функции, в официально – деловых отношениях подвержена влиянию экстралингвистических факторов, что делает термины данной группы весьма неопределенными.

Следующая группа – это терминоиды – наименования документов. Сюда следует отнести источники норм административного права: законы, указы, распоряжения, декларации, приказы, постановления.

Термины, называющие акты, регулирующие общественные отношения, достаточно полно представлены в «Юридическом энциклопедическом словаре». К ним можно отнести источники норм административного права: законы, указы, распоряжения, декларации, приказы, постановления.

Основным документом, по которому работает область, является Устав. Устав правовых и административных документах определяется следующим образом:

«Устав – нормативный, правовой документ, устанавливающий правовой статус разных категорий субъектов, юридических лиц, некоторых самостоятельных организации, не пользующихся правами юридического лица, субъектов Российской Федерации» (Словарь административного права, 1999, с. 299).

«Устав субъекта РФ – основной региональный государственный правовой акт, самостоятельно принимаемый субъектом РФ и определяющий экономические и финансовые основы данного субъекта, его систему органов государственной власти и управления, административно – территориальное устройство, организацию местного самоуправления, а так же регулирующий ряд других вопросов, отнесенных Конституцией РФ и федеративным договором к ведению данного вида субъектов РФ» (Юридический энциклопедический словарь, 2003, с. 413).

Термин достаточно определен, у него существуют известные дефиниции, но в юридической литературе очень часто используется и такой

иноязычный синоним, как «статут». Данный термин применяется в международном праве, это чаще всего положения о деятельности какого – либо международного органа, определяет цели этого органа, его структуру и функции, например, статут Международного суда ООН.

Закон – юридический акт, принятый высшим представительным органом государственной власти, либо непосредственным волеизъявлением народа и регулирующим наиболее важные общественные отношения.

Приказ – один из видов приказных актов: властный акт органа управления, изданный в рамках его компетенции и имеющий обязательную силу для физических и юридических лиц.

Если следовать определениям Закона и распоряжения, такой термин, как «акт» является их синонимом, эти лексемы находятся в гипо – гиперонимических отношениях.

Данная группа номинаций наиболее устойчива, ее можно отнести к межотраслевой терминологии, так как эти термины – названия документов, характерны для многих отраслей. Почти все термины соответствуют требованиям однозначности, краткости, точности, систематичности, лингвистической правильности, но практически все они независимы от контекста.

Третью группу образуют термины, называющие органы и учреждения исполнительной власти. Термин «администрация» относится к наиболее частотным. Он функционирует как наименование исполнительного органа государственной власти области и закреплен в Конституции РСФСР 1978 г. (в редакции от 24 мая 1991 г.) В отличие от прежней формулировки, закреплявшей состав коллегиального органа – исполнительного комитета областного Совета народных депутатов, новая редакция вводила принцип единоначалия главы администрации, не определяя состава исполнительного органа.

Указом Президента РФ «Об основных началах организации государственной власти в субъектах Российской Федерации» от 22 октября 1993 г. субъектам Российской Федерации предоставлялось право самостоятельно определять наименование исполнительного органа государственной власти и в качестве варианта предлагалось использовать термин «правительство». В уставах ряда областей функционирует именно такое название (Ленинградская, Свердловская, Ярославская области). Однако термин администрация традиционен как номинация органа исполнительной власти, поэтому наиболее распространен в законодательных актах субъектов РФ.

Следует обратить внимание на некоторые терминологические особенности в формулировках наименований исполнительных органов государственной власти субъектов в Конституции РФ 1993 г. В ст. 77 (ч. 1), ст. 95 (ч. 2) использован оборот «исполнительные органы государственной власти». В ст. 77 (ч. 2) читаем: «органы исполнительной власти субъектов» (субъект по определению это исполнительный орган государственной власти). В ст. 78 (ч. 3) снова используется словосочетание: «органы исполнительной власти субъектов». Совершенно очевидно, что в Конституции не проводятся различия при использовании данных понятий, однако их смысловая нагрузка в зависимости от контекста может быть различной.

Конструкция «орган органа», вероятно, используется тогда, когда необходимо подчеркнуть тесную связь двух органов, их зависимость соподчиненность. В рассматриваемом случае мы имеем сложную конструкцию, когда в одном словосочетании объединяются два самостоятельных понятия (орган государства и исполнительная власть), призванных обозначить статус нового органа. Придание того или иного содержания каждому из двух самостоятельных понятий может породить различное их толкование.

Если под исполнительной властью понимать орган, осуществляющий исполнительно – распорядительную деятельность (что встречается часто), тогда словосочетание «орган исполнительной власти» будет означать структурное подразделение администрации или правительства (орган органа). Поэтому наиболее приемлемым понятием для обозначения одной из ветвей государственной власти является употребляемое в Конституции словосочетание «исполнительный орган государственной власти». Оно наиболее верно отражает назначение и содержание одного из важнейших элементов системы органов государства.

Термин «исполнительный орган государственной власти» используется в Конституции РФ как общий, служащий для обозначения совокупности органов государства, осуществляющих властные исполнительно – распорядительные полномочия. В субъекте Российской Федерации таким органом является областная администрация, что нашло отражение в указах президента, уставах субъектов РФ. В законодательстве отдельных субъектов встречается упоминание о правительстве как исполнительном органе власти. Следует отметить, что правовой статус этих органов (администрация, правительство) в региональном законодательстве не всегда четко определяется.

Термин «администрация» может репрезентировать как собственно аппарат главы администрации, так и состав руководителей структурных подразделений, а иногда и сами структурные подразделения. Так, согласно ст. 37 Устава Нижегородской области в состав областной администрации включаются губернатор (глава администрации), первый заместитель (вице – губернатор), заместители губернатора, структурные подразделения. Устав Тюменской области закрепляет: «В состав администрации области входят вице – губернатор, заместители губернатора, руководители и должностные лица структурных подразделений администрации области (ст. 41). Губернатор в состав администрации не включен. В Архангельской области Устав вообще не упоминает о структуре областной администрации, говорится лишь о праве главы ее формировать (ст. 27).

Использование в уставах субъектов Российской Федерации термина «правительство» для обозначения исполнительного органа государственной власти порождает ассоциации с коллегиальным государственным органом, образуемым в установленном законном порядке, наделенном собственной компетенцией, издающим обязательные акты.

Основные характеристики правительства как исполнительного органа власти содержатся в Федеральном Конституционном законе «О Правительстве Российской Федерации». Согласно закону, это коллегиальный государственный орган, осуществляющий исполнительную власть и возглавляющий единую систему исполнительной власти в РФ. Данный закон является определяющим для характеристики аналогичных органов в субъектах РФ с точки зрения закрепления основ их правового статуса. Естественно, что правительство области не может обладать таким же объемом полномочий, как Правительство РФ, но оно должно отвечать базовым параметрам (таким, как коллегиальность, самостоятельность, ответственность за принимаемые решения). Иначе это будет не правительство, а совещательный орган при главе администрации или губернаторе, и термин «правительство» будет иметь иное толкование. Содержательное наполнение правового статуса органа должно отвечать его наименованию. Терминологическая определенность – это одно из важнейших требований, предъявляемых к основополагающим правовым актам, каковым является Устав субъекта РФ. В региональном законодательстве правовое положение правительства фиксируется не всегда определенно. В Уставе Архангельской области упоминание о правительстве есть лишь в контексте одной из статей, но по существу, как орган оно

не закрепляется, то есть слово употребляется как синоним термину «администрация области», без каких – либо комментариев. Употребление тождественных терминов в пределах одного юридического акта является некорректным с лингвистической точки зрения.

Таким образом, в уставах субъектов РФ довольно часто наблюдается неразличение терминов «администрация» и «правительство». С одной стороны, можно наблюдать тождественное употребление, когда оба термина обозначают одно и то же понятие, с другой – они совершенно различны.

Среди терминов, характерных только для номинации органов исполнительной власти, привлекает внимание лексема «эмитент». Ее толкование содержится в «Юридическом энциклопедическом словаре» под. ред. В.Е. Крутских: «Эмитент – орган исполнительной власти местного самоуправления или юридическое лицо, которым предоставлено право эмиссии (выпуска в обращение) денег, облигации, акций ценных бумаг» (с. 269).

Иноязычное слово не имеет синонимов или омонимов, употребляется всегда в одном значении, редко встречается среди политических терминов, поэтому его семантическая интерпретация затруднена. С данным термином работают исключительно специалисты. Текстом, в котором функционирует данный термин, является закон РФ «О рынке ценных бумаг» от 22 апреля 1996 г.

Наиболее распространены термины, обозначающие более мелкие структуры исполнительной власти: управление, коллегия, комитет, ведомство, департамент, аппарат.

Среди перечисленных лексем присутствуют слова – омонимы: аппарат – прибор техническое устройство, приспособление; совокупность учреждений, организации.

Управление – орган власти; процесс воздействия с целью упорядочения.

Комиссия – группа лиц или орган из группы лиц со специальными полномочиями, при каком – либо учреждении, организации, а также учреждения специального назначения.

Коллегия – группа должностных лиц, образующих административный, совещательный или распорядительный орган.

Департамент – административно – территориальная единица; отдел министерства или другого правительственного учреждения. Синонимами являются номинации «коллегия» и «комиссия».

Итак, значение терминов данной группы не очень конкретно представлено в государственных документах, их употребление вызывает определенные проблемы, так как чаще всего зависит от контекста.

Тезаурус политического языка раскрывается в ходе изучения концептуального поля «политика», которое формируется тремя главными конституентами: политическая власть, политическая идеология, государство. Данные концепты включают все референты политического лексикона и структурируются как семантическое поле. Ядром поля являются политемы и идеологемы, однако важную роль в создании политического языка берет на себя и периферия. Преимущественно именно она создает аксиологическую модальность текстов.

Очевидно и другое: анализ соотношения конституентов макроконцепта «политика» в семантическом пространстве «политический режим» дает возможность выявить ведущие черты политической коммуникации в зависимости от господствующей идеологии. Данные изменения, активные современные процессы, проходящие в политическом языке, свидетельствуют о господстве демократических принципов в развитии политической коммуникации на уровне общезначимых человеческих ценностей, о стремлении нашей страны приобщиться к политическим терминам и установкам развитых мировых государств.

1. ФУНКЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ

Ядерные единицы семантического пространства «политика» выполняют основные функции политической коммуникации в текстах определенной стилистической закреплённости и определенной тематики. «Функции языка, – как указывает Н.А. Слюсарева, – представляют собой проявление его сущности, его значения и действия в обществе, его природы, то есть являются его характеристиками, без которых язык не может быть самим собой» (ЛЭС, 1990, с. 564).

Считая коммуникативное предназначение языка его главным, неотъемлемым свойством, Н.Д. Арутюнова рассматривает функции, «исходя из структуры речевого акта», выделяя три компонента речи: говорящий субъект, адресат речи и то, о чем делается сообщение. «Коммуникативное назначение языка по-разному преломляется по отношению к этим компонентам акта речи», – пишет исследователь. (Арутюнова, 1977, с. 385).

Если эту классификацию использовать при анализе законов функционирования политема (политической лексики), то выявляется специфика всех компонентов речи: говорящий субъект – политик, политолог, лицо, выступающее в данной речевой ситуации в этой роли; адресат речи – человек, способный воспринимать политическую информацию; то, о чем сообщается, – политическая информация. Следовательно, все три компонента речи свидетельствуют о существовании особого типа речи – политической.

Анализируя основы политического дискурса, необходимо выявить функции политема, организующих политические тексты, не забывая о том, что значение и функции лексем взаимосвязаны. Ср. высказывание А.А. Потебни: «Нет формы, присутствие и функция коей узнавались бы иначе, как по смыслу» (Потебня, 1958, т. 1, с. 6).

Семантика политема обусловила выделение следующих функций политической лексики: номинативной, оценочной, прагматической и эстетической (в текстах художественных произведений).

Основной языковой функцией политема следует считать номинативную (референтную, денотативную, когнитивную) функцию, ибо лексемы, входящие в политический тезаурус, «принадлежат к терминологической системе определенной идеологии или какого-нибудь ее варианта» (Шмидт, 1960, с. 17), являются «частью терминологии общественных наук, обладающих свойством идеологизированности» (Крючкова, 1989, с. 15).

Типовыми функциями политической лексики являются прагматическая и аксиологическая (оценочная, экспрессивная), о чем писал М.Н. Эпштейн, исследуя взаимодействие идеологии и языка: единицы политического тезауруса выполняют оценочно-экспрессивную функцию, «в их лексическом значении семантический аспект – отношение слова к обозначаемому явлению – неразрывно связан с прагматическим аспектом – отношением говорящего к предмету сообщения». «Они обладают широкими текстообразующими возможностями, очень емки по содержанию», так как «вобрали контекст, или прагматическую ситуацию, в ядро своего лексического содержания» (Эпштейн, 1991, с. 20).

Функционирование политем в художественных текстах позволило выделить еще одну функцию политической лексики – эстетическую с ее разновидностями, характерными лишь для художественных произведений, где широко освещаются политические вопросы, актуальные для данного времени. В работе представлены особые функции относительных прилагательных, относимых нами, как и мотивирующие их значение имена существительные, к политемам.

Как уже было сказано, выделение функций политем обусловлено их семантикой, но очень трудно разграничить группы политической лексики, если исходить из ядерных концентров политем, то есть руководствоваться доминантными признаками этих лексем. Таким образом, наметились три основных концентриа.

Первый ядерный концентр включает политемы, называющие абстрактные понятия, термины философии, политологии, смежных наук: политика, внутренняя, внешняя, военная политика; идеология, демократия, клерикализм, консерватизм, либерализм, фашизм, буржуазия, монархия, республика и т. п. Они богаты по сигнификативному значению, выполняют функцию обобщения и формируют понятия об имеваемом классе предметов.

Второй концентр – наименования власти, социума и отношений между ними. Здесь представлены конкретные, собирательные, абстрактные существительные и словосочетания, куда входят лексемы президент, правительство, элита, гражданин, нация, народ, консенсус, политический конфликт, революция и т. п. Это термины – понятия, выполняющие дефинитивную функцию.

Третий концентр («государство») представлен терминологическими системами законодательной, исполнительной, судебной власти и

институционального устройства, а также номенклатурными наименованиями, не являющимися терминами, удачно названными терминоидами. Иными словами, в третий концентр наряду с терминами-понятиями, выполняющими референтивно-репрезентативную функцию, входят слова-названия денотативного содержания. В этой, номенклатурной, группе слов, бедной по понятийному содержанию, слово, как правило, служит специализированным названием конкретной должности, структуры в государственной системе управления или носит собирательный характер обобщения: администрация, департамент, министерство, чиновник, бюрократия, староста, начальник, директор и т. п.

Основой политического дискурса следует признать терминологическое употребление политем, поэтому вопрос о функциях должен решаться весьма традиционно, когда репрезентативная функция признается основной. Термин как объект исследования также обладает определенными функциями. Вслед за Винокуром многие лингвисты отмечают номинативную направленность термина. «Термины – это не особые слова, а слова в особой функции – писал Г.О. Винокур. – Особая функция, в которой выступает слово в качестве термина, это функция называния» (Винокур, 1980, с. 68). Однако, отражая когнитивные явления действительности, политемы в то же время являются единицами политической коммуникации, потенциально заключая в себе тенденцию к однотипности, стандарту представления. Таким образом, политическая лексика функционально структурирована следующими номинативными группами:

- термины, связанные с системой маркированных понятий;
- терминоиды (полутермины, «номенклатурные» обозначения). По определению А.А. Реформатского, именно «номенклатура этикетировывает научные объекты» (1961, с. 47);
- общеупотребительная лексика, которая в определенных текстах может выступать в роли политем (терминов и терминоидов).

Дело не только в том, что трудно провести границу между тремя ядерными конценрами политем, но и в специфике политических терминов, которые в отличие от математических, физических, лингвистических терминов стали общеупотребительными и большей частью интернациональными. Необходимо отметить, что большинство этимонов, входящих в русскую политическую лексику на современном этапе, – латинизмы, укоренившиеся в европейских языках довольно давно. Об-

условленные определенным политическим режимом, на каждом этапе исторического развития общества они осваивались носителями русского языка, смешиваясь с национальными референциями.

Для нашего исследования необходимо уточнить характерные особенности политической терминологии, которые прослеживаются в работах отечественных лингвистов.

Выступая на Всесоюзном терминологическом совещании, В.В. Виноградов пояснил: «Проблема термина и терминологии входит в теорию общего языкознания. Все, что связано с уяснением понятия термина, сближает лингвистику не только с разными областями научного знания, но с разными сферами производственной практики и профессионального труда» (Виноградов, 1961, с. 6).

К теоретическим исследованиям терминологических проблем, представляющих наибольший интерес и отражающих практический опыт языковеда в работе над специальной лексикой, В.В. Виноградов относил известный труд Г.О. Винокура «О некоторых явлениях словообразования в технической терминологии». Он усматривал в терминологии систему терминов, между предметными значениями которых возникают определенные самасилогические связи.

Известная работа А.А. Реформатского «Что такое термин и терминология» посвящена выяснению теоретической сущности термина и терминологии. В данной работе выдвинута идея «терминологического поля». Наличие этого поля автор демонстрирует на примере омонима «речь», рассмотренного в рамках конкретных дисциплин (физиологии, психологии, лингвистике). Поле для термина – это терминология определенной области знания. Вне этого поля термин теряет свою характеристику в качестве термина. А.А. Реформатский осветил малоизученный вопрос о соотношении терминологии и номенклатуры, он возразил против попыток считать их синонимами. Слова номенклатуры неисчислимы, хотя сопряжены со значениями, понятиями данной науки.

Терминологическое поле идиоматично для каждой терминологии, оно покрывает всю систему понятий данной науки. Термин принимает всегда строго определенное место в «матрице» данного терминологического поля, предельно парадигматичен, для каждого термина весьма существенна «значимость» в сосюровском понимании этого слова, которая определяется окружением, вытекает из противопоставления одного элемента всем другим элементам системы.

В ряду многих выдающихся ученых, посвятивших себя изучению проблем терминологии, особое место принадлежит Д. С. Лотте. Существует принципиальное положение, которое проходит через все его исследования. Это положение заключается в том, что терминология является такой совокупностью терминов, которая соответствует системе понятий данной области науки, репрезентирует систему понятий определенной области знаний.

В современной лингвистике интерес специалистов обращен к когнитивной стороне термина. В исследовании М.Н. Володиной выделена когнитивная функция термина: информация, заложенная в слове – термине, может поставлять сведения о самом факте существования соответствующих реалий, об источниках их появления, о контактах народа – носителях данного языка – с другими народами, об уровне развития культуры этих народов (Володина, 2000, с. 79).

Терминологическая информация, обладая свойством открывать завесу прошлого, учит настоящему и вводит в будущее. Володина отмечает коммуникативную активность термина. «Применительно к современной языковой ситуации можно говорить о своеобразной языковой экспансии, которую ряд лингвистов определяет как тенденцию к «интеллектуализации лексики», связанную с возрастанием коммуникативной роли терминологии, политики, науки и техники искусства и спорта. Лишенный этого, человек уже не может полноценно существовать в современном мире. Средства массовой коммуникации, адресованные самой широкой аудитории, непрерывным потоком поставляют информацию, избыточную разного рода терминами. При этом обращает на себя внимание явная избирательность в подходе к специальной лексике: допускаются к употреблению и получают распространение те термины, которые относятся к наиболее актуальным отраслям знания и общественно – политическим направлениям. Это значит, что коммуникативная активность старых и активизация новых терминов в языке находится в прямой зависимости от социального заказа (Володина, 2000, с. 56).

В качестве носителей специальной информации термины являются необходимым условием существования, хранения и развития профессионального научного знания. Для каждой эпохи существует своя структура историко – политических терминов, в которой фигурируют термины – архаизмы, термины – неологизмы. Однако поскольку термины остаются в языке как его лексические единицы, они могут воз-

родиться в составе новых терминосистем или в новом значении при развитии терминосистемы.

При рассмотрении и анализе различных дефиниций термина, представленных в научных трудах лингвистов, были выявлены основные характеристики термина как единицы языка. Прежде всего, многие исследователи обратили внимание на то, что термин является системой в системе.

Термины представляют собой особый способ репрезентации особого знания. Выражая специальное понятие, термин становится носителем и хранителем фрагмента информации, которая имеет свою ценность в особой понятийной системе, терминосфере. Информация рассматривается как специальное знание, которое фиксируется в понятийном представлении носителей языка, конденсируется в термине и вводится в языковое сознание.

В.В. Виноградов подчеркнул особую, дефинитивную функцию в качестве главной особенности разнообразных терминов. Термин не называет понятие, как обычное слово, а понятие ему приписывается, как бы прикладывается к нему. И в словарях термин не толкуется, а именно определяется, поэтому нельзя говорить о лексическом значении термина. Таким образом, наряду с номинативной, дефинитивной, идентификационной следует учитывать и когнитивную функцию термина. У термина как специфической лексемы существует определенная сфера употребления.

Термины – политемы функционируют в словарях, учебниках, законодательных актах, программных документах, например: «Национальность – термин, употребляющийся в нескольких значениях: 1) для выявления принадлежности индивида определенному этносу; употребляется в отечественной статистике при переписи населения; 2) для обозначения государственной принадлежности личности (американец, француз – для лиц любого этнического происхождения)» («Федерализм. Энциклопедический словарь» 1997, с. 151); «Государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности...» (Конституция, ст. 19); «Вместо идеи двойного гражданства – расширение и упрощение процедуры представления российского гражданства в порядке регистрации и сближение статуса соотечественника с национальным статусом в Российской Федерации» («Программные тезисы партии «Яблоко»).

Следует согласиться с высказыванием С.И. Тресковой о том, что термины функционируют в словарях и научной литературе, но, становясь

единицами текста, где «проявление их лингвистических особенностей обусловлено такими признаками, как тематическая и функциональная принадлежность текста, способ реализации текста», их употребление меняется (Трескова, 1989, с. 91).

Политическая терминология широко представлена в публицистическом стиле. В информационных материалах нередко встречаются многозначные термины, термины – синонимы, сокращенные термины и т. п. Политическая терминология обладает теми же основными чертами, которые свойственны и научно-технической терминологии. Однако обнаруживаются и некоторые отличия, связанные с меньшей строгостью и упорядоченностью терминологической системы в политической сфере, а также с зависимостью значений ряда терминов от соответствующих идеологических концепций.

Е.В. Розен выделил такую важнейшую особенность политической терминологии, как ее тесную связь с идеологическими концепциями, которые эта терминология отражает и распространяет. Он утверждал, что политическая терминология отличается внутренней образностью и языковой мотивированностью (Розен, 1974, с. 64).

Прагматическая ценность политической терминологической информации заключается в ее способности определенным образом влиять на поведение человека и его способ мышления.

Информативность политической терминологии характеризуется открытой социальной позицией или ценностной установкой производителя речи. Большую роль при этом играет сам выбор того или иного термина в конкретной ситуации. Весьма показателен, например, выбор определения к термину «социализм», обусловленный политической ориентацией автора (ср.: аграрный, деформированный, чиновно – бюрократический и т. д.).

В настоящем исследовании рассматриваются дефиниции словарей. Многие лингвисты к особенностям терминов относят наличие для них словарных дефиниций, где хорошо видны современные процессы терминологизации и детерминологизации политической лексики.

Однако довольно часто трудно разграничить терминологическое и нетерминологическое употребление политема (особенно наименования административного аппарата исполнительной власти). Общеупотребительная лексика входит в политический дискурс совершенно свободно в связи с высокой степенью абстрагированности и семантической открытостью данной системы. Политика способна актуализи-

зировать различные явления социальной жизни, в связи с чем важно разграничивать политически маркированную и немаркированную информацию (например, политические тексты официально-делового содержания, программные и рекламные тексты).

Сравним следующие тексты:

1) «Высокие Договаривающиеся стороны признают, что к сфере их совместной деятельности, реализуемой на равноправной основе через общие координирующие институты Содружества, относятся: координация внешнеполитической деятельности; сотрудничество в формировании и развитии общего экономического пространства, общеевропейского и евразийского рынков в области таможенной политики; сотрудничество в развитии системы транспорта и связи; сотрудничество в области охраны окружающей среды, участие в создании всеобъемлющей международной системы экономической безопасности; вопросы международной политики; борьба с организованной преступностью» (ст. 7 «Соглашения о создании Содружества независимых государств»);

«Тем, кто уже нашел свое место в нашем меняющемся мире, мы предлагаем стабильность и условия продолжать свое дело. Тем, кто еще ищет свое место, мы предлагаем помощь и возможность реализовать себя. Тем, кто не сможет найти своего места, мы предлагаем защиту и социальную поддержку» (Из предвыборной платформы Всероссийского общественно-политического движения «Наш дом – Россия»);

2) «Тот, кто ищет свое место в жизни, кто энергичен и предприимчив, должен вступить в нашу партию молодых бизнесменов и организовать свое дело по производству дешевого пива, купив наше оборудование» (реклама).

В данной работе исследуются тексты первого плана, где и функционируют политемы.

Хочется отметить еще одно важное направление в политической коммуникации, связанное с переводом политических терминов. В современных условиях перевод политических текстов приобретает особое значение, выступая как средство пропаганды и орудие идеологической борьбы. Объем издаваемых ежегодно политических текстов, ориентированных на иноязычную аудиторию, достаточно велик и по мере роста международных связей продолжает увеличиваться. Здесь и выступления государственных, партийных и общественных деятелей, публикации международных, правительственных и общественных организаций, статьи, посвященные борьбе за мир, разрядке международной напряжен-

ности, сокращению и ограничению вооружений, национально– освободительному движению, экономическим отношениям и т. п.

Область отношений, которую обслуживает политическая терминология, охватывает не только внутренние проблемы одной страны, но и область внешних сношений, потому особенности перевода политической терминологии весьма актуальны.

Специалист в этой области Т.А. Зражевская отмечает: «Попытка по тем или иным причинам отойти от установившейся в практике перевода политической терминологии для документов данного типа может неоправданно усилить роль личной интерпретации, создать иллюзию изменения позиции государства, привести материал в диссонанс с существующими формулировками по тому или иному вопросу». (Зражевская 1986, с. 35).

Именно в процессе перевода наблюдается активное взаимодействие слов, сходство и сближение семантических процессов, протекающих в разных языках, появление и распространение новых терминов и полутерминов, номенклатурных обозначений, терминоидов.

НОМИНАЦИИ ОРГАНОВ ФЕДЕРАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Главой России является президент – «гарант Конституции РФ, прав и свобод человека и гражданина», обеспечивающий «согласованное функционирование и взаимодействие органов государственной власти» (Конституция, ст. 80).

Слово «президент» до 80-х гг. XX в. в русском языке означало реалию зарубежной действительности. В БАС: «В некоторых государствах – выбранный на определенный срок глава государства. Президент Соединенных Штатов Америки» (т. 11, с. 207-208). В наши дни этот термин функционирует в следующем значении: «глава республиканского государства, а также руководитель некоторых крупных общественных компаний, научных организаций» (Словарь русского языка, 1978, с. 320).

Наиболее полное и важное для политической коммуникации значение термина представлено в «Политологическом словаре»: «Президент – высшее должностное лицо в государстве, глава государства. В президентских республиках является также и главой исполнитель-

ной власти... обладает обширными полномочиями: обладает правом законодательной инициативы, правом вето; имеет право обращаться с посланиями к парламенту; формирует правительство, ответственное перед ним; имеет право издавать указы, декреты и т. п.; является главнокомандующим всеми вооруженными силами страны» (Политический словарь, 1994, т. 2, с. 93 – 94). Кратологический словарь пополняет дефиницию интернациональными сведениями: «В 1993 году пост президента в своем государственном устройстве имели более 130 стран из 183, входивших в ООН» (Халипов В.Ф. «Власть. Кратологический словарь», 1997, с. 306).

Лексема в настоящее время является одной из наиболее частотных, так как обозначает высшую форму персонифицированной власти, функционирует в официальных документах (Конституция РФ), в публицистических, художественных текстах, в разговорной речи, приобретающая иногда текстовые коннотации.

Ср. выступление Ю. Скуратова: «Существенная особенность новой Конституции России – усиление полномочий Президента, которое скажется на взаимоотношениях главы государства с Федеральным Собранием. Произошло своеобразное перемещение центра тяжести государственной власти с представительных органов на исполнительную вертикаль. С одной стороны, Президент наделяется рядом новых полномочий. Так, согласно новой Конституции он определяет основные направления внутренней и внешней политики, представляет Государственной Думе кандидатуру для назначения на должность председателя Центрального банка России, ставит вопрос об освобождении его от должности... он назначает выборы в Государственную Думу и распускает Государственную Думу в определенных Конституцией случаях, назначает референдум... Это дает основания сделать вывод об отказе не только от советской системы организации власти, но, вероятно, и о переходе от парламентарной республики к президентской. В этой связи закономерны сопоставления российской модели организации власти с зарубежными аналогами» («Российская Федерация»). Даже в официальном анализе конституционных положений автор посчитал необходимым дать собственную общую негативную оценку сложившейся политической ситуации.

В корреляции парламентарная – президентская республика автор соотносит представительную власть народа с самодержавным президентским правлением и прогнозирует негативную политическую ситуацию.

Законодательная власть представлена в нашей стране парламентом – «общенациональным представительным учреждением государства, осуществляющим общие законодательные функции; выборным высшим законодательным органом» (Конституция, ст. 94).

Это слово было так широко распространено в иностранных языках, что установить, откуда оно пришло в русский язык, нелегко. Этимологические словари дают неоднозначную информацию. В словаре Н.М. Шанского утверждается, что слово заимствовано из английского языка, но в более позднем издании указано, что оно «заимствовано в начале XVIII века из польского языка, польский термин восходит к итальянскому слову (parlament) – итал. parlamento «собрание, переговоры, производного от *parler* «говорить» (Шанский, Боброва, 1994, с. 224). В «Этимологическом словаре» М. Фасмера указана точная дата заимствования: «впервые в «Правде воли монаршей» 1722 в значении обсуждение, переговоры, собрание» (т. 3, с. 208).

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля также фиксируется это слово: «Парламент французское, в конституционных государствах, собрание чинов и выборных, палата, дума, собор для обсуждения законодательных и других вопросов» (т. 3, с. 18).

Отношение к парламенту в России всегда было неоднозначным. Обратимся к размышлениям К.П. Победоносцева, правоведа конца XIX в. В знаменитой статье «Великая лож нашего времени» он пишет: «Что такое парламентская партия? По теории, это союз людей одинаково мыслящих и соединяющих свои силы для совокупного осуществления своих воззрений в законодательстве и в направлении государственной жизни... Все существенные действия парламентаризма отправляются вождями партий: они ставят решения, ведут борьбу и празднуют победу. Публичные заседания суть не что иное, как представления для публики. Произносятся речи для того, чтобы поддержать фикцию парламентаризма: редкая речь вызывает, сама по себе, парламентское решение в важном деле. Речи служат к прославлению ораторов, к возвышению популярности, к составлению карьеры, – но в редких случаях решают подбор голосов. Каково должно быть большинство – это решается обыкновенно вне заседания. Таков сложный механизм парламентского лицедейства, таков образ великой политической лжи, господствующей в наше время. По теории парламентаризма, должно господствовать разумное большинство; на практике господствуют пять-шесть предводителей партий; они, сме-

няясь, овладевают властью» («Государство Российское: власть и общество», 1996, с. 421).

В толковых словарях советской эпохи слово «парламент» представлено как номинация зарубежной реалии. Например, в МАС: «Парламент. Высшее государственное законодательное представительное собрание в капиталистических странах, построенное целиком или частично на выборных началах» (т. 3, с. 24).

Авторы «Словаря иностранных слов» подтверждают широкое распространение данного референта в политической сфере иных стран – «высший представительный, законодательный орган в буржуазных странах, построенный целиком или частично на выборных началах. В Англии называется парламентом, в США конгрессом, в Швеции риксдагом, в Норвегии – стортингом» («Словарь иностранных слов», 1989, с. 372). К сожалению, даже в конце 80-х годов толкование реалии дано с идеологической позиции.

Более объективная и подробная информация представлена в «Политологическом словаре», где в дефиниции «парламент» указано, что это система государственной власти, при которой четко распределены функции законодательных и исполнительных органов при решающей роли парламента. Парламент выступает в этой системе в качестве субъекта и объекта политической борьбы и связан с господствующими в стране традиционными представлениями о демократии. Парламент образует правительство, которое несет перед ним политическую ответственность. Парламент имеет право отказывать в доверии правительству, санкционирует важнейшие политические мероприятия. Полномочия парламента нередко узурпируются правительственной властью при помощи делегированного и чрезвычайного законодательства, расширенного толкования нормотворческой компетенции правительственной власти. При этом отчетность правительства перед парламентом носит формальный характер, то есть происходит смешение функций законодательной и исполнительной власти. («Политологический словарь», 1994, т. 1, с. 164). «Федеральный парламент за редким исключением двухпалатный. Нижняя палата является органом федерального (союзного) представительства и избирается по избирательным округам. Верхняя палата представляет субъектов федерации и формируется либо путем выборов равного числа депутатов от каждого субъекта независимо от численности населения, либо неравного числа депутатов с учетом численности населения» («Политологический словарь», 1994, т. 2, с. 76).

Российский парламент имеет две палаты: Совет Федерации и Государственную Думу.

Дума – «1) представительное выборное законодательное совещательное и административное учреждение в царской России (Городская Дума, Государственная Дума); 2) собрание, совет бояр на Руси с X по начало XIII Боярская Дума); 3) с 1993 г. орган представительной (законодательной) власти в Российской Федерации (Государственная Дума Федерального Собрания) и в ряде субъектов Федерации (например, Московская городская дума, Государственная Дума в Ставропольском крае, Областная Дума во Владимирской области)» (Халипов В.Ф. «Власть Кратологический словарь», 1997, с. 138).

В Конституции 1993 г. лексема «парламент» употребляется лишь один раз для соотношения с западными образцами демократического устройства и разъяснения функций Думы: «Федеральное Собрание – парламент Российской Федерации – является представительным и законодательным органом Российской Федерации (ст. 94). Федеральное Собрание состоит из двух палат – Совета Федерации и Государственной Думы. В Совет Федерации входят по два представителя от каждого субъекта Российской Федерации: по одному от представительного и исполнительного органов государственной власти. Государственная Дума состоит из 450 депутатов» (ст. 95).

Интересные суждения о Думе содержатся в Конституции декабриста Н.М. Муравьева, где автор находит в этом законодательном органе прообраз демократических отношений в России и дает синоним номинации Дума – народное вече, а нынешний Совет Федерации называет верховной думой (1824 г.): «Народное вече, состоящее из верховной думы и палаты народных представителей, облечено всею законодательной властью. Палата представителей составлена из членов, выбранных на два года гражданами Держав... Верховная дума состоит из трех граждан каждой Державы, двух граждан Московской области и одного гражданина Донской области. Всего 42 члена. Члены Верховной думы избираются правительственными сословиями Держав и областей, т. е. обеими соединенными в одно место палатами выборных и Державными думами... Дума избирает сама своего председателя, заместника председателя и прочих своих чиновников. Председатель наблюдает за порядком рассуждений, но не имеет права голоса. Заместник занимает место, когда он в отсутствии. Верховной думе принадлежит суд над министрами, верховными судьями и всеми прочими сановниками импе-

рии, обвиненными народными представителями. Никто не может быть объявлен виновным, как только 2/3 голосов всех присутствующих членов. Дума не имеет права назначить другого наказания, как только объявить подсудимого виновным и лишить его занимаемого им места и звания» (Государство Российское: власть и общество, 1996, с. 165).

Слово «дума» относится к политическим терминам и употреблялось ранее без коннотаций. Прогрессивные преобразования были закреплены в «Основных государственных законах Российской империи» (1906 г.), где представлено употребление данной лексемы: «Государь Император осуществляет законодательную власть в единении с Государственным Советом и Государственной Думою... Никакой новый закон не может последовать без одобрения Государственного Совета и Государственной Думы и воспринять силу без утверждения Государя Императора... Государственная Дума может быть до истечения пятилетнего срока полномочий ее Членов распущена указом Государя Императора. Тем же указом назначаются новые выборы в Думу и время ее созыва» («Государство Российское: власть и общество», 1996, с. 216).

Обращает на себя внимание то, что провозглашенное в форме Думы народовластие в России было иллюзорным. Последовательно рассматривая исторические факты, мы убеждаемся, что идею политической модернизации России в 1905 года, проведение ее политического переустройства в соответствии с мировой нормой и потребностями общества осуществить в то время не удалось.

Показательно выступление в государственной думе 6 марта 1907 года П.А. Столыпина: «В странах с установившимся правительственным строем отдельные законопроекты являются в общем укладе законодательства естественным отражением новой назревшей потребности и находят себе готовое место в общей системе государственного распорядка. В этом случае закон, прошедший все стадии естественного созревания, является настолько усвоенным общественным самосознанием, все его частности настолько понятны народу, что рассмотрение, принятие или отклонение его является делом не столь сложным и задача правительственной защиты сильно упрощается. Не то, конечно, в стране, находящейся в периоде перестройки, а следовательно, брожения. Тут не только каждый законопроект, но каждая отдельная его черта, каждая особенность может чувствительно отозваться на благе страны, на характере будущего законодательства. При множестве новизны, вносимой в жизнь народа, необходимо связать все отдельные правительственные предположения

одной общей мыслью, мысль эту выяснить, положить ее в основание всего строительства и защитить ее, поскольку она проявляется в том или другом законопроекте. Затем следует войти в оценку той мысли, которая противопологается мысли законопроекта, и добросовестно решить, совместима ли она, по мнению правительства, с благом государства, с его укреплением и возвышением и потому приемлема ли она. В дальнейшем же выработке самих законов нельзя стоять на определенном построении, необходимо учитывать все интересы, вносить все изменения, требуемые жизнью, и, если нужно, подвергать законопроекты переработке, согласно выявившейся жизненной правде» (Государство Российское: власть и общество, 1996, с. 274).

Исторические факты дают обильную пищу для размышлений по поводу функционирования данной номинации. Несколько позже Николай II ликвидировал Учредительное собрание, земские и городские органы самоуправления, а также советы всех уровней. Успех современного возрождения в России практики парламентаризма во многом будет обусловлен тем, как Государственная Дума будет защищать интересы народных масс, сможет ли обеспечить гражданский мир, согласие и спокойствие в стране, смогут ли депутаты добиться разумного компромисса в работе всех ветвей власти.

Любое политическое явление имеет свои положительные и отрицательные стороны. Вспоминая события 1993 г., следя за дебатами в Думе, следует, наверное, обратиться к высказываниям самого реакционного деятеля на Руси К.П. Победоносцева, прогнозировавшего современную политическую ситуацию. В статье «Великая ложь нашего времени» (1887) саму идею парламентаризма он не отвергает: «Предполагается, что весь народ в народных собраниях творит себе законы, избирает должностные лица, стало быть, изъявляет непосредственно свою волю и приводит ее в действие. Это идеальное представление». Но затем пишет: «Такова теория. Но посмотрим на практику. В самых классических странах парламентаризма он не удовлетворяет ни одному из вышеуказанных условий. Выборы никоим образом не выражают волю избирателей, но руководствуются собственным произвольным усмотрением или расчетом, соображаемым с тактикою противной партии. Министры в действительности самовластны; и скорее они насилуют парламент, нежели парламент их насилует. Они вступают во власть и оставляют власть не в силу воли народной, но потому, что их ставит у власти или устраняет от нее – могущественное личное влияние или

влияние сильной партии. Они располагают всеми силами и достоинствами нации по своему усмотрению, раздают льготы и милости, содержат множество праздных людей на счет народа, – и притом не боятся никакого порицания, если располагают большинством в парламенте, а большинство поддерживают – раздачей всякой благодости с обильной трапезы, которую государство отдало им в распоряжение. В действительности министры столь же безответственны, как и народные представители. Ошибки, злоупотребления, произвольные действия – ежедневное явление в министерском управлении, а часто ли слышим мы о серьезной ответственности министра? Разве, может быть, раз в пятьдесят лет приходится слышать, что над министром суд, и всего чаще результат суда выходит ничтожный – сравнительно с шумом торжественного производства» (Государство Российское: власть и общество, 1996, с. 235).

В современном употреблении термин «Дума» сохраняет свое значение и функционирует, как и в начале века, без коннотаций, хотя в отличие от местных органов власти часто называется Госдумой (Государственной Думой). Однако текстовые употребления политем «дума» и «парламент» довольно часто в 90-е гг. XX в. встречается в словосочетании с глаголом «ропуск». Президент грозил роспуском Думы, когда она не одобряла его решений, либо Дума выражала вотум недоверия президенту, то есть налицо борьба исполнительной и законодательной власти, которая отражалась в текстах. «Что ждет Госдуму во второй сессии? Как сложатся ее отношения с новым составом правительства, президентскими структурами? Удастся ли преодолеть внутренние трения, улучшить работу на «правовом поле»? Насколько обоснованы слухи о возможном роспуске палаты? Все это в равной мере волнует и политиков, и так называемого обывателя. Слишком уж накалено, наэлектризовано общество, чтобы смущать его к тому же очередным противостоянием «верхов» («Российская Федерация»).

Еще одна ситуация противопоставления с точки зрения здравого смысла совершенно абсурдна: электорат – депутат. Народ не доверяет своим избранныкам по многим причинам. Прежде всего выявляются экономические преимущества народных избранных, их экстремистская идеологическая позиция (как, например, антисемитское выступление генерала Макашова), криминальное прошлое депутатов и т. п. «Нервная кампания поднята в российской печати относительно финансирования депутатов нового парламента» («Невская панорама»). «Подайте депутату...», «Не слишком ли жирно?», «Приравняли себя к

министрам» – это еще не самые хлесткие заголовки критических реплик и комментариев, появившихся в газетах, когда депутаты начали разговор о материальном обеспечении своей деятельности.

В результате политическая жизнь бывает связана с номинациями эмоциональными, экспрессивными. Для характеристики деятельности парламента, Думы часто употребляются слова с оценочными контекстуальными семами, оценка при этом зависит от того, какую позицию занимает субъект речи. Например: «Ни президент, ни парламентская оппозиция не высказываются против самой идеи «пакта о ненападении». Прирученная Дума дружно проголосовала «за»; «На прошлой неделе в Думе сошлись два законопроекта – поправки к закону о статусе депутата и закон о минимальной зарплате. В первом случае речь шла об улучшении жизни депутатов, во втором – об улучшении жизни избирателей. Публичная борьба Думы за свое благополучие сочувствия не вызывает, и стремление повысить минимальную зарплату до 200 при прожиточном минимуме 800 – шаг чисто популистский, ибо в принятом теми же самыми депутатами бюджете такое повышение не учтено» («Русская мысль»).

Лексема депутат появилась в русском языке в 1618 г. («через нем. *deputat* из лат. *deputatus*, аналогично делегат, делегация, депутация» (Фасмер, т. 1, с. 499). Данный латинизм авторы словарей переводят по-разному: «посланный» («Словарь иностранных слов», 1989), «предназначенный» (Л.П. Крысин, 1989).

В XVII в. слово употреблялось в значении «доверенный (назначенный или избранный), представитель, посланник кого-либо (Словарь русского языка XI–XVII вв., в. 27, 99). Особенно широко употреблялось в первый период царствования Екатерины II, во время подготовки, открытия и деятельности комиссии об Уложении. С.М. Соловьев пишет об этом: «Депутаты, которых к этому времени приехало Москву до 460 человек, собрались в Чудов монастырь в 7 часов утра... когда императрица приехала в Успенский собор, двинулись туда и депутаты по два в ряд... Впереди шли депутаты от правительственных мест, потом от дворянства, от городов, от однодворцев... и наконец от поселян» (Государство Российское: власть и общество, 1996, с. 243).

В XIX в. депутат – «выборное лицо от какого-либо коллектива для ведения порученного дела или дел представительства» («Словарь современного русского литературного языка», т.3, с. 709). Первоначальное основное значение в словарях XX века становится на второй план,

а на первый план выдвигается социально-политическое значение. Ср.: «Выборный представитель, член выборного государственного учреждения» («Словарь русского языка», т. 1, с. 388). «Лицо, избранное в законодательный или иной представительный орган, например, депутат Верховного Совета в СССР, депутат парламента в буржуазных странах (Словарь иностранных слов, 1989, с. 155). Кратологический словарь: «выборный представитель в органах власти» (Халипов, «Власть. Кратологический словарь», 1997, с. 127).

Данная лексема в настоящее время стала довольно частотной в связи с политической борьбой многопартийного демократического режима. Как политический термин она закреплена в Конституции: «Государственная Дума состоит из 450 депутатов» (ст. 95). «Депутатом ГД может быть избран гражданин РФ, достигший 21 года и имеющий право участвовать в выборах... Депутаты ГД работают на профессиональной постоянной основе. Депутаты ГД не могут находиться на государственной службе, заниматься другой оплачиваемой деятельностью, кроме преподавательской, научной и иной творческой деятельности» (ст. 97).

Как и лексема «правительство», социологема «депутат» может иметь разные значения: она активно функционирует на федеральном уровне (депутат Государственной Думы) и на региональном уровне власти (депутат Законодательного Собрания Санкт-Петербурга), например: «Питерские депутаты в очередной раз демонстрируют свою «особость». Вот уже полгода они никак не могут избрать председателя Законодательного Собрания» («Российская Федерация сегодня»).

Ретроспекция семантического пространства концепта «государство» представляет следующую картину: в советский период существовало четкое единообразие номинаций государственно-управленческой структуры. Термин «совет» был исключительно важен не только для номинации высшего органа государственной власти (Верховный Совет), но и для коллегиальных органов (исполнительных, распорядительных): облсовет, горсовет, сельсовет (эти термины сохраняли революционный, идеологизированный отпечаток социального обустройства). Единообразные наименования органов государственной власти были закреплены всеми предыдущими конституциями. Язык в данном случае выступал как особый инструмент официальной идеологии, с помощью которого правящая элита эффективно воздействовала на массовое сознание. «Исключение других государственных органов из числа конституционно признаваемых органов власти ... носило целенаправленный характер, по-

скольку формально возвышало Советы... (КПСС, в свою очередь, представляла серьезные правовые и иные политически-организационные возможности и «ресурсы» для обеспечения фактического господства партийно-бюрократического аппарата в центре, в республиках, на местах)», – справедливо отмечает Б.П. Ефимов (Ефимов, 1997, с. 33).

Довольно любопытно с этой точки зрения объяснение термина «социализм» в английском словаре: «Socialism – the doctrine, that political organisation of society should be based on the subordination of the individual to the interests» (социализм – доктрина: политическая организация общества должна основываться на подчинении индивидуума интересам общества) (New English Dictionary. London, 1968, p. 321).

Итак, следует подчеркнуть: в современном политическом языке отразился демократический характер политических преобразований, что нашло выражение прежде всего в изменении номинаций органов федерального управления.

НОМИНАЦИИ МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Следующий уровень государственного управления – местные органы. В ныне действующей Конституции провозглашается:

1. «РФ состоит из республик, краев и областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов – равноправных субъектов РФ.

2. Республика (государство) имеет свою конституцию и законодательство. Край, область, город федерального значения, автономная область, автономный округ имеют свой устав и законодательство

3. Федеративное устройство РФ основано на ее государственной целостности, единстве системы государственной власти, разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти РФ и органами государственной власти субъектов РФ, равноправии и самоопределении народов в РФ.

4. Во взаимодействиях с федеральными органами государственной власти все субъекты РФ между собой равноправны» (ст. 5).

К субъектам Российской Федерации по Конституции 1993 г. относятся республики, края, области, города федерального значения, автономные области, автономные округа.

В России в 90-е гг. произошел переход от централизованного государственного управления к децентрализованному управлению путем передачи муниципальным органам полномочий и ресурсов по самостоятельному решению вопросов местного значения, как это было до 1917 г. Конституция РФ закрепила самостоятельность местного самоуправления, которое решает следующие задачи: укрепляет основы народовластия; создает условия для обеспечения жизненных интересов населения; проводит мероприятия по социальной защите населения; стабилизирует государственный контроль, подготовку кадров муниципальных служащих.

На первом этапе (в течение 1996 г.) предусматривалось создание базовых условий: формирование системы государственного контроля за деятельностью местного самоуправления, формирование финансовых ресурсов местного самоуправления, муниципальной собственности, средств для формирования системы местного самоуправления, правовой основы, разграничение финансовых и материальных средств между федеральными и муниципальными органами, подготовке кадров. Второй этап (1997 – 98 гг.) связан с реальным становлением системы местного самоуправления (Федеральная Программа государственной поддержки местного самоуправления от 27 декабря 1995 г.).

Для того чтобы система управления была приближена к мировым стандартам, органы местного самоуправления изменили свои номинации, частично вернувшись к дореволюционным.

Особое внимание привлекает к себе термин «губернатор», несмотря на то, что субъектами Российской Федерации остались, как и при социалистическом строе, области, а не губернии.

Губернатор – должностное лицо, управляющее губернией в Российской империи (термин взят из шведской административной терминологии). Губернатором впервые был назван архангельский воевода в 1694 г. С 1708 г., с введением губерний, термин губернатор стал всеобщим. После Февральской революции губернаторская должность была упразднена. Губернаторов сменили комиссары Временного правительства. В 1990 – х годах в некоторых субъектах РФ высшие лица исполнительной власти вновь принимают звания губернатора. («Федерализм», 1997, с. 62).

Данный термин, функционируя в политической коммуникации, приобретает различную коннотативную окраску, независимо от времени его употребления.

Н.М. Карамзин в начале XIX в. дал общую характеристику губернаторскому правлению: «Россия состоит не из Петербурга и не из Москвы, а из 50 или более частей, называемых губерниями; если там пойдут дела как должно, если вы найдете в России 50 мужей умных, добросовестных, которые ревностно станут блюсти вверенное каждому из них благо полумиллиона россиян, обуздают хищное корыстолюбие нижних чиновников и господ жестоких, восстановят правосудие, успокоят земледельцев, ободрят купечество и промышленность, сохранят пользу казны и народа. Если губернаторы не умеют или не хотят делать того, виною худое избрание лиц; если не имеют способа, виною худое образование губернских властей. Каковы ныне большей частию губернаторы? Люди без способностей и дают всякою неправдою наживаться секретарям своим или без совести и сами наживаются. Не выезжая из Москвы, мы знаем, что такой-то губернии начальник – глупец, и весьма давно! А такой-то грабитель, и весьма давно!.. Всякая губерния есть Россия в малом виде; мы хотим, чтобы государство управлялось единою, а каждая из частей оного – разными властями». Карамзин как писатель, журналист и историк считает, что избирать на этот пост следует только достойных людей, тогда можно будет «возвысить сан губернаторский всеобщим уважением» (Карамзин. О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях, 1811 «Государство Российское: власть и общество», 1996, с. 271).

Следует отметить, что деятельность архангельских губернаторов в XIX-ом, начале XX вв. носила прогрессивный характер, и на этот пост попадали «достойные люди». Большое внимание они уделяли развитию российской провинции. Так князь Сергей Павлович Гагарин, которому на момент назначения на должность было всего лишь 21 год, до назначения на пост губернатора работал совещательным членом при Министерстве внутренних дел, вступив в должность, активно и ответственно занимался порученной работой. Он изучил положение дел в северном крае, разобрался во многих хозяйственных проблемах и предложил столичным чиновникам пути их решения. В 1868 г. была издана написанная им книга «Северные окраины России. Губерния Архангельская». В этом исследовании автор описал историю губернии, отразил данные о территории, промышленности и торговой деятельности, указал на необходимость строительства железной дороги, заселения северо-западной части Мурманского берега,

учреждения пароходства между Архангельском и Норвегией. В одном из номеров французская газета «Le NORD» очень положительно отзывалась о книге Гагарина, отметив, что губернатор – грамотный человек, патриот, ему удалось приподнять занавес, с помощью которого Россия скрывала действительность от иностранцев. Другой губернатор – Александр Платонович Энгельгард был автором нескольких книг, в том числе «Русский Север» (1897). В своей работе на посту губернатора Архангельской губернии он находил реальные пути решения многих экономических и социальных проблем, заслуженно пользовался уважением сограждан, отличался глубиной и широтой взглядов, был почетным гражданином г. Архангельска, уйдя в отставку, оставался почетным членом статистического комитета Архангельской губернии (по материалам книги М.В. Буторина «Архангельская статистика: прошлое и настоящее», 2007).

От шведского заимствования «губернатор», «губерния» появилось русское однокоренное образование – губернский. Губерния – административно – территориальная единица Российской империи, центром которой был губернский город. Каждый город в губернии имел свой район – уезд, а с 1719 – 1775 гг. между ними существовало и среднее звено – провинция, введение которой объяснялось слишком большим числом уездов в губернии.

Например, пространство Архангельской губернии по второй реформе 1725 г. определялось в 78736839 десятин (около 850000 квадратных километров) земли. В ее состав входили восемь уездов (Архангельский, Холмогорский, Шенкурский, Пинежский, Мезенский, Онежский, Кемский, Кольский).

Если в основу петровских губерний лег географический принцип, то при Екатерине II учитывалось количество населения в губернии: «Дабы губерния, или наместничество, порядочно могла быть управляема, полагается в оной от трех до четырех сот тысяч душ». Губернская система Екатерины оказалась весьма прочной. Долговечными оказались и учреждения, созданные по реформе 1775 г., отличавшиеся довольно четким для своего времени разделением административно-полицейской, финансово-хозяйственной и судебной сфер.

Таблица 1

Органы государственного управления по второй реформе 1725г.

С Е Н А Т						
Ц Е Н Т Р						
ООбер-прокурор синода	ААдмиралтейская коллегия	ВВоенная коллегия	ШШтатс-контор коллегия	ККамер-коллегия	ВВотчинная коллегия	
В О Е В О Д А (Г У Б Е Р Н А Т О Р)						
П Р О В И Н Ц И Я						
Провинциальная канцелярия						
К О Н Т О Р Ы						
ККомиссара синода	ВВальдмейстерская	УУправлятеля дворцовых имений	РРекрутских дел	ТТрен-терья	ААканееир	ККрепостных дел
ЗЕМСКИЙ КОМИССАР				таможни		
ДИСТРИКТ (ОКРУГ)						
КАНЦЕЛЯРИЯ						
ППриказчики вотчины	Нижние комиссары	Лесные надзиратели		Посадские сходы		
	Старосты, сотские					

Таблица 2

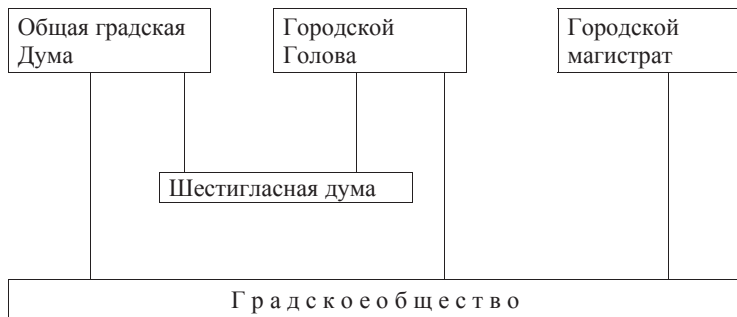
Система местного управления в губернии и уезде по реформе 1775г

В период либеральных реформ 1860-х гг. губернии стали высшими единицами не только местного государственного управления, но и общественного земского самоуправления.

Таблица 3

Система городского самоуправления
по «жалованной грамоте городам» 1785 года.

После Февральской революции власть в губерниях перешла к губернским комиссарам, губернский аппарат был в значительной степени сохранен, а радикальная его замена происходила уже в первые годы советской власти.

Пример использования относительного прилагательного «губернский» в начале двадцатых годов XX в.: «С далекой Северной окраины Советской России, с берегов Белого моря и Ледовитого океана, с красавицы Северной Двины, Ваги, Пинеги и Онеги Архангельская губернская конференция Российской Коммунистической партии, первая после освобождения Севера, шлет свой коммунистический привет» (Приветствие II – й Архангельской губернской конференции РКП(б) В.И. Ленину. 22 июня 1920 г.). «Дорогой Владимир Ильич! С величайшей радостью VIII губернский съезд Советов встретил известие о твоём выздоровлении. Эта радость трудящихся всей нашей губернии» (Приветствие VIII Архангельского губернского съезда Советов. 29 сентября 1922 г.).

С 1923 по 1929 годы губернии, уезды и волости были упразднены, а вместо них вводились области, края, округа и районы, значительно более крупные по размеру.

В качестве органов местного самоуправления после Октябрьской революции в России некоторое время существовали коммуны. Происходя от лат. *Communis* – общий, эта лексема имела международное употребление. В Западной Европе в средние века она обозначала городскую общину, добившуюся от феодалов определенного права независимости и самоуправления. В период Великой Французской революции 1789 г. – муниципальное самоуправление во Франции. В некоторых современных государствах – первичная (низовая) административно-территориальная единица самоуправления, имеющая определенные права при сборе налогов, формировании и использовании средств местных бюджетов. В первые годы советской власти – название некоторых национально-территориальных образований и сельскохозяйственных производственных кооперативов (с обобществлением земли, всех средств производства, уравнительным распределением). В 20 – 30-е гг. в нашей стране коммуны были преобразованы в колхозы. Лексема «коммуна» функционировала в русском языке в трех основных значениях: 1. Коллектив лиц, объединенный для совместной жизни на началах общественного имущества и труда. Трудовая коммуна. Детская коммуна. Сельскохозяйственная коммуна. 2. Летнее поселение, палаточный лагерь. 3. Коммунистическое общество, общественный строй, основанный на коммунистических началах (как идея или конечная цель коммунистического движения). («Толковый словарь. Язык совдепии», 1998, с. 225). Такая идеологическая насыщенность

данной лексемы не дает ей возможности функционировать в языке в настоящее время. К сожалению, слово коммуна не вернулось в русский язык в своем первоначальном значении.

В современных европейских языках, как, например, в шведском, норвежском, сохранились лексемы губернатор, губерния, коммуна как политические термины, обозначающие местные и региональные органы власти. В Уставе Норвежской ассоциации местных и региональных властей представлена следующая информация: «По состоянию на январь 1998 г. Норвегия была разделена на 19 губерний и 435 коммун, включая коммуны Осло, которая одновременно является и губернией. Как у губерний, так и у коммун есть свои выборные органы – советы. Губернии состоят из входящих в них коммун, и таким образом любая территория юридически и административно является частью как губернии, так и коммуны. Губернии и, в особенности, коммуны, отличаются друг от друга как по количеству жителей, так и по занимаемой площади» («Устав Норвежской ассоциации местных и региональных властей», с.2).

Коммуна – первичная (низовая) административно-территориальная единица самоуправления, имеющая определенные права при сборе налогов, формировании и использовании средств местных бюджетов. В Скандинавских странах (Швеции, Норвегии, Дании) местное управление организовано в сельские и городские коммуны. В городских и сельских коммунах население избирает городские и коммунальные собрания, которые оказывают помощь нуждающимся, проявляют особую заботу о детях и престарелых. Коммуны строят интернаты и оказывают помощь престарелым людям на дому. Они могут заниматься коммерческой деятельностью, например, покупать землю, а затем продавать ее под строительство домов или промышленных предприятий, управлять отелями и ресторанами, выделять средства на культурную и образовательную деятельность. Коммуны и губернии не ограничены в своей деятельности, они могут брать на себя любые функции, не запрещенные законом или не делегированные каким-либо специализированным учреждениям.

Для того чтобы система управления была приближена к мировым стандартам, органы управления в России изменили свои номинации, частично вернувшись к дореволюционным. В 1990-х гг. в некоторых субъектах РФ высшие лица исполнительной власти вновь принимают звания губернатора. Этот термин в актах Президента Российской

Федерации ориентировал субъекты РФ именно на данное наименование (подобные рекомендации содержатся в указах Президента 1991 – 1993 гг.). (Указ Президента РФ от 13 мая 2000 г.).

Инициатива региональных законодателей проявилась в желании вспомнить о губернаторстве и возродить наиболее традиционное наименование высшего должностного лица в Российской империи. Этот термин вошел в законодательную практику не сверху, а снизу и довольно быстро стал распространенным названием руководителя края, области и некоторых автономных округов.

Возрождение традиции имеет экстралингвистические причины. В статье «Институт губернаторства в истории современной России: некоторые общие и отличительные черты» авторы отмечают, что, кроме желания возродить историческую преемственность, возвращение к старинному названию обусловлено и другими мотивами. Во – первых, стремлением назначенных в первой половине 90 – х годов Президентом страны глав администраций краев и областей к расширению своих властных полномочий до уровня дореволюционных губернаторов. Во – вторых, распространением достаточно популярной в русских регионах страны идеи «губернизации» страны, то есть возвращение к дореволюционному административно – территориальному устройству России, исключающему деление территорий по национальному признаку (Лысенко В.Н. и Лысенко Л.М. 1998, с. 13).

Губернатор, староста, коллегия – эти лексемы, функционирующие в деловых документах XVIII – XIX вв., вновь вернулись в активное употребление в конце XX века, функционируя в ряду номинаций местного государственного управления: мэр, вице-мэр, департаменты, коллегии, отдел, комитет, управление, комиссия. Примечательно, что в этот ряд стремится вписаться еще одна забытая лексема – земство.

Сравнивая местное управление города Архангельска, установленное в XVIII веке (эти сведения удалось разыскать в Архангельском областном архиве, на основании чего была составлена таблица), с современной структурой управления (таб. 4), мы наблюдаем следующее. Пространственно-временные рамки вербализации политического управления характеризуются определенной последовательностью, континуальностью, взаимообусловленностью. Наименование органов исполнительной власти после революции претерпело значительные изменения, но, как видно из таблицы, многие номинации сохранились. Например, номинации облысполком, горисполком, райисполком в настоящее время

исчезли, но осталась номинация комитет, которая успешно функционировала в системе прежних управленческих наименований.

До 1917 г. слово «комитет» употреблялось в одном значении: выборный орган, руководящий какой-либо работой. Управление печатью и цензурой в период царствования Николая I осуществлял Секретный Комитет 1848 г., цель которого, по определению царя, «есть высший в нравственном и политическом отношении надзор за духом и направлением нашего книгопечатания» («Федерализм», 1997 с. 216).

После революции лексема комитет приобретает второе значение: орган государственного управления, осуществляющий определенные функции (от фр. *comite*, восходящего к латинскому *commitere* – поручать). В социалистической действительности наиболее частотным было употребление слова в первом значении – выборный партийный руководящий орган (губернский, уездный, районный, городской, областной, Центральный Комитет партии, комитет комсомола). Вторая часть сложносокращенных слов, являющихся номинациями властных структур, сохранила семантику одной из производящих основ: исполком, горком, райком.

В настоящее время только Кратологический словарь фиксирует данную лексему, указывая и широко комментируя новое значение: органы, создаваемые на определенный срок или для выполнения определенной задачи в соответствии с регламентами Государственной Думы и Совета Федерации. «В 1977г. в Совете Федерации действовало 11 комитетов, в Государственной Думе... 28 комитетов. В их числе Комитеты Государственной Думы по законодательству, судебно-правовой реформе, труду и социальной поддержке и др.» (Халипов В.Ф. Власть. Кратологический словарь, 1997, с. 177). К сожалению, словари не фиксируют еще одно значение: административный орган местного управления, но в таблице 4 представлено подобное употребление.

Лексема комитет активно функционирует за пределами России. Городские собрания во всех Скандинавских странах образуют свои исполнительные органы, которые именуются как исполнительные комитеты. В Швеции существуют комитеты по выборам, здравоохранению, социальному благосостоянию, образованию, культуре и т. д. В Дании и Норвегии функции исполнительных органов коммунальных собраний возлагаются на исполнительный (руководящий) комитет.

Советы и сектора в настоящее время представлены как коллегии, комиссии, департаменты.

Слово «комиссия» (лат. *commissio*, польск. *komisja*, фр. *commission*, нем. *commission*) существовало в русском языке уже в XVII в. См. в «Словаре русского языка XI – XVII вв.»: «Временное собрание лиц со специальными полномочиями. Мы гетман с войском Загородским имели от вас великих государей... повеление послати от себя особ на ту комиссию» (в. 7, с. 263). В «Словаре русского языка XVIII в.»: «Группа лиц, составляющая орган, назначаемый для рассмотрения, исполнения какого-либо дела. Учреждение комиссии о сочинении проекта нового Уложения» (в. 10, с. 119). В современном толковом словаре: «1) группа лиц или орган из группы лиц со специальными полномочиями при каком-либо учреждении, организации, а также учреждение специального назначения» (Ожегов, с. 264).

Номинация «коллегия» также существует в русском языке с XVII в. Читаем у Фасмера: «Коллегия – впервые у Ф. Прокоповича. Через польск. *kolegia* или прямо из лат. *Collegium*» (М. Фасмер «Этимологический словарь», т. 2, с. 292). В «Словаре русского языка XI – XVII вв.»: «Корпорация, профессиональное объединение» (в. 7, с. 242). Коллегии как «учреждения, ведавшие отдельными отраслями государственного управления в России» («Словарь русского языка XVIII в.», в. 10, с. 97) были введены Петром I (адмиралтейская, духовная, медицинская, коллегия иностранных дел и др.). Или в современном толковом словаре: «2) группа должностных лиц, образующих административный, совещательный или распорядительный орган» (Ожегов, с. 260).

Лексема «департамент» существовала в дореволюционной России в значении «отдел министерства, высшего правительственного учреждения». Слово появилось в России в XVIII в., то есть в Петровскую эпоху (от фр. *departement*). См. в бумагах Петра: «Как нашему Сенату и Синоду, так и тому Департаменту, в которой таковой челобитчик... принадлежит» (Словарь русского языка XVIII в., в. 6, с. 97).

В «Словаре современного русского литературного языка» и «Словаре русского языка» отмечено функционирование этого слова лишь в дореволюционной России и за рубежом. В «Словаре русского языка»: «1. В дореволюционной России и в некоторых буржуазных странах: отдел министерства, какого-либо высшего государственного или судебного учреждения... 2. В США и Швейцарии: министерство. 3. Административно-территориальный округ во Франции» («Словарь русского языка», т. 1, с. 215). В настоящее время термин департамент функционирует на уровне высшей власти и на уровне административного управления области.

Таблица 4

Графическая схема структуры мэрии г. архангельска 2006г.

мэр		Аппарат мэра города								
		отдел военной работы	правовая служба	администр.– правовая служба	кадровая служба	служба городского самоуправления				
Исполнительный совет мэрии				Вице-мэр города				Отдел вице-мэра		
ДЕПАРТАМЕНТЫ										
Финансов		Муниципального имущества			Городского хозяйства		Гуманитарной сферы		Социальной защиты	
КОЛЛЕГИИ										
финансовое управление	отдел призащиты	информационная палата	комитет ресурсов	комитет транспорта и ЖКХ	Комитет по торговле и услугам	финансово-экономический комитет	управление образования	отдел культуры	Отдел здравоохранения	финансово-экономический отдел

15 ноября 1991 года горсовет принял решение «Об утверждении структуры городской администрации – мэрии города Архангельска». Социологический опрос горожан в октябре 1994г. показал, что после роспуска горсовета оценка его работы оказалась несколько выше, чем работа городской мэрии – единой городской исполнительной власти («Правда Севера»).

Мэр (фр. – maire, лат. majōr.maire) – глава местной, городской, а в некоторых странах и сельской администрации или муниципалитета – выборного органа в системе местного самоуправления, получившего свое название от муниципия. Этот термин использовался в Древнем Риме

для обозначения италийских, а с III века и всех провинциальных городов империи, жители которых получали права римских граждан и самоуправления («Федерализм»). Как свидетельствуют СМИ, дебаты по поводу большого количества заимствованных слов привели к поискам русской замены слову мэ́р. Номинация, функционирующая до революции, «городская голова» или современное – глава «городской администрации» в настоящее время не приживается, каких-то иных альтернативных предложений не поступило, в результате лексема «мэр» была принята в качестве номинации местной городской власти. В толковых словарях советской эпохи зафиксировано как одна из номинаций зарубежных властных структур. Ср. В «Словаре русского языка»: «Мэр. Глава муниципалитета, муниципального управления в некоторых зарубежных странах» («Словарь русского языка», т. 2, с. 319). В «Словаре иностранных слов» слово «мэр» представлено как «глава муниципалитета в ряде стран, напр. в Англии, США, во Франции» (1989, с. 335). Вероятно, в связи с этим данная лексема фиксируется в Толковом словаре иноязычных слов – в более широком значении: «Глава городского управления в ряде стран (ср. бургомистр, префект)» (Крысин, 1998, с. 461).

Именно в таком аспекте дана дефиниция в «Политологическом словаре»: «высшее должностное лицо в муниципалитетах ряда государств. Мэр либо представляет муниципалитет, либо возглавляет муниципальную администрацию. Он отвечает за подготовку и исполнение муниципального бюджета, назначает лиц на муниципальные должности, направляет работу аппарата» (1994, с. 140 – 141). В словаре 1997г. «Федерализм»: «Глава местной городской, а в некоторых странах и сельской администрации или муниципалитета – выборного органа в системе местного самоуправления, получившего свое название от муниципия (лат. *municipium*)» («Федерализм», 1997, с. 142).

Мэр – термин, обозначающий высшее должностное лицо городского местного самоуправления, глава муниципального образования. По определению политологических словарей данный термин не может входить в систему исполнительной власти субъектов Российской Федерации, но в некоторых городах мэр возглавляет и сам субъект РФ. Например, в Москве. Мэр города Москвы непосредственно или через органы городской администрации решает вопросы социально – экономической жизни города, осуществляет управление городским хозяйством, выполняет другие исполнительно – распорядительные функции.

В различных субъектах РФ номинация мэра, то есть функции должностного лица, понимаются по – разному, а иногда смешиваются с функциями главы администрации. Данные термины входят в одно семантическое поле, что вызывает трудности их интерпретации.

Аналог данной лексеме, безусловно, существовал в русском языке, это слова воевода, городская голова, градоправитель, но они попали в разряд пассивной лексики, существовавшей до революции 1917 г., и не вошли в активное употребление.

Однако в современных текстах представлены синонимы лексеме мэра: градоначальник, городская голова, воевода. Репрезентация синтагматических связей выполняет оценочную и экспрессивно-эмоциональную функции, обращая внимание реципиента на фоновый смысл значения, когда историзмы отождествляются с безграничной, вседозволенной властью.

«Третьего дня, после двухсуточных безуспешных бдений у дверей мэрии, корреспондент «Комсомолки» наконец-то имел честь вступить в словесный контакт с градоначальником Иванова Троеглазовым. Наш мэр в присутствии двух свидетелей прямо мне заявил: «У меня всего четыре года, дайте же вы мне спокойно поворовать», – рассказывал корреспонденту начальник УВД Ивановской области генерал-майор Г. Панин... Воля ваша, я с трудом представляю, как можно сказать о себе самом: «Всенародно любимый глава города Иванова»... Да и вообще – как у мэра его мэрский язык повернулся сказать такое... Мы смотрим на галерею фотографий с изображением ивановского градоначальника. Фотографии подобраны, очевидно, не без цели. Они тотчас же должны обратить внимание на значимость местного воеводы. Перед восшествием на престол ивановский воевода, разумеется, наворачивал доверчивым избирателям все, что полагается. На митингах вполне серьезно обещал... Нынешнего градоначальника горожане называют «мэром городских рынков» (именно они дают самые быстрые миллиарды в личные карманы)... Не живут пока ивановцы, вопреки мэским обещаниям, на земле, текущей млеком и медом» («Комсомольская правда»).

Если мы сравним материал, представленный в таблице № 4 с номинациями административной власти Ненецкого автономного округа, то не найдем здесь примет нового времени – современных заимствований. Управленческий аппарат именуется следующим образом: глава администрации округа, заместитель главы администрации, председатель, управления, комитеты, отделы. Различия в терминологических репре-

зентациях административного аппарата объясняются, на наш взгляд, тем, что социально-коммуникативная система небольшого округа, расположенного далеко от центра, не претерпела серьезных изменений, осталась стабильной, привычной и в постперестроечное время. Кроме того, большую роль оказал и социальный фактор – наличие ненецкого населения, которое имеет свой язык, свою письменность.

Уставы краев и областей по-разному интерпретируют старые и новые наименования, так как федеральное законодательство не дает определенных указаний по этому вопросу. Так, термин «глава администрации» получил широкое распространение в нормативных актах президента РФ и ориентировал именно на такое наименование глав исполнительной власти субъектов Федерации. Но следует учесть, что языковая политика не проводилась достаточно последовательно, указы 1991-1993 гг., относящиеся к построению региональной исполнительной власти, носили рекомендательный характер и допускали вариации. В результате в 90-е гг. впервые руководитель Нижегородской области Б. Е. Немцов стал называться губернатором, а термин получил широкое распространение в качестве номинации руководителя края, области и автономных округов. В Красноярском, Приморском краях, в Иркутской, Кировской, Ленинградской, Пермской, Самарской, Свердловской, Тульской Тюменской областях, Ямало-Ненецком автономном округе и ряде других регионов термин «губернатор» был закреплен в уставах субъектов РФ, о чем свидетельствует официальное законодательство (Лысенко В. Н., Лысенко Л. М., 1998, с. 13). Но очевидно, что термин «губернатор» закреплен не во всех уставах субъектов Федерации. Во многих регионах сохранилось традиционное современное наименование «глава администрации» или его варианты.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА

Модернизация политических отношений, демократизация российского общества привели к изменению картины мира, внесли коррективы в сознание индивида путем обновления терминов государственного управления, пополняя их ряды за счет расширения значений уже устоявшихся в узуальном употреблении лексем, возвращением политических терминов, функционирующих в русском языке до 1917 г., широким спектром заимствований.

1. Регулярным способом пополнения любой терминологической системы являются заимствования, в области политической лексики около 50% слов являются заимствованными.

Политика формируется в рамках определенной идеологии, поэтому переход на новую систему экономических отношений, тесная взаимосвязь экономики с политикой, смена идеологических установок привели Россию к сближению с европейскими странами, а формирование новых политических структур и номинации государственного управления обусловили координацию с политическими структурами и номинациями, характерными для других стран с системой демократического правления. Заимствования появляются не изолированно, а входят в русский язык микросистемами. Так, мы можем наблюдать систему заимствований, сложившуюся в политической лексике, в частности, в области политического управления, политической власти.

Если искать аналогии с другими зарубежными странами, то несложно определить, что многие термины государственного управления заимствованы из Конституции США. Конституционализм, приближенный к мировым стандартам, стал одной из «национальных идей» нашего времени. В истории Америки Конституция 1776 г. закрепила такие номинативы, как президент – глава исполнительной власти в стране, губернатор – в штате, городское самоуправление осуществляется муниципалитетом во главе с мэром. Первое министерство в правительстве США было создано в 1789 г. и названо Department of Foraging Affairs, а позднее переименовано в Department of State. Еще одним способом пополнения общественно-политической лексики в США явились префиксальные образования (ex-Senator, vice-President). По мере усложнения политической системы появились такие лексемы, как наименование процедуры вступления президента в должность (inauguration) – инаугурация, а затем (impeachment) импичмент.

В 90-е гг. XX в. все эти лексемы появились в русском языке, нашли место в словаре, обозначая наряду с явлениями зарубежных стран политические реалии российской жизни. Ср.: импичмент «в ряде буржуазных стран (Англия, США, и др.) – процедура привлечения к суду парламента высших должностных лиц государства» (Словарь иностранных слов, 1982, с. 190); «законодательно установленный в ряде стран... порядок привлечения высших должностных лиц государства, в т. ч. и президента, к ответственности за нарушение конституции и со-

вершение преступления. По Конституции РФ Президент может быть отрешен от должности Советом Федерации только на основании выдвинутого Государственной Думой обвинения в государственной измене или совершении иного тяжкого преступления» («Политологический словарь», 1994, т. 2, с. 89).

Новые слова в конце прошлого века нашли широкое употребление в газетных текстах. Например: «Б. Ельцину в очередной раз готовили импичмент, и митинг у Кремля собирался в его поддержку» («Коммерсант daily»). «Коммунисты лоббировали свои интересы и выразили вотум недоверия правительству» («Смена»).

Любопытны высказывания Е.Т. Гайдара, анализирующего период перестройки в нашей стране: «В 1986 – 1987 гг. идет интенсивная борьба за снятие идеологических табу, обсуждение новых тем, введение в открытый оборот запретных терминов»; «Все мы остро испытываем чувство открывшейся свободы, простора для научных исследований, для реального изучения процессов, происходящих в экономике. Можно отказаться от эвфемизмов и недоговоренностей, описывать протекающие процессы принятыми в мировой экономической литературе терминами»; «На страницах «Коммуниста» появились ранее немыслимые применительно к социализму термины...» (Гайдар, 1996, с. 44, 43, 47).

Появление новых терминов в языке было вызвано необходимостью новой политической коммуникации: языковые новации были неизбежны, так как они открыли потенциальные возможности коммуникации на новом уровне политико-экономических отношений и связаны со вступлением России в активную жизнь мирового сообщества. Они заполнили лакуны, связанные с политическим, государственным устройством по демократической модели. Большинство номинаций государственной власти, вошедших в русский язык в 90-е годы XX в., несут интернациональный характер. Как отмечают авторы «Политологического словаря», 82% общественно-политических терминов иноязычного происхождения являются интернациональными. Например: мэр – «фр. *maire*, англ. *Mayor* от лат. *Majior* большой, старший». Муниципалитет – «фр. *municipalite*, нем. *munizipalitat* от лат. *Municipium* самоуправляющаяся община». («Политологический словарь», 1995, с. 3).

Исследуя свойства политической системы, М.Н. Грачев приходит к выводу о том, что «указанная целостность, во-первых, обусловливается особым способом связи элементов, при котором «внутренние» взаимо-

действия имеют преобладающий характер и предопределяют «внешние», и, во-вторых, проявляются именно в неразрывном единстве и взаимодействиях данного целостного множества элементов с окружающей его социальной средой» (с. 4).

Так, признается, что двумя основными причинами появления массовых партий следует считать введение всеобщего избирательного права и организационное развитие рабочего класса. Первая массовая партия появилась в Англии в 1863 г. Странники партии, голосующие за ее кандидатов на выборах в государственные органы, образуют ее электорат (от англ. *elector*, фр. *electeur* – избиратель). Система терминов, связанная с выборами, электорат, референдум, плюрализм и др., вошли в русский язык в демократический период нашей истории в связи с утверждением многопартийности. Так в «Кратком толковом словаре заимствованных слов», составленном М.Б. Елисеевой: «Брифинг – встреча официальных лиц с журналистами»; «импичмент – объявление парламентом недоверия президенту»; «инаугурация – торжественное вступление в должность президента»; «консенсус – согласие по спорному вопросу»; «мораторий – отсрочка исполнения государственных обязательств»; «плюрализм – множественность, многообразие мнений, взглядов, один из фундаментальных принципов устройства правового общества» и др.

В то же время немалое число аналитиков склонны считать, что сегодня государственность в России все еще носит переходный характер, а ее модель, закрепленная в Конституции, не идеал. С этим утверждением следует согласиться.

Процесс переходности нашел отражение в языке и выразился в семантических тенденциях избыточности, которая идет за счет пополнения языка политики новыми заимствованиями и расширения значения давно устоявшихся лексем, широком спектре стилистической вариативности (от высокого, патетического стиля до низкого: просторечного, жаргонного).

В.Г. Костомаров отметил важную тенденцию языковой коммуникации: «Языковая система лежит в основе речевой деятельности. Она детерминирует норму, языковое чутье, вкус и даже речевую моду, хотя эти категории во многом определяются также и экстралингвистическими факторами, внеязыковой действительностью, психологической установкой, воспитанием. В то же время эта система как первооснова сама испытывает воздействия всех этих категорий... Разумеется,

взаимосвязь ее и их неравноценна... но именно вторая приводит к тому, что, как заметил Е.Замятин в статье «О языке», «каждой среде, эпохе, нации присущ свой строй языка, свой синтаксис, свой характер мышления, ход мыслей» (1994, с. 217).

Вызывает законное беспокойство большое количество новых слов, употребляемых в средствах массовой информации, которые непонятны основной массе населения нашей страны. Отказ от прошлого в период перестройки привел к тому, что в результате на базе развития новых отношений, ориентированных на западные технологии и политику, в русском языке появилось большое количество заимствованных слов, относящихся к различным сферам жизни, которые пополняют и ядро, и периферию политического языка.

Но не все этимоны одинаково адаптируются в языке, о чем свидетельствуют деривационные образования (губернатор – губернаторский, президент – президентский), однако встречаются лишь единичные примеры функционирования относительного прилагательного мэрский. Например: «Сейчас же, после скандала после победы Климентьева на мэрских выборах, он вовсе стал героем в глазах народа» («Комсомольская правда»). Возможно, это относительное прилагательное употреблено с отрицательной коннотацией по фонетической ассоциации с прилагательным мерзкий, так как во вступлении к статье автор дает следующее объяснение: «1 апреля нижегородцам было явно не до смеха. Именно в этот день городская избирательная комиссия признала недействительными итоги прошедших 29 марта выборов мэра... победил 44-летний А. Климентьев, бывший уголовник по кличке Прыщ, едва ли не самый крутой бизнесмен в Нижнем».

2. Как уже отмечалось, в современную политическую терминологию вернулись номинации управления, функционирующие в русском языке до 1917 г. Довольно частотными стали лексемы «Дума», «губернатор». В активное функционирование вовлекается лексема «земство». Из арсенала давно забытых слов в номинации власти вошли такие лексемы, как «староста» и «казначей». Например: «Примерное положение о старосте и казначее сельского поселения. Староста и казначей сельского поселения являются выборным органом территориального общественного самоуправления, руководствуются в своей деятельности Конституцией, Законами РФ, указами Президента РФ».

Вновь вошла в употребление лексема «чиновник» без отрицательной коннотации. Из «Словаря» С.И. Ожегова: «1. В буржуазных стра-

нах и в России до революции: государственный служащий, имеющий чин, служебное звание. 2. Перен. Тот, кто ведет свою работу с холодным равнодушием, без интереса, бюрократически». Кроме того, в «Словаре» представлено множество дериватов с пейоративной оценкой, указывающие на узуальное употребление слова: «чинуша (презр.), то же самое, что чиновник (во 2 знач.), «чинодрал (разг. презр.) бюрократ, формалист» (с. 812).

Слово «карьера» в 90-е годы в узуальном употреблении закреплено с положительной аксиосемой, хотя к этой лексеме при социализме узуально утвердилось негативное отношение (ср. дериваты карьеризм, карьерист), несмотря на то, что в «Словаре» представлено как «1. Род занятий, профессия (устар.) Артистическая карьера. 2. Путь к успехам, видному положению в обществе, на служебном поприще, а также самое достижение такого положения. Блестящая карьера» (с. 247). В современном употреблении можно вести речь о развитии значения. Политологи проводят аналогии с западными странами, где слово имеет позитивную окраску.

В «Кратологическом словаре» Халипова дается следующее толкование: «career, от итал. *carriera* – бег, жизненный путь, поприще) – 1) достижение известности, выгоды, славы; 2) продвижение во властной, политической и иных сферах деятельности; 3) обозначение рода занятий, профессии. Карьера политика» (с. 168).

Подобных примеров возвращения лексем довольно много, следовательно, этот процесс может иметь развитие в современном русском языке.

3. Традиционно терминологическая система пополняется за счет конкретизации, сужения значения лексемы. Этот процесс отмечен и в современных лингвистических исследованиях, однако в настоящее время в политическом языке наблюдается тенденция деактуализации путем расширения значения термина.

Представляет интерес такой пример. На пленарном заседании международной конференции «Баренцев регион: сотрудничество в сфере образования и научных исследований» (Архангельск, 2005 г.) выступил бывший министр иностранных дел Норвегии Йохен Йорген Холст. Он представил доклад, где подчеркнул, что слово «государство» в русском языке имеет иной смысл, чем в норвежском (*staten*) и в западноевропейских языках. Действительно в русском языке в послереволюционный период в нашей стране, при социализме, в узуальном

употреблении лексема «государство» традиционно обозначала власть и силу, стоящую над гражданином. В европейском понимании данного слова наблюдается значение: общественный договор, равноправные отношения между гражданином и властью. Демократическая политика в России расширяет прежнее значение, приближая его к западноевропейскому варианту.

Привлекает внимание и ретроспекция лексемы «администрация». Данное заимствование функционировало в русском языке в доперестроечный период в значении «руководящий орган учреждения, предприятия, организации», а также «должностные лица, ведающие управлением учреждения, предприятия» (БАС, т. 1, с. 250). Позднее словари отмечают значение: «орган исполнительной власти, управления», однако как официальный термин политического управления лексема нигде не фиксировалась, так как существовали строго определенные номинации: облисполком, горисполком, райисполком. В настоящее время значение слова расширяется и приближается к интернациональному его использованию: «управление государством», «правительство». На смену бывшим исполкомам пришли новые номинации исполнительных органов: краевая администрация, областная администрация, администрация автономной области, автономного округа, города. Например, «администрациям краев и областей дано указание в кратчайшие сроки подготовить перечень мер по социальным гарантиям депутатов» (Из обращения президента РФ к гражданам России, октябрь, 1993 г.). Подобный процесс происходит и с лексемами «аппарат», «директор».

Следует особо остановиться на расширении значения термина «бюрократия». Это сложное социальное явление было исследовано в начале XX века М. Вебером. В его концепции сущностный характер бюрократии приобретает позитивное значение: она является важным элементом социального регулирования, важной формой осуществления властных функций в обществе.

До 90 – х гг. XX века в нашей стране было закреплено негативное представление об этом явлении. «Словарь иностранных слов» эксплицирует данную лексему с пейоративной оценочной коннотацией, свойственной марксистской трактовке этого явления: «(фр. bureau бюро, канцелярия + греч. kratos власть, господство, букв. господство канцелярии) – 1) слой высших чиновников, высшая чиновничья администрация в феодально-абсолютистском и капиталистическом

государстве; 2) то же, что бюрократизм» (с. 94). Бюрократизм – «1) система политического, экономического и социального управления, основанная на отрыве центров исполнительной власти от воли членов общества; в условиях эксплуататорского государства осуществляется посредством разветвленной сети чиновников, полицейского аппарата и администрации; бюрократические методы управления характеризуются произволом и волюнтаризмом. В социалистическом обществе проявления бюрократизма – вредный пережиток капитализма, искореняемый с помощью критики, самокритики и неуклонного осуществления принципов демократического централизма; 2) канцелярищина, волокита, пренебрежение к существу дела ради соблюдения формальностей».

Однако идея Маркса о том, что бюрократия представляет интересы господствующего класса, не отражает всей полноты значения данного термина. В настоящее время в русском языке термин расширил свое значение. Кроме негативной оценки значения, зафиксированного в словарях советской эпохи, он репрезентирует теперь и веберовское представление о данном референте. Такую информацию дает «Кратологический словарь»: «в позитивном смысле – тип организации, для которой характерны специализированное распределение труда, четкая управленческая иерархия, наличие правил и стандартов, показатели оценки работы, основывающихся на компетенции работника» («Власть. Кратологический словарь». 1997, с. 55).

В настоящее время данная лексема функционирует и с положительной, и с отрицательной коннотацией. Ср.: «Нужно на деле научить народ отличать демократов от демагогов, бюрократов – от честных и толковых администраторов» («Комсомольская правда»). «Конечно, вопрос ставится не только о материальном положении и социальной защите государственных служащих, а гораздо шире – о подготовке и формировании системы бюрократического аппарата: отборе наиболее талантливых и ответственных людей, повышении их квалификации, организации конкурсов при назначении их на службу» («Комсомольская правда»). «Для предотвращения такого (негативного – О.В.) исхода дела необходимо создать формализованную, бюрократическую в хорошем смысле слова систему управления с учетом именно отечественного опыта государственного строительства» («АИФ»).

4. Необходимо отметить сохранение в языке номинаций власти советского периода. Они прочно утвердились в политическом тезаурусе

и продолжают активно функционировать, сохраняя или расширяя свое значение. Так укоренились лексемы «отдел», «комитет», «комиссия».

Сохранились и такие номинации глав властных структур, как «председатель» и «генеральный директор», однако если до перестройки директором называли главу промышленного предприятия или производственной структуры, то в настоящее время можно наблюдать расширение значения слова, обозначающего данное лицо. Старая лексема функционирует как термин нового государственно-политического аппарата управления.

5. Парадигматические связи в системе политического управления прослеживаются довольно четко. Во-первых, референциальная система политического управления в государстве как в синхроническом, так и в диахроническом аспектах характеризуются дублетностью на разных уровнях локализации (федеративный, областной, городской, местный). Материалы средств массовой информации, Конституция, законы и указы подтверждают это. Так, руководитель областной администрации именуется губернатором, главой администрации области, председателем областного правительства, соответствующими лексемами именуется и его заместители.

Терминам государственного устройства свойственна синонимия, отличающаяся отношениями равнозначности (Конституция – основной закон, референдум – всенародное голосование, демократия – народовластие). Действительно, политическая терминология государственной исполнительной власти отличается вариативностью, но приведенные примеры дублетов свидетельствуют не только о воздействии экстралингвистических факторов в период становления новой политической системы, на что указывал А.М. Селищев.

Рассматривая изменения семантического поля «политика» в наши дни, то есть анализируя материал, необходимо исходить из лингвистических предпосылок изменений. Гиперо-гипонимические отношения принадлежат к самым фундаментальным типам парадигматических связей. Сетка родовидовых отношений определяет место политемы в изучаемой системе и дает возможность прогнозировать их появление на разных уровнях локализации и функционирование в тексте. Для понимания их лингвистической природы необходимо установить соотношение реалем и их вербальных номинаций. Наиболее продуктивные гипонимы представлены на разных уровнях локализации исполнительной власти (правительство России, правительство области,

города и т. д.). Правительство, команда, коллегия, комиссия – эти номинации закрепляют в сознании индивида гиперсемью «власть», «государство».

Но нельзя не остановиться еще на одной проблеме, связанной с функционированием данных терминов. В аналитических обзорах политических изданий в конце XX начале XXI в эксперты – политологи обращали внимание на децентрализацию государственной власти в России. По свидетельству С.А. Лебедева, к 1997 г. завершилось формирование региональных элит, которые становились более самостоятельными. В некоторых республиках наметилась сепаратистская тенденция, проявляющаяся в том, что складывались собственные политические и даже правовые режимы, причем иногда далеко не демократические. Этот факт отмечают и зарубежные обозреватели. В частности, К. Педерсен указывал на то, что поле разногласий между федеральным и региональным правительствами довольно обширное: это безопасность, доступ к интернациональным фондам, суверенитет на использование природных ресурсов и др.

Очевидно, номинации губернатор, глава местного правительства, глава администрации в одном контексте в определенное время могут выражать не только синонимические, но и антонимические отношения: губернатор – носитель государственной власти, глава местного управления – подчиненный верховной власти, носитель местной власти.

Возрождение традиций и обращение к дореволюционной терминологии имеет свою политическую подоплеку. По свидетельству правоведов, кроме желания возродить историческую преемственность, вернуться к старинному названию обусловило стремление назначенных в первой половине 90-х гг. глав администраций к расширению своих властных полномочий до уровня дореволюционных губернаторов (Лысенко, 1998, с. 13).

Таким образом, в номинациях государственного устройства много вариантов и дублетов, поскольку наблюдается активный процесс отбора и закрепления новых, старых, русских и иноязычных лексем, что характерно для любого переходного периода в истории общества. Л.Л. Кутина назвала этот этап «периодом терминологической пестроты», за которым последует систематизация, стандартизация и упорядоченность терминологии государственного управления.

АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ И ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИИ ПОЛИТЕМ

Ценностная ориентация политического субъекта, индивида, социума (конкретного или обобщенного) обусловлена деятельностью субъектов власти и отношением к ним. Деонтологическая рамка представляет несколько типовых ситуаций: 1) отношение к государственной власти в целом; 2) отношение к президенту; 3) правительству; 4) Думе; 5) отдельным лидерам, партиям и блокам; 6) региональному управлению. В то же время следует вести речь и об отношении субъекта власти к социуму. Однако тексты газет и журналов, ТВ и радио традиционно представляют первую точку зрения, вторая же может быть выявлена лишь на базе мемуарной литературы, книг и официальных документов.

Тем не менее, прагматический аспект – один из самых важных в исследовании семантической структуры слова в политическом дискурсе. В текстах политической приуроченности имеются вербальные указатели на соотношенность маркированного знака с теми или иными параметрами прагматической ситуации.

Под прагматической ситуацией здесь следует понимать воздействие информации на психику адресата, стремление вызвать определенную поведенческую реакцию. Исследования показали, что политический дискурс выполняет вполне определенные прагматические задачи: привлечение внимания, дискредитация оппонентов, утверждение собственных прогрессивных взглядов и т. п.

Под прагматическим аспектом в работе понимается отношение субъекта речи к действительности, к содержанию сообщения, к адресату (о чем писали Ю.Д. Апресян, М.В. Никитин, И.А. Стернин).

С прагматическим аспектом исследования связано изучение эмоционального, экспрессивного и оценочного компонентов значения в семантической структуре слова. Политический дискурс репрезентирует социальную оценку событий с позиций узусуальных ценностей, партийных, личностных интересов индивида. В политической коммуникации оценочность играет ведущую роль и осуществляется на уровне абсолютной рациональной оценки, критерии которой определяются идеологической позицией субъекта речи. В.И. Говердовский пишет: «Лексикология не рассматривает категории памяти, воли, но рассматривает категорию чувства, выраженную в слове. (При этом оказывается, что категория чувства так или иначе представлена в любом слове.) Кате-

гория мысли оказывается различной на понятийный и оценочный момент. Оценочный момент, таким образом, есть познавательная категория психики, часть мысли, противопоставленная другой части мысли – понятийному мышлению. Из этого следует, что оценочное значение, выделенное лингвистикой в слове, представляет собой не понятийное мышление, а именно категории восприятия и представления, взятые вместе».

Оценка в лингвистике рассматривается как семантическая категория, выражающая, по определению В.Н. Телии, «отношение, связь, устанавливаемую между целостной ориентацией говорящего / слушающего и обозначаемой реалией (точнее – каким-либо свойством или аспектом этой реалии), оцениваемой положительно или отрицательно по какому-либо основанию (эмоциональному, этическому, утилитарному) в соответствии со стандартом бытия вещей или положению дел в некоторой картине мира, лежащей в основании оценки».

Руководствуясь идеей, высказанной А.А. Ивиным, А. Ортони, Дж. Клоуром, А. Коллинзом и др., о том, что на когнитивном уровне оценка базируется на трех компонентах: норме, вкусах и целях человека, можно установить некоторые соответствия между типом оценки и ее лексико-семантическим наполнением.

Политический дискурс позволяет выделить основные модели, репрезентирующие типовую оценку деятельности президента и правительства отдельными партиями. Предвыборная кампания представила богатые материалы политической борьбы фракций, партий и блоков, где обозначена типовая узусальная норма социальных ценностей – повышение благосостояния и уровня жизни народа. «Вкус» в политическом дискурсе – методы достижения цели. Цели – идеология.

Коммунистическая партия провозгласила цель всеобщего равенства трудового народа, общенародную собственность, независимость и единство России. Методы – отрешение президента от власти, недоверие демократическому правительству реформаторов.

Цели ЛДПР: высокоразвитое социальное государство с разными формами собственности, защита национальных интересов. Методы – отрицание существующего правления, целей радикал-демократов (партии Гайдара, Чубайса), провозглашение национальной независимости, патриотизма.

Цели НДР: развитие рыночной экономики, рост доходов, формирование среднего класса. Методы – проведение рыночных реформ,

поддержка правительства (Программные документы избирательных объединений России).

Выделяются следующие основные конститuentы, связанные с оценочным компонентом значения: субъект речи, объект речи и норма, в соответствии с которой производится оценка.

Субъект речи репродуцирует взгляды отдельной группы или представляет собственную, индивидуальную позицию в своих вербальных политических манифестациях, от него зависит вид оценочного отношения (рациональный, эмоциональный), выбор объекта оценки и знак (положительный / отрицательный).

Объектом политической оценки может быть любое актуализируемое явление, относящееся к политической жизни, однако чаще всего это политический лидер, его идеология, позиция и деятельность, партия, блок и т. п. Основанием оценки является политическая (ценностная) позиция субъекта речи, которая дифференцируется с другими социально-политическими направлениями.

Понятие «политическая / идеологическая оценка» связано с системой ценностей, которая обуславливает позицию субъекта речи, она присутствует в сознании говорящего. Это отношение субъекта речи к его ценностной норме и есть то важное, что объективно выражается в языке. Норма же основана на системе общечеловеческих ценностей, ценностной системе субъекта речи и политических критериях тех социальных групп, с которыми субъект непосредственно соотносится. Если в доперестроечный период ценностное мировосприятие обособывалось лишь классовыми позициями и различиями, то в настоящее время следует выделять индивидуальные и групповые системы ценностей, характеризующие социально-политические позиции индивида.

Следовательно, политическая оценка является субъективно-объективной аксиологической категорией, при которой субъект, сравнивая объект с узальной илиokkaзиональной нормой, эксплицирует оценочный предикат. Оценочные семы при этом могут быть нейтральными (нулевыми), мелиоративными и пейоративными.

Кроме того, необходимо вести речь о политической (более широкой) и идеологической (более узкой) оценке. В семантическое поле рациональной политической оценки попадают термины экономики, права, культуры и многие другие, так как они являются актуализаторами узальной характеристики нормы, которая ассоциируется с правильным или неправильным курсом правительственных решений. Идео-

логическая оценка обусловлена идеями, целями и задачами отдельной политической партии, фракции, таким образом, идеологическая оценка становится структурным компонентом политической оценки.

Понятие «оценка» является предметом исследования философии, где определены такие виды оценок, как чувственные, эмоциональные, рациональные, логические. В отечественной лингвистике Н.Д. Арутюнова, В.Н. Телия, Н.А. Лукьянова, В.Н. Цоллер и др. разграничивают эмоциональную и рациональную оценки.

Под эмоциональной оценкой, как указывает Н.А. Лукьянова, понимается «мнение субъекта (индивидуального или обобщенного) о ценности некоторого объекта, которое проявляется не как логическое суждение, а как ощущение, чувство, эмоция говорящего» (1986, с. 45). В.Н. Цоллер в публикации 1998 г. уточняет: эмоциональная оценка представляет собой синтетическое образование: рациональная (логическая) оценка, пропущенная через сознание. Она относится к коннотативной информации, где выделяется три уровня сем: 1) на абстрактном уровне – сема эмоциональной оценки; 2) на конкретном уровне – положительный или отрицательный предикат; 3) на уровне речевого употребления каждый из этих вариантов представлен рядом аллосем. Под рациональной оценкой понимается денотативная аксиосема.

В современной лингвистике представлено множество классификаций типов оценки. Чаще они подразделяются на интеллектуально-логические, эмотивные, эмотивно-интеллектуальные. Интеллектуально-логическая оценка основана на логическом суждении об объективно присущих референту свойствах. Оценку эксплицируют словарные дефиниции, что свидетельствует о ее денотативной принадлежности, аксиосема реализуется в аллосемах «хорошо» – «плохо».

Типы политических оценок могут быть разграничены по сферам функционирования, по основаниям (социально – политическая, экономическая, правовая, этническая и др.), но в одном и том же тексте могут быть представлены разные типы оценок. Например, в интервью, данном В. Ишаевым, главой администрации Хабаровского края, журналу «Российская Федерация». Политическая оценка: «Должен быть сильный центр со своими правами, а мы, регионы, со своими. Но одинаковыми. Сколько прав нужно губернатору? Да ровно столько, чтобы выполнить обязанности перед гражданами и государством. Не больше». Политико-экономическая оценка: «Руслан Аушев пригрозил отделиться от России, если... Я сказал ему тогда: «Руслан, когда будешь выхо-

дить, скажи мне, я провожу». Дело в том, что 96% населения Ингушетии живет за счет российского бюджета. Куда отделяться? В небытие?» Идеологическая оценка: «Красным» я стал, вероятно, в 1993 году, когда предложил Ельцину уйти в отставку после расстрела Белого дома. Однако в период президентских выборов 1996 года мы в Хабаровске делали все для того, чтобы Ельцин победил. Зюганов мне симпатичен как человек, но за ним стоят такие люди, как Анпилов, Макашов, выступающие за диктатуру. Это не по мне». Политико-социальная оценка: «На территории Хабаровского края располагаются самый крупный в России Дальневосточный военный округ, пограничный округ, округ внутренних войск, группа войск МЧС, армия ВВС и ПВО... И что же получается? Я сегодня во многом отвечаю за то, чтобы солдата накормить, обогреть, перевезти на автобусе, поезде, самолете, а командует им министр обороны». Политико-этическая оценка: «Шаймиев – мудрый и грамотный руководитель. Но есть, есть тенденция к обособлению. На мой взгляд, лозунг Шаймиева: «Моя партия – Татарстан» возможен только в контексте с Россией».

По свидетельству С.С. Хидкель и Г.Т. Кошель: «интеллектуально-логическая оценка связана с понятийным ядром и входит таким образом в денотативный аспект значения. Эмоционально-интеллектуальная оценка пронизывает оба аспекта значения и неотделима ни от одного из них». Эмотивная оценка обусловлена эмоциями, которые вызывает объект оценивания. Эмотивный компонент вытесняет предметно-логический, который сопутствует его формированию. Однако следует согласиться с мнением Е.М. Вольф, утверждающей, что в естественном языке не может быть чисто эмоциональной оценки, так как «язык как таковой всегда предполагает рациональный аспект».

В политическом дискурсе редко встречаются тексты собственно информативного или собственно эмоционально-экспрессивного содержания.

Для примера приведем материалы совещания, которое прошло под председательством Е. Строева: «Слаженность действий ветвей центральной власти во многом определяется достижением согласия по двум позициям: выработка цельной концепции социально-экономического развития страны с преодолением ошибок, допущенных в процессе реформ, и вопросы федерализма. Пока в России создан лишь внешний каркас власти, не наполненный внутренней структурой. И первая же глубокая трещина способна развалить весь механизм управления стра-

ной. Чтобы противостоять этому, срочно требуется совершенствование системы государственного устройства. Каков же выход из сложившегося положения? Выработку общности позиций следует начинать с подготовки системы первоочередных мер, рассчитанных на развитие и укрепление нормативно-правовых основ Российской Федерации» («Российская Федерация»).

В тексте нет яркого оценочного модуса, не репрезентирована экспрессивность, однако нельзя отрицать наличие эмоциональной и рациональной оценок, рассчитанных на реакцию собеседников, на их согласие. Доказательством данных положений может служить наличие позитивной установки, выраженной в характеристике признаков: преодоление ошибок, слаженность действий, достижение согласия, совершенствование системы государственного устройства, выработка общности позиций, укрепление нормативно-правовых основ. Единственный аргумент с пейоративной коннотацией «глубокая трещина способна развалить механизм управления страной» перекрывает мелиоративная информация прогнозирующего типа, настраивающая на успех.

По способу представления оценочных сем в семантической структуре слова необходимо обратить внимание на классификацию Л.А. Новикова (2001, с. 51), где выделяются эвалюнтивы и имплекативы. Имплекатив – это общее название для лексических единиц, репрезентирующих различные виды имплицитной оценки: системно-языковая, узуальная квазиоценка, окказиональная. Сема оценочности закреплена узуально. Имплекативная оценка – это смыслы, несущие формально не выраженную в семантике языкового знака оценочную информацию. Эвалюнтивы – это лексические единицы, обладающие аксиологическим значением, узуально закрепленным в семантической структуре в виде эксплицитной семы оценочности и объективированные в словарной статье посредством лексикографических индикаторов оценочности.

Обычно в политических дебатах, политических выступлениях функционируют слова с узуальной оценочностью. Однако следует признать как тенденцию и употребление политиками окказиональных оценочных слов (например, «жирики» – о членах партии ЛДПР, «дермократы» – о демократах, «коммуняки» – о коммунистах и т. п.).

В качестве оценочных может выступать и безоценочная лексика, так как процесс создания оценки зависит от компонентной и комплексной семантики высказывания.

Положительная оценка представлена, как правило, в словосочетаниях: социальная справедливость, социальная защита, стабильность; государственная поддержка, регулирование (в значении надежности), государственная независимость; народное волеизъявление, единство, правительство народного доверия; гражданский мир; национальное единство, возрождение, поддержка, безопасность, накопление; межнациональное согласие; гарантии прав и свобод; эффективность госаппарата; патриотические силы; цивилизованное развитие страны; рост доходов, экономический рост; правовая защита, правовое регулирование, демократические реформы, демократические преобразования.

Отрицательная оценка представлена в словосочетаниях: социальная незащищенность, социальный конфликт, государственный протекционизм, переворот; политическая нестабильность; этнический конфликт, национальная рознь; спад производства, налоговое бремя, экономическая преступность, коммунистический догматизм, идеологические предрассудки, левацкие настроения, партии, взгляды.

Политический дискурс, политическая коммуникация — это явление, с которым мы сталкиваемся ежедневно. Основной темой и движущим мотивом этой сферы является борьба за власть. Как отмечает Е.И. Шейгал в своем исследовании «Семиотика политического дискурса»: «...поскольку сфера политического общения основана на борьбе за власть с помощью языка, язык используется «борцами» для ряда необычных для всех нас функций. Три основных функции политической коммуникации — это формулировка и разъяснение политической позиции (ориентация), поиск и сплочение сторонников (интеграция), борьба с противником (агональность)» (с. 149).

Все лингвисты, изучающие политическую коммуникацию, обращают внимание на ее ярко выраженную полемичность. Современное российское политическое общество представляет собой поле коммуникативных конфликтов, насильственного разрешения проблем. Политические споры, имеющие целью не столько нахождение истины, сколько воздействие на слушателей, часто приобретают враждебный, полемический характер, становятся, конфликтными диалогами. Политические противники равнодушно относятся к выяснению предмета спора, поэтому для них важно не убедить, а навязать оппоненту готовое решение проблемы. Они используют все способы отстаивания своей позиции, как логические, так и психологические, способствующие ослаблению позиции оппонента. Высшая цель политической полемики — удаление

ние противника с поля состязания, отсюда – воинственность, враждебность, презрение, уничтожение как формы отношения спорящих друг к другу, широкое использование оценочных языковых средств. Исследователи отмечают, что особую значимость в политическом дискурсе приобретает аффективно-оценочная составляющая, которая нередко подавляет собственно информационную сторону общения. Безусловно, политической коммуникации свойственны как положительные, так и отрицательные оценочные суждения. В последнее время анализ устных и письменных выступлений политиков показывает, что высказывания идейных оппонентов характеризуются остротой суждений, при этом количество отрицательных оценок возрастает.

Русский язык отражает нарастающие отношения враждебности, агрессивности между участниками общения, что проявляется в таких речевых действиях, как наклеивание ярлыков, обыгрывание имени объекта речевой агрессии, использование отталкивающих и дискредитирующих сравнений и ассоциаций и т.д. В работе Л.П. Крысина читаем: «В наши дни чрезвычайно высок уровень агрессивности в речевом поведении людей. Необыкновенно активизировался жанр речевой инвективы, использующий многообразные средства негативной оценки поведения и личности адресата – от экспрессивных слов и оборотов, находящихся в пределах литературного словоупотребления, до грубо просторечной и обценной лексики, все эти особенности современной устной и, отчасти, книжно-письменной речи – следствие негативных процессов, происходящих во внеязыковой действительности; они тесно связаны с общими деструктивными явлениями в области культуры и нравственности» (Крысин, 1996, с. 153)

В последнее время лингвисты обратились к изучению феномена вербальной агрессии в разных коммуникативных сферах. Исследования данного явления как формы речевого поведения ведутся в следующих направлениях:

– выявляются виды речевой агрессии: активная прямая, активная непрякая, пассивная прямая и пассивная непрякая, а также ступени речевой агрессии (Н.А. Купина). Установка на конфликт характеризует выбор поведения с активным воздействием на партнера по коммуникации, с доминированием роли говорящего, с нарушением коммуникативных норм, с использованием негативных средств речевого общения:

– изучаются коммуникативные конфликты и речевые стратегии в ситуации конфликта (Н.Д. Голев, О.С. Иссерс и др.);

– выявляются и описываются языковые средства, являющиеся маркерами агрессивного речевого поведения. К ним относится, например, явление дисфемизации – целенаправленное употребление грубых, стилистически сниженных слов и выражений, жаргонно-просторечных единиц для того, чтобы дискредитировать личность, сформировать неприязнь, отвращение, ненависть к определенному объекту (М.В. Горбаневский, Ю.А. Бельчиков, А.Р. Ратинов);

– исследуются современные дискурсы, в особенности прагматические, наиболее подверженные агрессивности. В политическом дискурсе знаки вербальной агрессии приобретают особую значимость (В.И. Жельвис, Е.И. Шейгал, и др.).

Политический дискурс неизбежно связан с теми или иными проявлениями агрессии, т.е. «агрессия, так же, как и оценочность, является неотъемлемой чертой политического дискурса» (Шейгал, 2004, с. 292). Интенция вербальной агрессии в политике направлена на ниспровержение оппонента, на понижение его статуса (суть ее – сказать нечто, что может ухудшить публичный имидж, повредить репутации). Однако если в бытовом, производственном, педагогическом, военном общении агрессор изначально обладает более высоким статусом, то в политическом дискурсе соперники обладают равным социальным статусом.

В классификации А.К. Михальской, виды речевой агрессии различаются по 3 основаниям:

- а) наличию / отсутствию определенного объекта агрессии;
- б) представленности / непредставленности объекта агрессии в данной речевой ситуации;
- в) конкретности / абстрактности объекта.

По первому параметру выделяется 2 вида агрессии – переходная и непереходная. Переходная агрессия направлена на все окружающее, рассеяна. Ее причина – общее недовольство жизнью, недоверие, ощущение угрозы, исходящей от общества. Речевая агрессия в профессиональном общении политиков всегда является переходной, так как используется осознанно, имеет четко выраженную стратегическую направленность.

Что касается второго параметра, то в политическом дискурсе агрессия чаще направлена на конкретную политическую фигуру, не представленную в данной ситуации общения (так называемая критика «за глаза»). Часто объект агрессии является абстрактным, выражается существительным, обозначающим политические партии, идеи, доктрины. Но

в таких речевых событиях, как парламентские теледебаты, вербальная агрессия направлена на объект, присутствующий в ситуации общения.

В работах В.И. Жельвиса и В.И. Шаховского было определено, что вербальная агрессия выполняет две основные психологические функции. Это катартическая функция: когда агрессия служит для высвобождения отрицательных эмоций, облегчения психологического стресса. Чтобы реализовать эту функцию психологической разрядки, в поле зрения адресанта необходимо присутствие объекта агрессии, его участие в коммуникации. Вторая функция вербальной агрессии — компенсаторная, суть которой заключается в том, что политики прибегают к агрессии, инвективе, когда им не хватает аргументов, в полемике преобладает голос эмоций, а мнение подменяется обвинением.

Речевые акты агрессии как демонстрация политической силы и намерения понизить статус оппонента не обязательно характеризуются наличием лексических инвектив. Интенция агрессии может быть выражена в тональности пренебрежения, иронии, грубости, презрения, категоричности и т. п.

Одной из самых распространенных политических оценок является так называемый «ярлык», который закрепляется в узусе за лидерами ведущих партий и выделяет типичные качества того или иного политика. Политические лидеры и государственные деятели предлагают свой неповторимый образ — шаблон, например, «учителя», «кумира», «вожака», «мэтра», «командира» и демонстрируют определенный тип мышления: «моралист», «прагматик», «игрок», «аналитик». Главное в облике политического лидера при создании ярлыка — символ. Авторы коллективной монографии «Культура парламентской речи» утверждают, что ярлык — это создание образа врага.

Будучи разновидностью лексической инвективы, ярлык отличается от других видов инвективных средств рядом признаков. Суть ярлыка — в его обвинительной направленности: он используется не столько для характеристики объекта и отнесения объекта к определенному классу, сколько для обвинения в опасных для общества свойствах. Важнейшие признаки ярлыка — идеологизированность, субъективность, предубежденность. Отрицательная оценка, которую несет в себе ярлык, не выясняет объективные свойства личности, а обозначает ее по признаку идеологической чуждости.

В основе техники приклеивания ярлыков лежит установление ассоциативных связей, часто по второстепенному признаку характери-

стики личности политика (черте характера, внешности, привычке). Он используется не столько для характеристики личности, сколько для обвинения в опасных для общества свойствах. Важнейшими признаками политических ярлыков являются идеологизированность, субъективность и предубежденность.

Например: «По словам самого Зюганова, ни у одного из лидеров парламентских партий не было такого обилия ярлыков, как у него. Горбачев называл его консерватором и реакционером. За то, что Зюганов в многочисленных записках предостерегал от действий, которые привели к последующим межнациональным конфликтам. Потом его стали называть национал-большевиком. За то, что отстаивал русскую национальную идею, как одну из высших духовных ценностей Российского государства. Недавно появился новый ярлык – социал-демократ. На том основании, что КПРФ, а значит и ее лидер, выступает за многоукладность экономики и многопартийность. В самом понятии «социал-демократ» Зюганов ничего плохого не видит, но категорически не приемлет по отношению к себе, поскольку программные цели социал-демократов и КПРФ, как уверяют коммунисты, заметно отличаются» (Российская Федерация).

Представляется, что реально положительной оценки не получает ни один политический лидер, так как острая обстановка борьбы за власть вызывает конкуренцию и резкие критические суждения со стороны оппонентов. Тем не менее ярлык – оценка прочно закрепляется и реализуется в узусе недоверие ко всем политическим структурам: «Народ вычеркнут из списка игроков. И, пока положение не изменится, надеяться на то, что политика станет социально ориентированной, не приходится» («Московские новости»).

Самыми распространенными ярлыками выступают идеологемы – названия политических партий и движений (большевики, коммуняки, фашисты, красно-коричневые и т. п.). Каждая партийная группировка обладает арсеналом ярлыков, поэтому можно без труда узнать, к какой партии или политическому направлению принадлежит тот или иной автор высказывания: рыночники, экстремисты, лжедемократы, сепаратисты, фракционщики, деструктивисты (о демократах); авантюристы, ретрограды (о центристах), партократы, номенклатурщики, агенты КГБ, леваки (о коммунистах). Среди ярлыков – политических терминов можно встретить как слова с устойчивой отрицательно-оценочной коннотацией (расист, экстремист, диктатор), так и нейтрально-оценочные

языковые единицы, открытые для амбивалентного толкования (коммунист, патриот, вождь).

Например: «Жириновский – политический экстремист» (А. Савельев, ТВЦ). «Сошлись нардепы (фракция «Народный депутат») на свой съезд. Еще съезд не провели, а уже три раза выпили» (Г. Зюганов, «АИФ»). «Я коммунистов всегда бил – словом и физически. И буду бить. Особенно Шандыбина» (Федулов, «Труд»).

Еще одна широко представленная группа политической лексики – это ярлыки-антропонимы. Различные манипуляции с именами политиков – это отголоски веры слабого человека в магическую силу слова, в уничтожающую силу имени (клички, прозвища). В качестве ярлыков встречаются искаженные имена политических деятелей (Чубаучер, Чубарик), которые могут использоваться в семантизированном виде в качестве достаточно яркого стилистического средства. Наблюдается пародирование имени за счет установления ассоциативных связей по созвучию с оценочным словом (Зорькин – Позорькин, Жириновский – Жирик).

Ярлыками чаще всего выступают существительные. Большинство лингвистов считает, что существительное выражает предубежденное отношение и фиксирует стереотипы гораздо сильнее, чем другие части речи, потому что существительное в силу своей номинативной специфики представляет качества личности как постоянные. В политическом дискурсе в качестве ярлыков может выступать и безоценочная общеупотребительная лексика: «Мы, депутаты, – высшая власть, где всего один слесарь – Шандыбин» («АИФ»). «В душе Селезнев – солдат партии, но есть еще желудок. По желудку он – чиновник» («АИФ»). «Путин не реформатор, а наследник от слова «наследил» («Советская Россия»).

Гораздо реже, чем существительные, ярлыками становятся прилагательные и наречия (подвыпивший Ельцин, басовитый депутат, губернатор ведет себя трусливо), а также иногда в этой роли вместе с антропонимами выступают глаголы («Ни один депутат Госдумы так грязно не охаивал свою родину и не клеветал на нее, как это делает Ковалев – наковальня» («Труд»).

Уровень агрессивности высказывания, содержащего ярлык, зависит от степени его косвенности. Самые яркие и запоминающиеся ярлыки создаются с помощью метафор, сравнений, антитез и т. п. Вряд ли кто-то оставит равнодушным высказывания разных политических деятелей в адрес одного и того же оппонента. Г. Зюганов: «Жириновский

– это многоцелевой истребитель. За что больше дадут, то он и озвучит» («Советская Россия»). С. Ющенко: «Жириновский, как свисток на паровом котле, который, когда внутри все кипит, при опасности начинает свистеть. Правда, свистит иногда произвольно» («Российская газета»). Нужно отметить, что подобные образные высказывания встречаются крайне редко, предпочтение отдается прямым номинациям.

Из всего многообразия ярлыков очевидно главное: какая бы часть речи ни использовалась для их создания, какой бы тип ярлыка ни встретился в речи политика, автора оскорбительного высказывания можно обвинить в несоблюдении моральных и этических правил.

В политическом дискурсе редко встречаются тексты собственно информативного или собственно эмоционально-экспрессивного содержания, в любом подобном тексте представлены оба параметра. При этом эмотивная оценка обусловлена эмоциями, которые вызывает объект оценивания. Эмотивный компонент вытесняет предметно-логический, который сопутствует его формированию.

С. Говорухин, кинорежиссер, бывший депутат Госдумы: «У нас на глазах Абрамович разворовывает Россию, переводит капитал за границу». («Российская Федерация »)

В. Шудегов, член СФ от Удмуртской Республики: «Речь Президента показала, что Россия со сложившимся положением мириться не станет. А разве такое может понравиться тем же американцам, которые уже успели привыкнуть к мысли о том, что они-де хозяева земного шара». («Российская Федерация»).

Политический дискурс отличается тем, что адресат должен понимать говорящего с полуслова. Активная роль адресата в этом типе дискурса предоставляет автору речи большие возможности для оперативного переключения тематики, а также для легкого перевода информации в подтекст (ирония, языковая игра, намеки и т.д.).

В.В. Жириновский заявил по поводу речи президента РФ Путина в Мюнхене в 2007 году: «Наверное, впервые за последние лет двадцать глава нашего государства высказал несогласие по поводу того, что народам Земли, и в частности нам, фактически навязывается однополярный мир. Конечно, это не нравится США, которые решили после расчленения СССР, что они единственные хозяева на планете (а их как бы подмастерья – это Евросоюз)». («Российская Федерация»).

Острая обстановка борьбы за власть вызывает конкуренцию и резкие критические суждения со стороны оппонентов. Политический дис-

курс репрезентирует социальную оценку событий с позиций узуальных ценностей, партийных, личностных интересов.

Посол РФ на Украине В. Черномырдин: «Может компания с голодомором затеяна ради того, чтобы вызвать сочувствие у заокеанских друзей и побыстрее проскользнуть в НАТО» («АиФ»).

Все материалы, вплоть до мелкой информации, несут наступательный характер, указывая приоритеты политической борьбы.

Владимир Лизун, руководитель Секретариата заместителя Председателя Государственной Думы: «В качестве примера иранский президент сослался на агрессию Израиля против Ливана, которая была бы невозможна без активной поддержки Вашингтона. Сам Израиль Ахмадинежад назвал «фальшивым государством с фальшивыми правителями». («Российская Федерация»).

Владимир Жириновский (ЛДПР): «Сколько прокуратурой заводелось «громких» дел! Сколько вокруг них было шуму, какой пиар себе делали следователи эффектными заявлениями. Но результатов в итоге никаких. «Мы займемся», «мы найдем», «мы вернем похищенное» – никто никого не нашел и никто не понес заслуженного наказания» («Российская Федерация»).

Э.Лимонов, писатель: «Инстинкт самосохранения у КПРФ выше, чем долг («АиФ»).

Подведение всей политической деятельности к единой типичной характеристике, стандарту, оценке в сочетании с экспрессивностью – особенность политического языка. Субъект политической оценки, как правило, реально обозначен, при этом важная роль в выборе предиката отводится мотивировке оценки.

Приведем пример в тексте: «Особенно запомнилась статья Б. Вишневого «Чубайс мифический и реальный». Прочитал с интересом. Автор развенчивает Чубайса – «экономиста», показывает ему цену как «главному приватизатору», «демократу и либералу», «просто честному человеку» и, наконец, как нынешнему «главному энергетика». Но вот в связи с этим какие возникают чувства. Не демонизируем ли мы все, в том числе и оппоненты Чубайса, эту фигуру?.. Мне кажется, правильнее видеть в нем если не винтик, то не более чем болт того механизма, той команды, которая осуществляла политический заказ на «реформы», «приватизацию», «либерализацию, «монетаризм» и все другие новшества. Хозяева воспользовались Чубайсом как орудием, и не более того... В России это, конечно же, Президент и его ближайшее

окружение, которые давали Чубайсу самые деликатные поручения: возглавить «прихватизацию», предвыборную кампанию, Администрацию Президента, а теперь и самую мощную естественную монополию – РАО ЕЭС. А на западе Чубайс милее тем, кто все время толкал нашу страну на монетаристские реформы, на «шоковую терапию», на получение займов Всемирного банка. Это именно они, саксы и соросы, объявили Чубайса «лучшим финансистом», выплачивали ему аккордные гонорары за непрочитанные лекции, за консультации (как прощайте нас с вами ограбить)... Евгений Максимович назвал Чубайса способным менеджером, но посоветовал ему бросить заниматься публичной политикой. Примаков доволен Чубайсом как наемным работником, который делает свое дело именно так, как ему приказали... Однако есть во всем этом и моральная сторона, о которой невозможно умолчать. Чубайс – это не просто часть стенобитного орудия, с помощью которого обрушивали экономику России. Не просто адепт «прихватизации», «шоковой терапии», монетаризма, валютных займов и т.п. Не просто винтик или болт тех псевдореформ, которые Солженицын образно называет «гай-чубайсовскими». Чубайс был членом той команды «хирургов», которая без анестезии делала операцию на теле своей матери – России. Как ни крути, на Чубайсе лежит громадная ответственность за те страдания, которые переживает наш народ от неудавшихся и затянувшихся «реформ». Но тот же Чубайс без тени смущения, не говоря уже о покаянии, продолжает «служить» в составе нового премьера. Был Главным Приватизатором, стал Главным Энергетиком. Что с него взять – наемник! К таким, как он, моральные критерии неприложимы («Российская Федерация»).

Статья, характеризующая яркую фигуру российской политики, представляет субъективную оценку с позиции гражданина, недовольного реформами, проведенными в стране при Чубайсе. Автор дает оценку с точки зрения собственных приоритетов, выражает субъективное мнение, о чем свидетельствуют выражения: возникают чувства, мне кажется, правильнее видеть, невозможно умолчать, и т.п.

Оценочные модусы не репрезентированы в открытой форме, то есть не выражены словами хорошо / плохо, но представлены в предикатах с негативной оценкой: развенчивает, демонизируем, осуществляла политический заказ, хозяева воспользовались Чубайсом, Чубайс милее тем, кто все время толкал нашу страну, обрушивали экономику. Ярко выражены аксиосемы в словах: адепт «прихватизации», «шоковой терапии», «моне-

таризма», «гай-чубайсовские» псевдореформы, сравнении со стенобитным оружием, обрушившим нашу экономику, винтиком, болтом. Приглушают открытую негативную оценку аксиологически антонимичные определения-цитаты: главный приватизатор, демократ и либерал, главный энергетик, просто честный человек, лучший финансист, где негативная оценка скрыта в контексте. Пейоративной модальности противопоставлена единственная мелиоративная оценка: Примаков доволен Чубайсом, но далее аксиосема нейтрализуется – наемным работником, который делает свое дело именно так, как ему приказали. Такой способ подачи аксиологической информации Е.М. Вольф называет аффективностью: «Структура не столько описывает положение вещей, сколько подчеркивает, что субъект заинтересованно относится к событию, о котором идет речь».

Эта заинтересованность находит выражение в эмоциональности, экспрессивности. В конце статьи автор использует образное речевое средство – перифразу: команда хирургов, которая без анестезии делала операцию на теле своей матери – России. Эмоциональная доминанта репрезентирована в восклицательном предложении с негативной оценкой в слове «наемник».

Как было указано выше, ядерные политемы исследуемого семантического пространства тесно взаимодействуют с периферийными лексемами, за счет чего и формируется прагматическая аксиологическая модальность. Так предикативный распространитель актуализирует деонтологическую модальную рамку политического термина и создает отрицательную оценку (дискредитировать идеи демократии) или положительную оценку (приумножить национальное богатство).

В случаях глагольной субстантивации возникает вторичная модальность, выполняющая функцию обоснования оценки. Например, соблюдение прав и свобод, отрешение президента от власти, недоверие правительству, разграбление государственной собственности, бесконтрольность президента.

Самую яркую аксиологическую сему несет в себе, естественно, кваликативный распространитель в сочетании с политемой: правовое государство, сильная / слабая власть, свободные, честные / бесчестные, грязные выборы, свободная пресса, народная власть, коренные права трудящихся, высокопрофессиональное правительство, сплоченная партия, неограниченная президентская власть и т. п.

Например: «Собеседником Е. Киселева в ночном выпуске «Итогов» стал Анатолий Чубайс. Камера брала крупным планом спокойное лицо

очень умного политика. Камера не фиксировала случайные (и способные вызвать зрительское недоверие) привычки Чубайса: слишком хитро прищуриваться, убирать глаза при ответе на вопрос... А главное, ведущий не мешал гостю полноценно и развернуто высказываться... И перед нами предстал не Главный Прихватизатор, самодовольный враг униженных и оскорбленных, а достойный человек, отвечающий за свои слова, отнюдь не вызывающий заочной неприязни... Ныне Чубайс вернулся на телевизионное пространство победителем. Героем. Но надолго ли?» («Известия»).

Лингвисты различают коннотацию, присущую слову, и текстовую коннотацию, которую приобретает слово за счет текстового окружения. Так, О.С. Ахманова разграничивает коннотацию ингерентную, внутреннюю, присущую слову, языковую, и адгерентную, контекстную, ситуативную. Политический дискурс чаще репрезентирует адгерентную, ситуативную модальность. Наиболее ярко она может быть представлена в форме противопоставления позитивной и негативной информации, за счет чего и создается оценка. В.И. Говердовский пишет об этом: «Определение значения через его употребление в синтагматической цепи помогает найти, при каком соотношении слов в тексте происходит общественное осознание данного понятия или его признака»

Например, Х.М. Кармоков, председатель Счетной палаты Федерального Собрания РФ, рассказывает о проверке Центробанка: «Если их политика была умной и правильной, то почему в результате ее так плохо стране и всем нам? Слишком очевиден разрыв между словами и делами. Доллар стоил 6 рублей, теперь – 23. И поскольку «благодаря» валютной стратегии все того же Центробанка жизнь России накрепко привязана к доллару, все основные продукты и товары подорожали в 3 – 4 раза. Вот конкретный результат их деятельности. Самая объективная ее оценка. Ну, а проверки, анализ деятельности ЦБ – лишь ее подтверждение» («Российская Федерация»).

Противопоставление положительных и отрицательных аксиосем в данном тексте не только оценивает деятельность важной государственной структуры, но и дает возможность выявить реальную негативную картину жизни российского народа. Из субъективной, частной, оценка становится объективной, принимает обобщенный характер.

В качестве мощного эмоционального средства поддержки аксиосемы привлекаются образные средства речи, так называемые политические метафоры, весьма разнообразные и частотные в политических

текстах, поскольку ассоциативное мышление – важный тип концептуальных связей, прагматически структурирующий сознание. При этом происходит расшифровка семантики высказывания, чтобы получатель информации быстрее включился в коммуникативный акт, сформировал или скорректировал свою политическую или идеологическую позицию в плане оценки излагаемого факта.

В создании оценочной политической модальности велика роль периферии понятийного поля «политика». Она создает базу, фон для экспликации главной политической информации. Работа в избирательных кампаниях дала возможность автору довольно объективно анализировать данный материал. Предвыборная агитация связана со следующей отработанной методикой представления политического лидера. Первый этап – знакомство с личностью, именем претендента, где стоят задачи привлечения внимания, завоевания аудитории. Актуализируются периферийные лексемы концепта «власть» группы Б (личностные качества): решительный, умный, волевой, гибкий, смелый, энтузиаст, обладает чувством юмора, хороший семьянин. Второй этап – создание положительного образа лидера: написал книгу, борец, интеллигент, профессионал, популярен, много сделал для своего электората. В то же время с отрицательной модальностью репрезентируются личностные качества соперников: несдержанный, нескромный, «уличный», ориентирован на низменные интересы (водка, секс и т. п.). Анализируются критерии его успеха: рано начал политическую карьеру, постоянно стремился в политику, умело использовал сложившуюся ситуацию, имел широкую поддержку, коммуникабельный – быстро находит общий язык в любой политической ситуации. Следующий, заключительный этап – актуализация центральных, ядерных лексем, в которых обозначена политическая платформа кандидата. Именно в таком порядке подачи материала происходит общественное восприятие субъекта, закрепление и усиление мелиоративного предиката. Следовательно, презентация образа политического лидера строится от периферийных лексем семантического поля – к ядерным с неизменной положительной модальностью.

Выборы в российский парламент продемонстрировали изменения в подаче материала по сравнению с выборами 1996, 1999 гг., когда ведущую роль в политической рекламе играла идеология, и главным вопросом был выбор пути общественного движения России в будущее, в текстах доминировали идеологемы. В настоящее время доминантны

ми становятся экономической и социальной лексика. Центристы, левые и правые партии провозглашают очень похожие лозунги: все партии обещают повышение жизненного уровня пенсионеров и неимущих, выплату и увеличение заработной платы госслужащим, увеличение рабочих мест, объединение и возрождение страны. То есть на первый план выступили не идеологические дебаты правых, центристов и левых, а более конкретные и приземленные проблемы.

Многочисленные материалы местных, региональных, выборов демонстрируют прагматический подход к своим кандидатам во власть, так как многие понимают, что политический путь России выбирается центральной властью, но не региональной, а людей на местах больше волнуют хозяйственные и бюджетные вопросы. В местных агитационных материалах акцент был сделан на личностные качества лидера: хороший семьянин, надежный друг, профессионал, коренной житель либо прожил в данной местности довольно длительный срок, что конкретно сделал для улучшения жизни данного края, кто оказывает ему политическую поддержку и т. п.

На первый план выдвигаются кандидаты, которые должны отстаивать интересы своего электората: хозяйственники, профессионалы, за которыми стоят не влиятельные партии, а инициативные группы. На таких выборах очень многие знают кандидата в лицо, сталкивались с ним и могли непосредственно убедиться, на что он способен и что можно от него ожидать. В этих условиях преимущество имеют те, кто опирается на конкретные коммерческие структуры, обладает серьезными финансовыми ресурсами, и те, кто уже прошел школу власти.

Таким образом, за последнее время изменился облик агитации (что доказывает необычайную подвижность и открытость политического языка как коммуникативной системы): происходит перегруппировка семантических центров, когда периферийные лексемы занимают доминирующую позицию, а идеологемы (коммунисты, правые, государственники) и политемы играют свою роль, но уже в меньшем объеме.

Познакомимся с текстом листовки: «В 1974 году А. Пискунов молодым лейтенантом прибыл в Архангельскую область. Более 20 лет на космодроме «Плесецк» испытывал космические аппараты, ракеты стратегического назначения, которые сейчас находятся на вооружении нашей Родины... Женат, воспитывает двух дочерей. Депутат Верховного Совета РСФСР 1993 года, А. Пискунов подготовил более 30 законодательных актов по социально-экономическому развитию Севера.

В итоге мы получили ряд льгот, среди которых: сокращение рабочей недели, предоставление молодежи надбавок с первого дня работы... Приоритеты программы А. Пискунова – тепло в архангельских домах, строительство газопровода Ньюксеница – Архангельск, законодательная поддержка лесопромышленного комплекса, оснащение больниц самой современной техникой, рабочие места северянам... Пискунов прошел школу в законодательной и исполнительной власти нашей страны. Он знает и решает проблемы Севера, знает реальное положение дел и в Архангельской области, и в России, профессионал, идет в Государственную Думу с твердой уверенностью, что поможет северянам. А.Пискунова поддерживают партии «Отечество – вся Россия», «Яблоко».

Для создания оценки очень важен стиль изложения информации. Д.Ю. Гатин, описывающий лексику публичных выступлений российских парламентариев, пришел к выводу, что «речь депутатов отражает на фоне преобладания нейтральной лексики элементы всех стилистических слоев языка. Употребление специальной, а также «высокой» книжной лексики резко ограничено». В результате нейтральная лексика составила 97,64%, разговорная и просторечная – 1,75%, книжная, в том числе высокая, – 0,41%, специальная, профессиональная – 0,20%

В качестве ведущей тенденции в создании оценки следует рассматривать и стилистическое снижение политической речи. Экстралингвистические факторы определяют закономерные изменения, происходящие в русском языке, о чем свидетельствовал и А.М. Селищев: «Российские революционеры, как в свое время и французские, не стесняются употреблять в своей речи слова и выражения, считавшиеся фамильярными и грубыми»

Революционная волна перестройки 90 – х гг. XX в. оказала не менее сильное влияние на язык, чем революция 1917 г., что нашло отражение и в политическом языке. Как пишет А. Терехов на страницах газеты «Совершенно секретно»: «Мы ожидали воскрешения русской культуры, слова, а из телевизора, с трибун хлынула такая прямая речь, что лучшие краснели от стыда, прочие еще больше дичали... Выбрали депутатов, и образовалась новая власть и заорала на всю страну языком сброда, языком лагерного невежества, награждая друг друга – «черви», «мальчики в розовых штанишках», «яйцеголовые», «быдло».

Периферийные единицы, включающие просторечные, жаргонные, арготические лексемы, функционируют в средствах массовой комму-

никации, устной и письменной речи в сочетании с политемами. Употребление грубо-просторечной лексики усиливает эмоциональную, экспрессивную коннотацию политического дискурса.

В политической коммуникации в настоящее время функционирует и инвективная лексика. Говоря о различных средствах инвективы, нужно отметить, что уровень агрессивности – величина градуируемая. Во-первых, чем эмоциональнее высказывание, чем выше интенсивность и эксплицитность эмоций, чем ярче коннотация грубости, тем сильнее агрессивный заряд инвективы. Во-вторых, уровень агрессивности высказывания зависит от степени его косвенности. Прямая инвектива выражает более интенсивную агрессивность, чем косвенная.

Многие лингвисты озабочены засорением политического языка ненормативными лексическими единицами. Г.Н. Складневская в газете «Смена» справедливо отмечает, что жаргон уголовников опасен для русского литературного языка, ибо арготические элементы лексики, использованные бездумно, в качестве экспрессивных, несут в себе заряд психологии и мировоззрения уголовного мира.

В политическом общении, нацеленном на устранение идейных оппонентов, на понижение их статуса в глазах избирателей, говорящий или пишущий представляет политическую оценку оппонента осознанно, заранее обдумывая и планируя коммуникативные тактики и отдельные речевые ходы. Исключением являются те случаи, когда вербальная агрессия политика, направленная на оппонента (бранные слова, обценная лексика и т.п.), представляет собой непосредственную реакцию на провокационные и оскорбительные реплики последнего (осознаваемые автором как дискредитирующие речевые ходы). Такие случаи наблюдаются в ходе парламентских прений, на некоторых телевизионных ток-шоу с участием политических лидеров (т.е. там, где происходит прямое общение оппонентов).

Итак, в политическом языке наблюдается яркое проявление оценочности как средства репрезентации субъективного, индивидуального или коллективного, партийного, фракционного, национального, узусного мнения. Политемы, становясь маркерами политической коммуникации, иррадируют нейтральные лексические единицы. Соединяясь с интенциями автора, маркированный текст принимает на себя аксиологическую и эмотивную функции.

ФУНКЦИИ ОТНОСИТЕЛЬНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ, ВХОДЯЩИХ В СОСТАВ ПОЛИТЕМ

Семантическая структура относительных прилагательных по сравнению с качественными значительно сложнее, поскольку на их категориальное значение наслаивается словообразовательное значение, ибо относительные прилагательные как слова производные соотносятся по семантике с производящей основой, на что в свое время указывал А.А. Шахматов. Он отметил еще одно важное свойство прилагательных: «Прилагательное – это часть речи, соответствующая представлению о качестве – свойстве (пассивном признаке), мыслимом в атрибутивной зависимости от другого господствующего над ним представления, представления субстанции».

Современные исследователи (Т.Б. Алисова, Н.Д. Арутюнова, В.Г. Гак, А.А. Ивин, Е.М. Вольф и др.) подчеркивают, что прилагательные семантически не самостоятельны, поскольку качество, признак не существуют сами по себе, без его носителя, а на значение прилагательного всегда проецируется значение носителя признака.

А.А. Шрамм утверждает: «...значение относительных прилагательных определяется свойствами тех предметов, от которых они образованы, свойства этих предметов предопределяют их отношение к другим предметам, а отношения их и составляют значение соответствующего относительного прилагательного. Поэтому значения относительных прилагательных предсказуемы: анализируя отношения между одним предметом и другими предметами, можно заранее предсказать, какие значения возможны у прилагательного, образованного от названия первого предмета».

В толковых словарях в основном фиксируется словообразовательное значение относительных прилагательных. Например, в БАС: прокламационный – «относящийся к прокламации, свойственный ей»; пролетарский – «относящийся к пролетарию и пролетариату».

Однако и при выборе дефиниции в толковом словаре, и при определении текстового значения относительного прилагательного следует учитывать тот факт, что словообразовательное значение, «отношение к определенному предмету» может варьироваться, создавая основу для появления собственно лексических значений у производных слов.

Конечно, производное слово сохраняет семы производящего (политика – политический, экономика – экономический). Как указывает Е.С. Кубрякова, в процессе словообразования производное слово получает денотативную соотнесенность через денотат мотивирующей единицы. Например, после 1917 г. прилагательное партийный функционирует в основном в новом значении: «относящийся к деятельности ВКП(б), КПСС», а не к деятельности любой партии, ибо основным значением мотивирующего слова (партия) в этот период становится «ВКП(б), КПСС».

Соотнесенность собственно лексических значений относительных прилагательных с семантикой производящей основы дает возможность рассматривать их вместе с существительными в составе политема и идеологема.

Материал показывает, что относительное прилагательное по сравнению с маркирующим его значение существительным семантически более емко и богаче синтагматически, так как оно связано с оценочной коннотацией. Этот аспект исследований реже привлекает внимание исследователей, чем анализ законов функционирования политема (идеологема) – существительных.

Однако при этом важно учитывать следующее: 1) относительное прилагательное соотнесено с именем существительным архисемами, что позволяет рассматривать их как политемы, выполняющие те же функции, что и производящие лексемы; 2) категориальное значение имени прилагательного, независимо от того, качественное оно или относительное, обуславливает реализацию в различных текстах оценочных потенций относительного прилагательного, поэтому оно чаще выполняет аксиологическую функцию, чем существительное; 3) в текстах различной стилистической маркированности относительные прилагательные выполняют особые функции.

Следует вести речь о вторичной номинации, если под этим понимать «использование уже имеющихся в языке средств в новой функции». В работах Е.Д. Арбатской, Г.Ф. Беловой, Н.Ф. Донцу, С.Е. Караваевой, Э.Л. Коробовой, Н.А. Нефедовой, Н.Е. Сулименко выявлены различные функции относительных прилагательных как подкласса определенной части речи: идентификации, спецификации, тропеистическая функция, когда прилагательное является «однословным сравнением» (В.В. Виноградов), эллиптическая функция и др. Политемы (идеологема) класса прилагательных выполняют лишь некоторые из них.

1. Относительные прилагательные в различных текстах выступают в функции **спецификации** (идентификации), что позволяет им «лаконично, в самых общих чертах представить признак, лишь намекнув на их связь с той или иной субстанцией» (Н.Е. Сулименко). Иными словами, в функции спецификации прилагательное может выступать в роли «видового классификатора» (В.М. Павлов), «входить в гиперогипонимические парадигмы» (Н.Е. Сулименко), быть средством точной номинации при лаконизме определений, выраженных относительными прилагательными.

В этом отношении чрезвычайно показателен состав «Политологического словаря» 1995 г., большую часть которого составляют словосочетания, где в роли видового классификатора выступает прилагательное политический: политический авантюризм, политический авторитет, политическая активность.

В книге «Воспоминания» Д.С. Лихачев пишет: «Я поступил в Ленинградский университет... Принимали тогда в основном рабочих. Это был едва ли не первый год приема... по классовому признаку». В книге А.Н. Яковлева «Горькая чаша» читаем: «Последнее представлялось мне наиболее разительным свидетельством политического абсурда, когда авангардистское искусство в Советском Союзе свирепо преследовалось»; «Перестроечных пенкоснимателей у нас предостаточно».

Особенно ясно воспринимается идентификация в тех фрагментах текста, где одновременно функционируют мотивирующее и мотивированное слово. Например, в одном из докладов Е.Т. Гайдара в 1995 г.: «Когда уборщица на предприятии электроснабжения получает в три раза больше профессора, это яркий пример того, как нельзя организовывать управление *государственной экономикой* в условиях рынка... Это полная непригодность государства к решению тех задач, которое оно должно выполнять».

Функция спецификации особенно ярко прослеживается при исследовании текста, если в каком-либо фрагменте текста использовано существительное, а затем словосочетание, в состав которого входит прилагательное, мотивированное этим существительным: «Этот сытый демократ – мужчина в дорогом костюме и не менее дорогим галстуке, едва сходящемся на его упитанной шее, решил сделать карьеру на тех, кто ходит в обносках и кого носит ветром от голода. Не правда ли – похоже на обычную практику господ демократических экономистов, из всех средств излечения экономики предпочитаю-

щих шоковую терапию и «лечебное» голодание?» («Завтра»); в книге Д.С. Лихачева: «Честь и совесть надо рассматривать... и в государственном масштабе. Если человек совершает добрые поступки не за свой счет, а за счет государства, то это уже не доброта, не бескорыстие, а деличество и хитрость».

Возможна двойная и тройная спецификация: «Здесь должен быть политик, а не *комсомольский, советский, коммунистический* лидер. Это должно быть позором сегодня в биографии. А мы до сих пор еще хвалимся: я, кто-нибудь там говорит, партбилет не сжег. А 100 миллионов людей сожгли, 100 миллионов в могиле, а они до сих пор хвалятся, что партбилеты свои не сожгли и пленумы свои проводят» (из выступления В.В. Жириновского. ЛДПР, 1998); в сборнике статей А.Д. Сахарова: «В работе четко сформулирован представляющийся мне очень важным тезис о сближении социалистической и капиталистической систем»; «Свобода убеждений, наличие просвещенного общественного мнения... всего этого сильно не хватает в социалистических странах вследствие присущего им экономического, политического и идеологического монизма».

В одном высказывании при гиперониме могут стоять два или несколько гипонимов. Например: «В нашей стране идет активный процесс политического творчества: реформаторский курс в экономике, демократические преобразования в законодательстве» (Из выступлений Б.Н. Ельцина), где прилагательное «реформаторский» имеет значение: реформы демократического характера.

Реализация функции спецификации связана с приемом противопоставления в тексте или подтексте (конституция демократическая – советская; революция демократическая – социалистическая; специалист советский – российский, коммунисты – демократы, правые – левые, русские – западные и т. п.): «Демократические средства массовой информации в очередной раз доказали свою антироссийскую направленность... И это не удивительно, поскольку для наших СМИ давно уже стало нормой проявлять угодную западу антирусскую, антигосударственную политику на любые события и факты» (листочка ЛДПР).

Функцию спецификации выполняют относительные прилагательные – политемы и в художественных текстах. Обратимся к одному из трагифарсовых произведений С. Довлатова – «Филиал. Записки ведущего»: «Иногда меня посещают такие фантазии. Русские пришли в Нью-Йорк... Вызвал нас комендант и говорит: «Ты, Куроедов, был со-

ветским философом. Затем стал *антисоветским* философом. Теперь опять будешь *советским* философом. Понял?... Ты, Довлатов, был *советским* журналистом. Затем стал *антисоветским* журналистом. Теперь опять будешь *советским* журналистом. Не возражаешь? – Слушаю! – отвечает Довлатов».

Конкретизируя особенности использования относительных прилагательных в тексте в функции спецификации, Н.Е. Сулименко называет функции создания примет времени, передачу колорита эпохи и функцию объективации, локального представления ситуации.

Политемы – маркеры ограничивают временную рамку того или иного политического явления. Идеологемы «буржуазия – буржуазный», «социализм – социалистический», «демократия – демократический» имеют в истории России четко выраженные временные показатели.

Исследования Н.А. Нефедовой подтверждает способность относительных прилагательных «быть активным средством создания пространственно-временного континуума текста» (Нефедова, 1988, с. 8). На материале романа А.М. Горького «Жизнь Клима Самгина» Н.А. Нефедова показывает, как семантические и формальные свойства относительных прилагательных обуславливают их функции в тексте, делает вывод о том, что относительные прилагательные, образуя объективно точную, конкретную номинацию, являются необходимым средством организации текстовых фрагментов описательного типа (описание среды, природы, быта).

Функцию локальной атрибуции выполняют политемы, обозначая те понятия, которые характерны лишь для данного государства, то есть распространены лишь на определенной территории. Особенно наглядна подобная атрибуция в микротекстах, где противопоставлены СССР и другие страны.

Например, в романе А. Рыбакова «Дети Арбата»: «В первый и единственный раз Сталин увидел столицу мировой державы, город, каких он не видел, не знал, капиталистический Вавилон, цитадель буржуазной демократии. Среди невозмутимых людей, выросших в непонятных, чуждых традициях, Он, не знающий языка, чувствовал свою удручающую незаметность, к тому же Сталин потерял шарф, апрель в Лондоне стоял холодный». Контекст наводит локальную сему в семантическую структуру слов «буржуазный» и «капиталистический», не погашая яркие идеологическую и оценочную семы. Текстовый смысл прилагательных – характерный для Англии, не характерный для СССР.

«Для нас Германия – угроза самая реальная, – ответил Будагин убежденно. Сталин нахмурился. – Преувеличивать германскую опасность – значит преуменьшать главную опасность. Безусловно, английские империалисты в этом заинтересованы. Но мы, советские люди, в этом не заинтересованы». Актуализаторы локальной семы – советские люди, то есть живущие на территории СССР; Германия, английский, германский – «такой, который находится на другой территории», «представляет собой другую страну с чуждой идеологией».

В романе того же автора «Страх»: «Группа французских шахтеров, путешествующая по СССР, по-товарищески заменила на одной из шахт бригаду советских шахтеров и без напряжения, не подозревая даже об этом, выполнила стахановскую норму. Советский рабочий превратился в загнанное существо, лишенное человеческих условий существования, затравленное, угнетенное, лишенное права на протест и даже жалобу, высказанную вслух».

В произведениях исторической тематики прилагательные-политемы указывают на время действия. Так, в романе «Дети Арбата»: «По мостовой, заасфальтированной в проезжей части, но еще булыжной между трамвайными путями, катили, обгоняя старые пролетки, первые советские автомобили «ГАЗ» и «АМО»... А под землей уже прокладывали первую очередь метро...». Периферийные лексемы вовлекаются в зону действия идеологии. В микротексте противопоставлены детали двух эпох: старой, дореволюционной: булыжная мостовая, пролетки – и новой, советской (периода индустриализации): советские автомобили, метро. Текстовый смысл прилагательного «советский» – новый, связанный с перестройкой быта, относящийся ко времени индустриализации страны. Временную сему наводит в семантическую структуру прилагательного «советский» и другой контекст:

«Общество задыхалось в тисках командно-бюрократической системы. Обреченное обслуживать идеологию и нести страшное бремя гонки вооружений, оно – на пределе возможного... Тем не менее проделана работа исторической значимости: – ликвидирована тоталитарная система, лишившая страну возможности давно стать благополучной и процветающей; совершен прорыв на пути демократических преобразований. Реальными стали свободные выборы, свобода печати, религиозные свободы, представительные органы власти, многопартийность» (М. Горбачев. Из выступления по Центральному телевидению).

Следующий исторический этап развития нашей страны противопоставляет тоталитарную систему управления демократической. Текстовый смысл прилагательного «демократический» широко иллюстрирован реалиями современных преобразований, передающих колорит эпохи, и актуализирует временную сему демократической перестройки.

Каждая эпоха имеет свои ключевые слова, в которых отражается и концентрируется основная характеристика исторического периода. За счет искусственного увеличения частотности они становятся символами своего времени. В политических текстах функция временной спецификации этой группы слов заключается в определении социально-идеологических, политических примет времени. Наиболее ярко воспринимается временная сема в структуре прилагательных – политем, аккумулирующих социально-историческую информацию, «эллиптически преобразуя многословные описательные обороты» (Е.А. Земская), придают речи конкретность и смысловую емкость, если в одном контексте с ними находятся прямые указатели на время действия.

Например: «Вспомним август 1996. Стоит на царском, кремлевском красном крыльце наш Президент. А рядом с ним – Президент Белоруссии. Один из них был главным участником Беловежских соглашений, другой – единственным человеком, который в Верховном Совете Белоруссии голосовал против» («Российская Федерация»). Прилагательные «кремлевский», «красный», «царский» – символы неограниченной власти главы Российского государства, лексема «президент» указывает на демократический режим, а прилагательное «беловежский» репрезентирует свернутую информацию о соглашении, подписанном главами стран СНГ.

«Временная комиссия обратилась в Совет Федерации с просьбой наказать виновных в последствиях экономического кризиса 17 августа 1998 г. Из стенограммы обсуждений: «И последнее. Нельзя нам, Совету Федерации, превращаться при принятии решений в политический орган. Посмотрите третий пункт. Это что? Мы начинаем заниматься политическими репрессиями? Сегодня против этих людей запишем, завтра – других, потом – третьих, четвертых... Куда мы скатываемся? Я думаю, что надо все осмыслить, трезво подойти к вопросу и на очередном заседании вернуться к рассмотрению» («Российская Федерация»). Употребленное словосочетание политические репрессии выступает в качестве временного конкретизатора, напоминающего о сталинских репрессиях 30 – 50-х гг.

В художественных текстах еще более активно функционируют прилагательные – политемы в функции локальной, временной обусловленности. Например, из романа А.Н. Рыбакова «Дети Арбата»: «На XVII съезде Киров сказал: «В Ленинграде остались старыми только революционные традиции петербургских рабочих, все остальное стало новым...» Неправду сказал! В Ленинграде осталось дореволюционное чиновничество, дворянство, буржуазная интеллигенция, остались латыши, эстонцы, финны и немцы – агенты буржуазных разведок, живут рабочие, мещане, воображающие себя свершителями Октябрьской революции, живут десятки тысяч людей, поддерживающих Зиновьева в его атаке на партию».

Временную сему содержит, во-первых, прилагательное «дореволюционный». В МАС: «Дореволюционный. Относящийся ко времени, предшествующему какой-либо революции». «Старый. 2. Давно существующий, возникший, появившийся задолго до настоящего времени». «Традиция. 1. Исторически сложившиеся и передаваемые из поколения в поколение обычаи, нормы поведения, взгляды, вкусы и т. п.». Кроме того, временную сему в тексте содержат собственные имена Петроград, Ленинград и их дериваты. Следовательно, буржуазная интеллигенция – это, с точки зрения Сталина, интеллигенция, оставшаяся с дореволюционных времен, а посему не способная воспринимать новое наряду с дворянством, чиновниками, людьми разных национальностей, в связи с чем все эти социальные группы и были им высланы из Ленинграда или уничтожены.

Появившись под влиянием сталинского культа личности, прилагательные «троцкистский», «зиновьевский», «бухаринский», словосочетание «кировское дело», «ленинградское дело» после смерти Сталина перестают функционировать в речи и постепенно уходят из активного употребления, становясь историзмами.

У А. Н. Рыбакова читаем: «Дверь поминутно открывалась, да и закрывалась неплотно – приступок заledenел, на площади, включенное на полную мощность, орало радио – передавали материалы процесса антисоветского троцкистского центра» («Страх»).

«20 августа советские писатели провозглашали: «Сердца миллионов людей трепещут. Кулаки сжимаются от яростной ненависти к злодеям троцкистско-зиновьевского блока» (Рыбаков, 1988, № 10, с. 95).

Для носителей русского языка, не обладающих культурно-исторической памятью, относительные прилагательные, мотивирован-

ные собственными именами «Троцкий, Зиновьев, Киров, Бухарин», не являются приметами времени. Читатели произведений А. Солженицына, А. Адамовича, Ю. Домбровского, А. Рыбакова, помнящие о политических процессах 30 – х годов, идентифицируют с точностью, о каком процессе, какого года идет речь в данном тексте.

Таковыми же приметами времени выступают дериваты: политотдел, политчасы, политучеба, партактив, парткомиссия, партследователь, партколлегия, партконтроль и т. п.

Период 1948 – 1949 гг., когда политическая борьба затрагивает область науки, гипонимические ряды политической лексики пополняются новыми идеологемами: социалистический, советский, научный, мичуринский; буржуазный, антисоциалистический, антисоветский, антинаучный, вейсманистско-морганистский, это нашло отражение в романе В. Дудинцева «Белые одежды». Авторский текст не насыщен политическими терминами, но в авторской речи репрезентированы прилагательные – политемы, которые выполняют номинативную функцию и одновременно в составе словосочетаний выполняют вторичную функцию, обуславливая исторический контекст, указывают на историческое время протекания событий: «Федор Иванович в своей жизни, кроме советских, никаких других праздников не видел... Ведь в случае, если это скрещивание удалось, советская генетика и селекция картофеля... выходит на новый, современный и очень высокий уровень». Прилагательное – политема «советский» эксплицирует социалистический период истории России, а словосочетание советская генетика – указывает на политическое вмешательство идеологии в науку и конкретизирует временную отнесенность – 50-е гг. сталинского тоталитарного режима.

Одно из самых частотных слов в романе В. Дудинцева «Белые одежды» – «вейсманистско-морганистский», что обусловлено темой произведения. Существительное, называющее научное понятие в генетике, и относительное прилагательное, именуемое то, что относится к данному направлению, являющиеся идеологемами, содержат культурно-исторический компонент, как и номинации «космополитизм», «космополит» (космополитический), «маризм», «марист» («маристский»), указывающие на время вторжения государственной власти в науку.

«Это были цитологи – специалисты по исследованию растительных клеток. От их разговора чуть-чуть потянуло и вейсманизмом-морганизмом, который месяц назад был торжественно осужден

на августовской сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук».

«Сегодня мы все можем увидеть, как продрав бумажку, на которой нарисован вейсманистско-морганистский голубок, высунулось черное орудийное дуло империализма, не брезгающее ничем для того, чтобы подорвать, дискредитировать советскую науку. Оплевать достижения наших ученых».

Культурно-исторические ассоциации носителей современного русского языка и без широкого контекста позволяют определить время активного использования этих номинаций – лето 1948 г.

В книге «Без ретуши»: «За долгие годы своего существования библиотека Академии наук накопила целый раздел библиографии «Против...» – 140 карточек... Перелистываем карточки... 30-е годы. Против буржуазной контрабанды в языкознании. Против реакционных теорий на военно-научном фронте... 50-е гг. Против реакционного менделизма-морганизма» (Без ретуши, 1991, с. 196 – 197).

2. Одна из функций относительных прилагательных – **эллиптическая**, на что указывают Н.Ф. Донцу (1982), Е.А. Земская (1973), Л.П. Катлинская (1977), Н.А. Нефедова (1988), Э.А. Харитончик (1986). Под эллиптичностью понимается возможность относительного прилагательного обозначать «свернутую информацию» (Л.П. Катлинская) за счет его семантического объема. А.А.Уфимцева выявляет сущность семантического распространения однословного наименования, указывая, что «любое однословное наименование может быть развернуто в несколькословное для наименования расчлененного понятия... Специальной чертой номинативных знаков является способность однословного наименования к увеличению степени семантической детализации и соответственно относительной актуализации слов».

Это позволяет автору информации активно воздействовать на адресата, заставить его более внимательно воспринимать текст, ибо семантика эллиптических конструкций требует расшифровки в силу своей зависимости от микротекста и подтекста, ориентирована на определенный запас фоновых знаний у воспринимающего текст, его мировоззрения и мировосприятия. Ср. приведенные выше тексты, где в роли ключевых слов выступают прилагательные «демократический», «советский», «партийный».

Приведем еще один пример. В школе № 127 Петербурга в пятом классе была дана контрольная работа на тему «Значение слова».

В список слов, предложенных ученикам для толкования, включалось несколько политем и идеологем: дворянский, буржуазный, рабочий, советский. Ответы школьников были обусловлены мировосприятием их семей: буржуазный – 1) богатый, у кого много денег, и 2) не имеющий вкуса; рабочий – 1) нищий, 2) тот, кто не бездельничает; советский – 1) когда люди жили хорошо, 2) скверный, плохой, не наш. Ср. в книге Д.С. Лихачева «Я вспоминаю»: «Чему я научился на Соловках?.. Я оценил моральную стойкость людей старого дворянского воспитания» (Лихачев, 1991, с. 83); в книге Казакевича «Звезда»: «Травкин с младенческих лет был воспитан в любви и уважении к рабочим людям» (МАС, т. 3, с. 516); в статье А. Адамовича 1979 г. «Где вы, мастера культуры?»: «Через свою сподвижницу переправляет за кордон записи своих глупостей и пошлятины, нацеленных против всего советского общества... Да кто ты такой? Пролетел бы такое в иные времена? К кому такая презрительная ненависть?.. Да, это о Сахарове, Андрее Дмитриевиче, вот такой приветик из прошлого» (Адамович, 1991, с. 173).

В качестве производной номинации следует рассматривать собственные имена политических лидеров и руководителей государств и их производные и производные от них относительные прилагательные, которые особенно показательны в эллиптической функции. Во-первых, они несут свернутую информацию о времени жизни и деятельности субъекта власти, что является характеристикой эпохи, то есть являются временными маркерами. Во-вторых, в зависимости от мировосприятия адресата речи «однословное наименование» может быть развернуто по-разному: так, относительное прилагательное «ленинский» является временным конкретизатором начало 1920 – х годов XX столетия и параллельно может вызывать двойственные ассоциации: мудрый, справедливый, образованный, эрудированный, враг религии дворянства.

Так, антропоним «Сталин» связан с историческим периодом в развитии России в 20 – 50 гг. XX в., характеризует тоталитарный режим правления и связанное с ним построение социалистического общества, репрезентирует политического лидера – личность властную, жесткую, целеустремленную, ассоциируется с репрессиями, расстрелами, концлагерями (в восприятии одних) и расцветом социальных благ и свобод (в восприятии других), в связи с чем относительное прилагательное «сталинский» также воспринимается двояко: связанный с тоталитарным режимом, чудовищный, садистский и несущий блага, сытость, работу, патриотический и т. п.

ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ПОЛИТЕМ

Художественный текст – это продукт вторичного моделирования действительности, отражение картины мира в образах – «основных категорий художественного текста» (Е.Г. Ковалевская). Для создания образов писатель использует лексические единицы различных микросистем и реже (особенно в прозе) грамматические единицы, поскольку эстетические функции грамматических единиц ограничены.

Политемы и идеологемы становятся ключевыми, опорными в исторических произведениях и в художественных произведениях с преобладающей политической тематикой, выполняя в художественных текстах особые, эстетические (образные), функции.

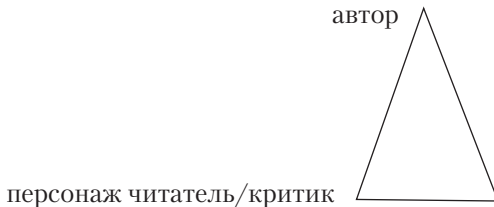
1. Основная текстовая функция политической лексики – **создание образа эпохи**, исторического колорита (наряду с экономическими терминами, словами, содержащими в своей семантической структуре культурно-исторический компонент, называющими явления и предметы действительности определенного периода в развитии социума).

При этом писатели различной политической ориентации используют одинаковые лексемы без коннотаций, не проявляя своего отношения к событиям, лицам, о которых идет речь в романе, повести, драме, названным данными единицами. Например: «Глава *государства и партии* пытался более конкретно определить свое место в общем процессе жизни» (П.А. Проскурин. Число зверя, 1989, с. 64) и «Пасынков времени распознают сразу – в отделах кадров, в райкомах *партии*, в армейских *политотделах*» (В.К. Гроссман. Жизнь и судьба, 1990, с. 421). Следовательно, в информативных текстах, создавая образ эпохи, политемы выполняют номинативные функции. Однако политическая лексика становится действенным средством экспликации авторского «я» в тех микротекстах, где они выполняют «острые экспрессивно-образные функции» (В.В. Виноградов).

Особенно это характерно для современных художественных произведений, созданных или опубликованных в перестроечное время, где разоблачается культ личности, сталинщина, описываются события, связанные с «большим террором» (романы А. Солженицына, В. Гроссмана, В. Аксенова, А. Рыбакова, В. Дудинцева и др.), где создан образ советской эпохи 30-х – начала 50 – х гг.. Например, в романе «В круге первом»: «Мирная встреча рождества не была прямо запретным действием, однако *партийное* сердце товарища Мышкина (оперуполно-

моченный в «шарашке» – О. В.) не могло ее вынести»; «Потапов признался Нержину, что отроду бы не заинтересовался *политикой*, если бы сама *политика* не стала драть и ломать ему бока» (Солженицын, 1990, с. 191, 211).

В художественных произведениях политической тематики особо важна авторская точка зрения, ее сходство или несходство с точкой зрения различных персонажей, поскольку в неоднозначном употреблении политем и идеологем проявляется система ценностных координат в данном обществе, реализуется взаимосвязь сторон известного треугольника:

Читатель должен понимать, кто из персонажей близок автору по мировосприятию, а кто чужд писателю. Например, в романе «Раковый корпус» работник спецотдела так оценивает самый страшный период в истории СССР: «В то *прекрасное* честное время, в 37 – 38 годах, заметно очищалась общественная атмосфера, так легко стало дышать» (Солженицын, 1990, с. 167).

Ср. у Ахматовой: Где теперь невольные подруги
Двух моих *осатанелых* лет?
(Реквием)

В мемуарах Е. Гинзбург «Крутой маршрут»: «И вот наступил этот *девятьсот проклятый* год (1937 год – О. В.), ставший рубежом для миллионов». Ю. Домбровский в конце повествования о хождении по мукам своего героя пишет: «А случилась вся эта невеселая история в лето от рождения вождя народов Иосифа Виссарионовича Сталина пятьдесят восьмое, а от Рождества Христова в 1937 недобрый, жаркий и чреватый страшным будущим год» (Домбровский, 1989, с. 509). При оценочном использовании автором политем и идеологем в художественном произведении политической тематики, создании образа эпохи текст вызывает одобрение или неодобрение читателей/критиков, обусловленное не эстетическими, но политическими причинами.

Так, различное отношение современных носителей языка к семантике ключевых слов, к теме произведений А. Рыбакова и В. Дудинцева вызвало в начале перестройки и разную оценку этих произведений, что всегда было характерно для восприятия политических романов, когда «неприятие стиля» связано с «неприятием содержания», что хорошо показано в книге Ю.С. Сорокина. Исследователь, рассматривая целый ряд политем, появившихся в составе русского языка в XIX веке, подчеркивает: «...история распространения и истолкования этих терминов была в еще более сильной степени связана с развитием идейной и политической жизни русского общества, с борьбой классов и партий... В истолковании этих терминов сталкивались часто взаимопротивоположные отношения к этим социальным явлениям и силам, которые они призваны обозначать».

Например, в 90-е г. критик А. Фоменко пишет: «Ясно, что А. Рыбаков ставит перед собой не столько художественные, сколько политические цели... в описании места действия, внешности персонажей очень заметна добросовестная протокольность, исключая живые, зримые подробности быта и сочные, яркие краски, зато явно намекающая на достоверность, предполагающая ее». Критик приходит к выводу:

«А. Рыбаков желает, по всей видимости, оттенить свой собственный стиль, который можно было бы назвать протокольным» (Фоменко, 1988, с. 80, 84). Действительно, своеобразный «протокольный» стиль – это проявление авторских интенций, поскольку сам А. Рыбаков заявил: «Я твердо знаю: дай я волю эмоциям – все бы пропало! Чем больше эмоций у писателя, тем меньше их у читателя».

По мнению С. Николаева, стилистике романа не хватает «художественной оригинальности и выразительности... в результате читатели получили бестселлер с «общественно – политической сверхзадачей», не отличающейся ни эстетической, ни исторической глубиной».

Актуализация потенциальных оценочных сем политем и идеологем, являющихся ключевыми словами в трилогии А. Рыбакова, происходит не только в авторском тексте, но и в речи персонажей, что дает возможность воспринимающему текст читателю разделить точку зрения отдельных персонажей и в подтексте уловить точку зрения автора, соглашаясь или не соглашаясь с ним.

Как правило, здесь оцениваются и события, и исторические лица, и персонажи. Например, во втором романе трилогии А. Рыбакова «35 и другие годы»: «Подробно о заседании сам прочтешь завтра или

послезавтра в «Советском искусстве», но кое-что тебе и заранее знать полезно: Керженцев обвинил Таирова в политической враждебности»; в размышлениях Сталина о своей роли в истории: «Историческая наука должна подтвердить, что Сталин истинный преемник Ленина, другого преемника быть не могло, те, кто претендовал на ленинское наследие, – жалкие самозванцы, политические авантюристы».

Нет смысла в лингвистическом исследовании приводить много примеров использования писателями политем и идеологем для создания образа эпохи, тем более что материал первых двух параграфов второй части и материал третьей части свидетельствует об этом. Однако вновь обратимся к одному из произведений С. Довлатова «Зона», воспринимать содержание которого может лишь «человек с крепкими нервами», ибо в отличие от Солженицына и Шаламова, описывая немислимую с точки зрения людей здравого смысла жизнь людей в зоне, автор широко использует средства черного юмора.

1) «В тот день Борис заметил... ефрейтора Петрова, которого сослуживцы называли Фидель. Эту кличку ефрейтор получил год назад. Лейтенант Хуриев вел политзанятия. Он велел назвать фамилии членов Политбюро. Петров сразу вытянул руку и уверенно назвал Фиделя Кастро» .

2) «Мы без конца проклинаям товарища Сталина, и, разумеется, за дело. И все же я хочу спросить, кто же написал четыре миллиона доносов? (Эта цифра фигурировала в закрытых партийных документах). Дзержинский? Ежов? Абакумов с Ягодой? Ничего подобного. Их написали простые советские люди. Означает ли это, что русские – нация доносчиков и стукачей? Ни в коем случае. Просто сказались тенденции исторического момента».

3) «Начальник лагеря Амосов произнес короткую речь. Он сказал: «Революционные праздники касаются всех советских граждан... Партия дает этим людям исправиться. Ведет их через упорный физический труд к социализму. Короче, да здравствует юбилей нашего Советского государства!.. Хуриев перечислил главные достижения советской власти... Осветил текущий политический момент. Бегло остановился на проблеме развернутого строительства коммунизма... За этим последовало что-то вроде социалистических обязательств. Я запомнил фразу: «Сократить число лагерных убийств на 26%».

2. Ведущей текстовой функцией политической лексики в художественных произведениях является **создание образа персонажа** в кон-

тексте его социальной характеристики. Как известно, речь персонажа обусловлена его национальностью, социальным происхождением и социальным положением, мировосприятием и мировоззрением, психологией героя.

Социальная речевая характеристика создается за счет лексем, входящих в различные семантические поля, но ведущую роль в этом играют политемы и идеологемы. Большинство исследователей считают, что термины находятся за пределами узуса неспециалистов, хотя для политических терминов обычно делают исключение. Думается, что политические термины, как правило, представлены в речи общественных деятелей, а в тезаурусе людей других социальных групп они активно функционируют лишь в период резких социальных изменений. В этом аспекте показательное распределение политем по речевым зонам анализируемых произведений (А. Солженицына, В. Гроссмана, А. Рыбакова, П. Проскурина и др.).

В исторических романах обычно представлены все властные структуры, характерные для управления государством в данную эпоху, в частности, в СССР: партком, райком, обком, ЦК, политбюро, районный совет, городской Совет, областной Совет, Верховный Совет и деятели, осуществляющие эту власть: секретарь парткома, секретарь обкома, член ЦК, генсек, председатель исполкома, председатель Верховного Совета и др. Для XX века самой страшной фигурой является Сталин, убедительный образ которого создали в своих произведениях А. Солженицын и А. Рыбаков, описывая события 30-х годов в нашей стране, передавая фонетические, грамматические и лексические особенности речи прототипа.

Ключевыми словами в речевой зоне Сталина в трилогии А. Рыбакова являются лексемы «политика», «политический», «партия», «партийный», поскольку внутренние монологи Сталина, его внешние реплики и монологи посвящены одной общей теме, распадающейся на ряд микротем: обоснованность политики, проводимой партией под его руководством, борьба с инакомыслящими, в которой хороши любые средства.

Высокая частотность политем в речевой партии Сталина во многом объясняется приемом повтора, характерного для речи этого персонажа и в романах А. Рыбакова, и для устной и письменной речи его прототипа. Политологи, социологи и лингвисты объясняют это семинарским прошлым Сталина, широким использованием в его сочинениях средств

и приемов публицистического стиля, основной функцией которого является функция убеждения, догматическим способом мышления Сталина «без нюансов и движения мысли».

В романе «35 и другие годы» в выступлении Сталина 14 мая 1935 года: «Я имею две поправки, – продолжал он, – *партия и правительство* наградили за успешное строительство Московского метрополитена одних – орденом Ленина, других – орденом Красной звезды», в передаче автором внутренней речи персонажа: «Что такое общество старых большевиков? Богадельня... Осиное гнездо! Почему отделяются от *партии*?.. Хотят представить себя единственными представителями большевистских традиций, блюстителями ленинского наследия, хотя статья высшим партийным судом, совестью *партии*». «Ярославский – умный человек... В июле 28 года на Пленуме ЦК хорошо одернул Крупскую... Нельзя личные отношения примешивать к *политике*».

В романе «Дети Арбата»: «Почему же свой *политический* шаг он не согласовал с *политическим* руководством в лице секретаря горкома товарищем Ломинадзе?.. Хозяйственный аппарат, – продолжал Сталин, – почувствовал себя бесконтрольно, потому что ему нет равнозначного партийного контроля. Какую роль может играть *партийная* ячейка Наркомата тяжелой промышленности, если во главе Наркомата стоит член *Политбюро*? Какую роль могут играть *партийные* ячейки при главках, трестах, заводах, фабриках, если начальники главков и директора заводов – члены обкомов, а то и ЦК *партии*, а секретари ячеек, в лучшем случае, члены райкомов *партии*? На таком уровне роль *партийных* организаций практически равна нулю. Дело Рязанова подсказывает нам решение первостепенной задачи: контроль за деятельностью хозяйственного аппарата надо осуществлять на равнозначном *партийном* уровне. *Партийный* аппарат должен контролировать все аппараты страны, в том числе и народнохозяйственный, и, прежде всего, аппарат промышленный, располагающий наиболее самостоятельными, образованными и чванливыми кадрами».

Менее частотны в трилогии в речевой зоне Сталина другие политемы и идеологемы: власть, государство, буржуазия, социализм, империализм, советский, капиталистический, но и они используются писателем для политической и идеологической характеристики главы СССР.

В романе А. Солженицына «В круге первом» вначале представлен внешний портрет персонажа, противопоставленный вымышленному образу «вождя всех времен и народов», созданного художниками

и писателями Советского Союза: «Имя этого человека склоняли газеты земного шара, бормотали тысячи дикторов на сотнях языков, выкрикивали докладчики в началах и окончаниях речей, выпевали тонкие пионерские голоса, провозглашали во здравие архиереи. Имя этого человека запекалось на обмирающих губах военнопленных, на опухших деснах арестованных. По этому имени во множестве были переименованы города и площади, улицы и проспекты, дворцы, университеты, школы, санатории, горные хребты, речные каналы, заводы. Шахты, совхозы, колхозы, линкоры, ледоколы, рыболовные баркасы, сапожные артели, детские ясли – и группа московских журналистов предлагала также переименовать Волгу и Луну. А он был просто маленький желтоглазый старик с рыжеватыми (их изображали смоляными) уже редующими (изображали густыми) волосами; с рытвинками оспы кое-где по серому лицу, с усохшею кожей сумочкой на шее (их не рисовали вовсе); с темными неровными зубами, частью уклоненными назад, в рот, пропахший листовым табаком; с жирными влажными пальцами, оставляющими следы на бумагах и книгах».

Солженицын создал не только внешне отвратительный образ составившегося тирана, но и раскрыл внутреннюю сущность правителя, диктатора, мучителя, погубившего миллионы людей, что актуально для времени конца 90-х гг., когда вновь воскрес культ личности Сталина, когда выходила газета «За родину, за Сталина», выпускались книги – биографии Сталина, написанные С.Н. Семеновым и В.Н. Кардашевым (1997), названной Г.Е. Беном «недостойной попыткой посмертной реабилитации Бармалея всех времен и народов» («Звезда», 1988, № 12, с. 199).

Внутренний облик персонажа создается с помощью приема воспроизведения его размышлений о прошлом при чтении собственной биографии, где ключевыми словами являются, как в трилогии А. Рыбакова, политемы и идеологемы: власть, государство, политик, ЦК, советский, буржуазия, империализм, коммунизм, большевик и др., но самыми частотными – существительные «политика», «партия», прилагательное «политический» и «партийный». Например: «А в общем прошел замечательный юбилей..., такой успех, какого не знал ни один *политик* мира»; «Уже не ослепительный конечный успех его *политики* выступил перед ним, а как ему в жизни не везло»; «Сталин верно почувствовал в Ленине хлипкость... Для такой темной рукопашной, какая есть истинная *политика*, этот человек не был годен»; «И Крупскую тоже обуздать, она – рядовой *партийный* товарищ».

Показательно, что в лексическом окружении политем и идеологем интенсивно функционирует бранная лексика, что было характерно для речи партийных деятелей 30 – 40 – х гг. Например: «*Проклятый Костов! Грязный мерзавец! У-у-удивительно, как задним числом становятся понятны козни этих негодяев! Они все были троцкисты, но как маскировались! Куна хоть *расшлепали* в тридцать седьмом, а Костов еще десять дней назад поносил социалистический суд. Сколько удачных процессов Сталин провел, каких врагов заставил топтать самих себя – и какой срыв в процессе Костова! Позор на весь мир! Какая *подлая* изворотливость! Обмануть опытное следствие, ползать в ногах, а на публичном заседании ото всего отказаться! При иностранных корреспондентах! Где же порядочность? Где же партийная совесть? Где же пролетарская солидарность? – жаловаться империалистам? Ну, хорошо, ты не виноват, но умри так, чтобы была польза коммунизму».*

В романе Ю. Домбровского «Факультет ненужных вещей» Сталину уделено всего 12 страниц, где трижды употребляются прилагательные «политический», «советский» и «партийный»; существительные «большевик», «партия», «парткомитет», «революция», «политбюро», аббревиатуры ЦК, ВЦИК, ЦК ВКП(б), РСДРП. Например: «Теперь референт понял так: хозяин хочет освободить старика, но решение об этом взваливает на него, то есть на советский народ – что станет делать народ? Это была его постоянная позиция. Ведь вождь никого не карает, его дело – борьба за счастье людей, на все остальное партией и правительством поставлены другие люди... И только очень – очень немногие из ЦК... знали о том, как конкретны всегда указания вождя: взять, изолировать, уничтожить».

Прилагательное «политический» употреблено в весьма показательном контексте. Сталин сравнивает стиль политического циркуляра 1904 года и документов НКВД и приходит к выводу, что те и другие безлики – «слова, слова – канцелярщина!». По мнению Сталина, информемы в документах необходимо заменить на экспрессымы, чтобы воздействовать на читателя: «список лиц, подлежащих к розыску по делам политическим» или «четыре списка, подлежащих суду военного трибунала» (ключевые слова – информемы) – «являясь непримиримыми врагами советской власти», «банда политических убийц» и т. п. (ключевые слова – экспрессымы).

Сталин перечисляет несколько таких экспрессым: злодей, предатель, убийца, иуда, предлагая вместо газетных клише употреблять та-

кие экспрессивные характеристики врагов: «Чтобы эти слова вбивались в глотку гвоздями, чтобы невольно вылетало из глотки не просто, скажем, Троцкий, а непременно – «враг народа», иудушка Троцкий», – а затем делает вывод: «эти документы прочитают сотни, миллионы, агитаторы заучат их наизусть и будут читать их, как молитву».

Следовательно, частотность и значимость политем и идеологем в речевой зоне Сталина в романах А. Рыбакова и А. Солженицына обусловлены жанром произведения (политический роман), макротемой (политические процессы 30-х годов), определенным аспектом, выбранным автором для трактовки этого образа – политического руководителя СССР, ответственного за все политические жертвы 30-х гг. в нашей стране, объемом речевой зоны Сталина. Следует учитывать и речь прототипа – главного политического деятеля СССР устную (выступления) и письменную (сочинения), где частотными и ключевыми словами являются также политемы и идеологемы.

В каждом произведении, на страницах которого появляется Сталин, по числу словоупотреблений ключевых для этих микротем слов на первом месте стоят существительные «политика», «партия», прилагательные «политический», «партийный». Уменьшение их количества зависит от объема речевой партии Сталина в романе или повести.

Объемом речевой партии персонажа объясняется и сравнительно небольшое количество политем и идеологем в речевой зоне другого персонажа трилогии А. Рыбакова – С.М. Кирова, так как он действует на небольшом романном пространстве, но они все же остаются ключевыми и в создании образа персонажа (партия, партийный, социалистический, советский, социалистический, оценочные лексемы «политиканство», «антипартийный», «антисоветский»). Например, прилагательное «партийный» репрезентировано в речи Кирова 12 раз, политический – 5, советский – 2, социалистический – 1. Следует отметить при этом, что в его диалогах со Сталиным рассматриваемые прилагательные не актуализируют скрытые оценочные семы. Для оценки употребляются производные прилагательные «антипартийный», «антисоветский», а также существительное «политиканство»: «Я с полной ответственностью утверждаю: никаких троцкистов, зиновьевцев, бухаринцев в ленинградской организации нет. Безусловно, мы сталкиваемся с отдельными антипартийными, антисоветскими настроениями, но исходят они в основном из среды буржуазных классов и никакого отношения к бывшей оппозиции не имеют. И ленинградские рабочие-коммунисты, которые в 25 году

голосовали за Зиновьева, давно с Зиновьевым порвали, давно о нем забыли. И репрессировать их спустя восемь лет за то, что они в порядке партийной дисциплины голосовали за свое руководство, я не могу и не буду». «Но московскую организацию возглавляет Каганович, а его – то Сталин задевать не хочет – характерное для него политиканство, вознаграждать другого и сравнить их между собой».

В повести Ю.Слепухина «Пантократор» соотношение политем иное: самым значимым в тексте является прилагательное «советский», что обусловлено размышлением Сталина об Отечественной войне, где он стремится снять с себя вину за гибель тысяч советских людей.

В главе «Дублер» (29 страниц текста) повести А. Адамовича «Каратели» в тезаурусе Сталина идеологемы почти не функционируют, ибо Адамович создает портрет не политического деятеля, а нравственный портрет хитрого, коварного человека с садистскими наклонностями.

Основная идея руководителей СССР (страны однопартийной), необходимость подчинить все интересы членов общества политике, объявление учения марксизма-ленинизма единственно верным философским учением, подчинение всех органов управления политбюро ЦК КПСС, привело к выработке бесконечных клише и в газетах, и в публицистике, и в художественной литературе, обусловило одноплановость образов руководителей государства в социальном аспекте, что в свою очередь было обусловлено одноплановостью их прототипов.

В этом отношении показательно сопоставление ключевых слов, с помощью которых писатели создают образы государственных и партийных деятелей 60 – 70-х гг. Изменилось время, изменился внешний и внутренний облик представителей властных структур, но сам тип партийного руководителя не изменился, поэтому авторы произведений 80 – 90-х гг. В. Аксенов, Ф. Незнанский, Э. Тополь, П. Проскурин и др. вновь в роли ключевых слов используют политемы и идеологемы для создания образов центральных персонажей своих книг.

Например, в романе Ф. Незнанского и Э. Тополя «Красная площадь» (1993) в речевой зоне Суслова – «серого кардинала», главного идеолога КПСС: секретарь ЦК, политбюро, «монарх партийной власти», социализм, коммунизм, Контрольная комиссия ВКП(б), чистки, компартии. В речи главного героя романа: «Неужели Брежнев? Сам Брежнев хотел, чтобы мне поручили вести это дело? Значит, это не самоубийство и Суслов тут ни при чем – к таким монархам партийной власти, как Суслов, следователя Шамраева никто бы не подпустил».

В оценке Суслова женой погибшего деятеля КГБ: «Ведь он же фашист, этот Суслов, деспот. Ежовский выкормыш. Сколько коммунистов они с Ежовым убили, вы знаете?» В прощальной записке Суслова, удачно созданной автором романа: «запоздавая реакция на начало профсоюзного антисоветского движения в Польше», «либерализм по отношению к антисоветскому диссидентскому движению, Солженицын, Сахаров», «ослабление идеологического воспитания трудящихся, разрушение у советского народа веры в коммунистические идеалы».

В книге П.Л. Проскурина «Число зверя» в речевой зоне Суслова функционируют политемы: партия, государство, власть, политик, политбюро, идеология, партийная и государственная машина, советское общество и т. п. Например, в авторском тексте после размышлений Суслова о власти: «Почти каждый выбившийся на самую высшую ступень в партии и государстве полагал, что истинная власть заключена прежде всего в нем самом, более осторожные и прозорливые... считали, что властью являлись стоявшие на служебной лестнице выше над ними и что власть – некий определенный мистический центр, прежде всего сам генсек» (Проскурин, 1989, с. 65).

3. В художественных текстах политическая лексика играет весьма значительную роль, выполняя **функцию выделения тематического ядра**. Как уже отмечалось, произведения А. Рыбакова имеют яркую политическую направленность, на что обращали внимание все критики. Так Л. Аннинский пишет: «Дети Арбата» – политический роман. Мы этот жанр приветствуем, мы его ищем где угодно, чуть не в переложении газетных репортажей, – а вот перед нами великолепный образец жанра» (Аннинский, 1990, с. 41). Д. Гранин подчеркивал: «Подробности материальной и духовной жизни тех лет, а главное – кипение политических, идейных страстей откликается волнением и каким-то жгучим сопоставлением» (Гранин, 1990, с. 47). В. Осоцкий в статье «На плацдармах народной истории» выделяет три аспекта в характеристике первого произведения трилогии: «Иначе говоря, история обретает в нем актуальное идеологическое и политическое звучание, и роман в целом может быть назван и политическим, и идеологическим в той же мере, как историческим» (Осоцкий, 1990, с. 189).

Политическая тема является доминирующей, но ее развитие, как уже отмечалось, происходит не только однолинейно на протяжении всего романного времени, а концентрируется вокруг тематического ядра в пределах различных фрагментов текста.

Центральное место в трилогии занимает образ Сталина, его «деяния» распадаются на ряд конкретных действий, направленных против своих оппонентов, затем соратников, далее – против всех и вся мотивацией политической борьбы с врагами в период построения социализма, когда неизбежна гибель миллионов людей. В каждом из внутренних монологов Сталина доминирует какая-либо одна политическая микротема, которая и развивается внутри фрагмента, а организуют эти фрагменты текста политемы и идеологемы.

Так, с помощью ключевых слов «политический» и «партийный» реализуется идея Сталина о «кадровой революции» в романах «35 и другие годы» и «Страх». После обсуждения новой Конституции, авторами которой были Бухарин и Радек, Сталин размышляет: «Эта Конституция нужна ему, и прежде всего ему. Она будет мощным политическим прикрытием предстоящей кадровой революции. Когда власть в одних руках, когда эта власть несокрушима, когда народ поддерживает эту власть, годится любая Конституция» (Рыбаков, № 9, 1988, с. 61 – 62).

Аналогично, с точки зрения любого человека, не одержимого мыслью об единоличном правлении в СССР, Сталин связывает появление новой Конституции с необходимостью усилить бдительность и оперативность кадровых органов: «Каждые выборы должны превратиться в широчайшую политическую кампанию. На Западе избиратели голосуют за ту или иную партию, у нас избирательная кампания будет могучей политической агитацией за коммунистическую партию, за Советскую власть, будет демонстрацией единства партии и народа, будет всенародным праздником. Конечно, новая Конституция – хорошее политическое прикрытия для грядущей кадровой революции. Но недостаточное».

После X съезда ВЛКСМ: «Он просидел на съезде несколько дней, внимательно слушал делегатов. Взвешивал, можно ли комсомол в его нынешнем виде использовать как ударную силу против партийного аппарата... Но молодежь – это одно, а комсомольский аппарат – это другое. Комсомольский аппарат на местах полностью сросся с партийным аппаратом... Этими старые партийные кадры не заменишь... В таком виде, при таком руководстве комсомол – это не сила для замены старого партаппарата» (Рыбаков, № 10, 1988, с. 13).

При осмыслении сущности понятия «террор»: «Он обрушит лавину, которая сметет десятки и сотни тысяч ненадежных людей и откроет дорогу людям, преданным ему и только ему, людям, за которых будет

думать он и только он. Эта кадровая революция создаст новый, истинно социалистический строй... Террор не только прививает народу беспрекословное подчинение, но воспитывает в нем равнодушие к жертвам, внушает сознание малоценности человеческой жизни, уничтожает в нем представления о буржуазной морали и нравственности. И тогда народ повинуетя без сопротивления».

В июне 1935 г. Сталин выступает с докладом о проекте Конституции на пленуме ЦК, где был поставлен вопрос об обмене партийных документов, – это был новый этап готовящейся кадровой революции в стране. «Подвели итоги партийной чистки, начатой еще в 33 году, объявили чистку законченной, но в ходе чистки обнаружили, что партийное хозяйство запущено, некоторые члены партии имеют по два партийных билета, в учетных карточках путаница, партийные билеты попадают в руки врагов... Тогда было решено провести обмен партийных документов. Это была идея. В чем смысл этой идеи? В том, что внешне процедура выглядит как чисто техническая. На самом же деле обмен партийных документов означал всеобщую, тотальную проверку каждого коммуниста. Обмен партийных документов – хорошая основа для кадровой революции».

На протяжении романа-эпопеи А. Рыбаков показывает, как совершалась эта «кадровая революция»: процесс троцкистов («Объединенный центр» Зиновьева, Каменева, Смирнова и др.), «отвечающий интересам партии и государства»; процесс «параллельного центра» (Бухарин, Рыков, Пятаков и др.). Уничтожены все работники НКВД, готовившие эти процессы (около 20 тысяч человек), в начале 1937 г. расстрелян один миллион заключенных, умерли в лагерях два миллиона. Наконец, в мае 1937 г. суду военного трибунала были переданы все крупные военачальники во главе с Тухачевским.

После расстрела военных Сталин делает вывод: «Еще год-два, и полная консолидация внутри страны будет закончена. Теперь все пойдет проще. Армия выключена из политической игры навсегда, НКВД в его руках, с его помощью он доведет до конца кадровую революцию в партии и государстве».

Автор использует прием кольца, которое развивает идею о необходимости кадровой революции в стране и способах ее реализации. В романе «Дети Арбата» автор пытается ответить на вопрос: почему был убит Киров, и рисует руководителя ленинградской партийной организации человеком объективным, способным правильно оценить по-

литические действия не только своих соратников, но и оппонентов, на что совершенно не был способен маниакально подозрительный Сталин.

В каждом из фрагментов, связанных с образом Кирова, развивается эта тема и активно функционируют лексемы, входящие в концепт «политика» (наиболее частотны существительные партия, политика, прилагательное «политический»). Об Енукидзе: «Я думаю, вы несколько сгущаете краски, нахмурился Киров, просто не дело Енукидзе писать такие брошюры, он не историк и не писатель. Я сомневаюсь, что он хочет дискредитировать партийное руководство. Он честный, искренний человек и любит вас». О ленинградской парторганизации: «Таковы, к сожалению, издержки демократического централизма: любая партийная организация может временно пойти за своим руководством по ошибочному пути. Рядовые члены партии в этом не виноваты, и наказывать их за это мы не имеем права». Но основные раздумья Кирова – о Сталине, объективная, с его точки зрения, оценка деятельности которого принесла Кирову смерть: «Все годы он поддерживал Сталина, его линию, боролся с его врагами, подымал его авторитет, делал это искренне, убежденно, хотя ему были неприятны многие личные черты Сталина. Но надо уметь отделять личные качества от политических». «Сталина устранить невозможно. Убедить его в чем-либо тоже невозможно. Он соглашается с тобой только для вида, для маневра, свои политические шаги рассчитывает надолго. За его невинными на первый взгляд предложениями написать статью против Енукидзе, переехать в Москву стоят какие-то дальние политические соображения... От сознания собственного бессилия Кирова охватывало отчаяние».

В романе Ю. Домбровского «Факультет ненужных вещей» в сценах допроса Зыбина ключевыми словами являются два антонима (советский и антисоветский): советская власть, советская действительность, советский гражданин, советское правосудие, советский суд, советские чекисты; антисоветская агитация, лига, организация, антисоветские выпады, высказывания, разговоры и др. В речи одного следователя: «За что все здесь сидите? За подлую антисоветскую деятельность вы здесь сидите... Ну? Долго я вас спрашиваю, мы с вами в молчанку будем играть? Да не отворачивайся, не отворачивайся! – закричал он вдруг... Что глаза-то прячешь? Когда родную Советскую власть японцам продавал, тогда небось не прятал?»

В диалоге Зыбина и другого следователя: «Затем Зыбина снова отвели в кабинет Хрипушина, и опять началась та же детская игра.

А игралась она так. (Оба сидят усталые, распаренные, обоим все это до чертиков надоело).

– Ну, когда же мы будем рассказывать... о подлой антисоветской деятельности, – говорит следователь.

– Подлостями не занимаюсь, – отвечает зек.

– Так что же вы думаете, – скучно и привычно тянет следователь, – мы так ни с того ни с сего забираем советских граждан!... – Зевает.

– Может быть, – отвечает зек».

Функцию выделения тематического ядра политемы и идеологии выполняют и в публицистике. Например, в мемуарах Е. Гинзбург «Крутой маршрут» речь идет о различных вариантах «большого террора» после убийства С.М. Кирова: аресты были целенаправленными: по социальному происхождению, по профессии, по национальности. В 1935-1937 гг. были арестованы члены райкомов, обкомов во всех городах СССР, поэтому при описании событий этого времени – «симфонии безумия и ужаса» автор почти на каждой странице в начале мемуаров употребляет словосочетания: член парткома, член райкома, член обкома, являющиеся не только частотными, но и ключевыми в тех фрагментах текста, где темой является арест коммунистов, находящихся в оппозиции или объявленных оппозиционерами – врагами народа. Например, в главе девятой: «...я сразу узнала, что меня вызывают в *райком партии*», «*секретарь райкома* – мой бывший слушатель по Татарскому коммунистическому университету», «я и все члены *бюро райкома* знали, что вопрос об исключении предрешен», «в том, что этот парень стал *секретарем райкома*, немалая доля и моих усилий», «у дверей райкома дежурил муж».

В сценах допросов бесконечно повторяется словосочетание «член подпольной террористической организации» (группы), что вменяется в вину арестованной. Например: «Свидетель Дьяконов, вчера на допросе вы заявили, что в редакции существовала *подпольная террористическая группа* и обвиняемая входит в нее», в обвинительном заключении: «троцкистская *подпольная террористическая группа*, ставившая целью реставрацию капитализма и физическое уничтожение руководителей правительства».

4. Функция воссоздания дискуссионной ситуации. В произведениях названных выше авторов часто воспроизводятся речевые ситуации, где реализуются особенности публицистического стиля в его устной форме (в форме монологов и диалогов): собрания, дискуссии, бесе-

ды на политические темы. В этом отношении показательно в романе А. Рыбакова «Дети Арбата» собрание, где рассматривается дело героя трилогии Саши Панкратова, которое проводится по установленному ритуалу, в связи с чем выделяется несколько фрагментов текста, ключевыми словами которых являются политемы и идеологемы.

1) Речь аспиранта Лозгачева переполнена политемами, входящими в состав газетных клише: антипартийные выступления, вылазки против марксизма, притупление политической бдительности, политическая диверсия и др. В выступлении монологе много оценочной лексики: пособники, вылазки, злобные, клеветнические.

2) Реплики из зала также содержат эмоционально-оценочную лексику и фразеологию:

« – Позор! – выкрикнул Карев, студент четвертого курса... известный всему курсу демагог и подлипала».

« – Дурачка строит! – выкрикнул опять Карев».

« – Запутывает дело! – крикнул еще кто-то» (Рыбаков, 1987, с. 34 – 36).

Подобные реплики заставляют вспомнить статью Л.П. Якубинского «О диалогической речи», написанную в 1923 г., где исследователь классифицирует адресатов речей на две группы: те, кто пассивно реагирует на выступления ораторов, и те, кто активно реагирует, произнося так называемые «подталкивающие» реплики.

3) Покаянные речи студентов, обвиняемых в «притуплении бдительности»: «Бледный Ковалев вышел на трибуну. – Я должен честно признать: когда шел сюда, мне не была полностью ясна политическая суть дела, казалось, что это шутка, глупая, неуместная, но все же шутка. Теперь я вижу, что мы все оказались орудием в руках Панкратова».

4) Полемическое выступление Панкратова. В первой части его цитируется выступление оппонента: «Мне предъявлены тяжелые обвинения, – начал Саша, – товарищ употребил такие выражения, как политическая диверсия, антипартийное выступление, злопыхательство». Затем Панкратов мотивированно отводит обвинения, и в том числе самое главное обвинение в политической диверсии.

Однако решение собрания было принято заранее, поэтому в заключении секретаря партбюро нет и намека на дискуссионность обсуждаемых вопросов, поэтому здесь нет и этикетных формул, характерных для заключения: «Он уже не улыбался, не усмехался, рубил категорическими фразами: Панкратов рассчитывал на безнаказанность. Рассчитывал на высоких покровителей. Был уверен, что *партийная* организа-

ция спасует перед их мнениями. Но для партийной организации дело *партии*, чистота *партийной* линии выше любого имени, выше любого авторитета... Стыдно смотреть на *комсомольцев* Руночкина, Полужан, Ковалева. И это без пяти минут инженеры, советские специалисты. Вот таких беззубых, политически беспомощных людей воспитал товарищ Янсон. Вот почему они так легко становятся игрушкой в руках *классового врага*».

Пolemическая ситуация выявляет и общую направленность политического мышления героев произведения. Выступления студентов и преподавателей свидетельствуют о том, что они согласны с обвинением Саши, согласны с оценкой партбюро и ведущей линией партии в поисках врага среди ни в чем не повинных людей. В связи с этим журналистка Н. Железнова высказала мысль о том, что роман А. Рыбакова – это «своего рода открытый процесс над баулиными и столперами, дяковыми и шароками, равно как и над их «вдохновителями». Зло персонифицировано и названо по имени...».

Роман В. Дудинцева «Белые одежды», как и произведения А. Рыбакова, характеризует яркая политическая направленность. Написанное на основе изучения реальных фактов (исторической основой романа послужили события 1948 г.: доклад Лысенко на сессии ВАСХ-НИИЛа и разгром генетиков, отстаивающих теорию наследственности), это произведение изображает политическую борьбу в области биологии, поэтому политическая тема не является в этом произведении основной, а соседствует с научной и философской. Как указывает В. Новиков, «Белые одежды» Дудинцева раскрывают драматическую судьбу отечественной науки через четкое, почти научное разграничение социально-ролевых функций личности: здесь и ученые, переродившиеся в функционеров, и мужественные мученики – хранители истины». Именно в выступлениях ученых, переродившихся в функционеров: в докладе Лысенко, в цитатах из этого доклада, в выступлениях ректора института Варичева, в его речи после ареста вейсманистов-морганистов, в погромном выступлении Брузжака широко представлены политемы.

В романе «Белые одежды» демонстрируется строгое соблюдение ритуала в проведении собраний: «организация собрания с очередью, предоставлением слова, председателем». В кратком вступительном слове председателя задается тон собранию и называется его проблематика: « – Товарищи! – провозгласил он. – Мы все, деятели многочисленных ветвей *советской* биологической науки, празднуем в эти дни

выдающуюся победу *мичуринского* направления, возглавляемого Трофимом Денисовичем Лысенко...» Как отмечает автор: «выбрав еще раз вейсманистов-морганистов, академик открыл собрание и предоставил слово для доклада ректору Петру Леонидовичу Варичеву».

В. Дудинцев активно использует ключевые слова и словосочетания публицистического стиля для воссоздания атмосферы собраний 40-х гг.: президиум, лозунг, председатель, трибуна, доклад, открыть собрание, предоставить слово, докладчик, аплодисменты, оратор, формулировка, комиссия, позиция, антинаучный, советская наука, самая передовая наука и т. п.

Закономерным для научных докладов является прием цитации, обусловленный выбором докладчика, но для ситуации, которая описывается в романе «Белые одежды», был обязателен прием цитирования литературы, утвержденный сверху, в данном случае – высказываний Лысенко, опорными словами которых были лексемы «советский» и «буржуазный». Затем ректор Варичев развивает свою мысль: «Неспроста новая *советская* биология была встречена в штывки представителями *реакционной зарубежной* науки... И даже в нашем институте нашлись, с позволения сказать, ученые, избравшие ареной борьбы против научной истины девственное сознание *советских* студентов».

Л.П. Якубинский пишет о возможности жестового реагирования слушателей на выступление ораторов. На собрании, о котором идет речь в романе, также отмечена молчаливая, жестовая реакция слушателей монолога ректора Варичева. «Федор Иванович радостно поднял брови: похоже, что ректор составлял свой доклад таким же методом, как и они с Цвяхом. И по тем же источникам». «Василий Степанович в президиуме оторопело смотрел на докладчика, тер затылок... В президиуме Цвях быстро листал свой доклад и решительными движениями поспешно вычеркивал что-то». Жестовая реакция обусловлена повторением опорных слов доклада Лысенко на сессии ВАСХНИИ-Ла в выступлении Варичева, с которым собирался начать свой доклад и Цвях: советская наука – мичуринская наука, буржуазная наука – вейсманистско-морганистские бредни.

Конец основополагающего доклада на собраниях и заседаниях предполагал произнесение здравицы в честь советской науки и осуждение враждебных теорий, что и делает ректор. «Выбирайте сами, что вам по душе – присоединяйтесь к победоносному шествию советских ученых, возглавляемому нашими маститыми знаменосцами, и вместе с нами

творить будущее или же, будучи отброшенными на задворки истории, оказаться на свалке вместе с такими приятными соседями, как Мендель, Морган и Вейсман».

Н.А. Александрова (1986), Е.С. Большакова (1979), А.Н. Соколов (1980), Е.С. Троянская (1990) писали о речевом этикете, нормах научного общения, которые «не действовали» в 30-50-е гг. в нашей стране и до сих пор не усвоены многими участниками дискуссий, о чем свидетельствуют заседания в Думе в наше время.

Исследователи справедливо считают, что в любой дискуссии тесно переплетаются информативная, оценочная функции и функция убеждения, но, убеждая аудиторию, выступающий обязан снизить категоричность до минимума, высказывая уважение к оппоненту.

В текстах произведений А. Рыбакова и В. Дудинцева отсутствуют все перечисленные в указанных выше работах средства и приемы ведения научной дискуссии, в результате чего монологи и диалоги на партийных собраниях имеют сходство с диалогами особого содержания – допросами. Например, в романе «Дети Арбата» на собрании:

« – Все случившееся я считаю большой ошибкой, – начала Роза.

Ошибки бывают разные!

– Я считаю это *политической* ошибкой.

– Так и надо говорить сразу, а не когда тянут за язык.

– Я это считаю грубой *политической* ошибкой. Я только прошу принять во внимание, что я предлагала написать передовую.

– Вы думаете, это вас оправдывает?».

На допросе: «Дьяков встретил его официально.

– Завершим институтское дело, – деловито сказал Дьяков. – Но ошибки имеют объективные причины и объективные последствия. Так ведь?»

Для Дьякова человек – всего лишь единица, нужная для заполнения протокола, и протокол нужен для вынесения этому человеку приговора.

«– Итак, Панкратов, каковы объективные причины и объективные последствия ваших ошибок?.. Разберемся, – лекторским тоном объявил Дьяков. – Будь в вашем институте здоровая *политическая* обстановка, выпуск такой стенгазеты оказался бы невозможен. Но здоровой *политической* обстановки не было. Криворучко руководил подпольной *антипартийной* организацией, она раскрыта, ее участники разоблачены и арестованы. Они здесь, у нас, и во всем признались...».

Заседание ученого совета в романе «Белые одежды» напоминает партийные собрания в произведениях А. Рыбакова. Например, в речи Брузжака:

« – Надо, надо, товарищи, наконец... Наконец и навсегда! Покончить с остатками непомерно затянувшейся дискуссии, разоблачить и разгромить до конца антинаучные концепции менделистов-морганистов-вейсманистов... Не распускайте здесь идеалистических соплей! Жалость ему подай! Сострадание! – Саула переполняла ирония. – Слышали мы таких материалистов. Такими разговорами пытаются связать руки победившего пролетариата! Чтоб в конечном итоге затащить в лагерь правых реставраторов капитализма! Бить надо таких слюнтяев! Крепким рабочим кулаком!».

Выступления депутатов Государственной Думы также категоричны и безапелляционны: «В этой ситуации нет выбора. Что толку дискутировать на тему «законно это или незаконно»? Совершенно очевидно: все акции, любые военные операции законны! И они должны проводиться решительно и беспощадно» (О. Морозов, стенограмма заседаний, 1999).

В речи политизированных участников дискуссий отсутствуют вводные слова: по моему мнению, мне кажется, может быть, по-видимому, существительные, глаголы, прилагательные, связанные с сомнением, раздумьями, размышлением: вызывает сомнение, взвесить, обсудить, дискуссионный, неоднозначный и т. п.

Кроме того, в контексте политических и научных терминов функционирует военная лексика и фразеология (см. об этом Баранов, Караулов, 1991): вылазка, окоп, орудие, разоружаться, бой и газетные клише, возникшие на базе военной лексики: дать отпор, выступить с открытым забралом, встретить в штыки, на линии огня, передовой отряд и т. п.

«Мы не против рынка, мы не воспринимаем его в штыки, – объявил Е. Строев в дискуссии, – Мы, наоборот, поддерживаем его. Так же, как не против лозунгов монетаристов. Мы не с ними воюем. Мы выступаем с открытым забралом. Мы воюем с безумием, которое творится под ними». Заявление А. Куликова: «Нас предавал Кремль» («Российская Федерация»).

Как уже отмечалось, в выступлениях политизированных участников дискуссий в лексическом окружении политических и научных терминов репрезентирована бранная лексика и фразеология: пошлятина, двурушник, оказаться на свалке, фальшивка, бредни, хлам, дохлая собака и т. п. Немало подобных примеров дает практика думских дебатов.

Дискуссионная ситуация возможна не только на собраниях и заседаниях. В диалогах двух, трех собеседников может проявляться различие в мировосприятии и мировоззрении, тогда и здесь в роли ключевых слов выступают политемы и идеологемы.

Например, в романе А. Солженицына «В круге первом» в тюрьме для специалистов, занимающихся созданием устройства для определения, кому принадлежит голос говорящего по телефону, в «марфинской шарашке» постоянно ведутся политические споры тремя главными героями произведения Рубиным, Нержиным и Сологдиным.

В авторском тексте объясняется причина бесконечных споров: «Рубин же от первой камеры фронтовой контрразведки и потом во всей веренице камер бесстрашно вызывал на себя всеобщее иступление гордым заявлением, что он – *марксист* и от взглядов своих не откажется и в тюрьме». В диалоге Рубина и Нержина в начале романа:

«– Ты сознательно залепил глаза... В торжество вашего чертова коммунизма ты насилуешь себя верить, а не веришь!

– Да поднимись ты выше своей точки зрения! Да взгляни же в историческом разрезе... *Исторический материализм* не мог перестать быть истиной из-за того только, что мы с тобой в тюрьме».

В середине романа: «– Дурень! Как можно сравнивать людей, вредящих *социализму*, и людей, служащих ему?

– Слушай, какие такие нравственные идеалы социализма ты мне назывешь?.. Ведь весь и всякий *социализм* – это какая-то карикатура на Евангелие. Социализм обещает нам только равенство и сытость, и то принудительным путем».

В споре с Сологдиным: «Один раз договори! Один раз – не увертывайся! *Класс* новый, *класс* правящий – есть или нет?

Ах, как трудно было Рубину ответить на этот вопрос! Потому что Рубин и сам видел этот *класс*. Потому что укоренение этого класса лишило бы революцию всякого и единственного смысла».

«– Так запомни: чем выше цель, тем выше должны быть и средства! Вероломные средства уничтожают и самую цель!

– То есть как это вероломные? Может быть, ты отрицаешь средства *революционные*?

– Да разве у вас *революция*? У вас одно злодейство, кровь с топора! Кто бы взялся составить только список убитых и расстрелянных? Мир бы ужаснулся!».

5. **Функция развития сюжета.** Обратимся вновь к трилогии А. Рыбакова – произведениям автобиографическим. Прототипом Саши Панкратова был автор с его типичной судьбой молодого человека в нашей стране: патриотизм, вера в осуществление надежд на построение коммунизма в нашей стране, арест безвинного человека, тюрьма, ссылка, крушение надежд, страх, постепенное познание истины.

Ориентация на политическую обстановку в стране в 30-е гг. XX в. обусловила важную роль политической лексики в развитии сюжета трилогии, хотя этот сюжет многослоен, развивается и однолинейно, и концентрическими кругами, связывая различные судьбы персонажей в одну – «образ молодого человека 30-х гг. XX столетия» (Железнова, 1990, с. 12).

А. Немзер отмечает: «Смысловые эффекты в рыбаковском романе появляются от взаимодействия сцен из разных сюжетных линий, событийно впрямую не связанных: мотивная переключка бросает новый свет на ситуации, которые, на первый взгляд, казались лишь сухим протоколом. Вступив в реакцию, «далековатые» эпизоды и выделяют смысловую энергию».

Начало романа-эпопеи – Москва, Арбат, герой – студент, молодой член партии, активный общественник, но начинает проводиться в жизнь формула Сталина «лес рубят – щепки летят», и герой становится «этой самой щепкой в круговороте политических интриг» (Л. Аннинский). Ключевыми словами в речевой зоне Саши Панкратова в связи с этим становятся политемы и идеологемы, повторяющиеся в различных фрагментах текста, связанных с узловыми моментами его романной биографии: политический и антипартийный.

На партийном собрании в институте, где учился герой трилогии, были сделаны выводы о «притуплении *политической* бдительности», о «*политической* диверсии» (что выразилось в дружеских шаржах на отличников учебы, непонимании роли марксистского учения в развитии советской бухгалтерии): «Мне предъявили тяжелые обвинения, – начал Саша, – товарищ Лозгачев употребил такие выражения, как политическая диверсия, *антипартийное* выступление, злопыхательство...».

«*Политическая* оценка» дается Панкратову на партийном бюро и в райкоме. Его исключают из института «как организатора антипартийных выступлений» и арестовывают.

В Бутырской тюрьме он сидит «как *политический*». В этом фрагменте текста постоянно противопоставляются два гипонима: *полити-*

ческий и уголовный (субстантивированные прилагательные, служащие для конкретизации гиперонима заключенные). Например: «Саша протянул миску. Раздатчик, из *уголовных*, положил в нее ложку каши... В коридоре сидели *политические*... Второй – молодой *уголовник* – ... стал лицом к стене – не имел права ни смотреть на проходящего заключенного, ни показывать ему свое лицо».

Следователь Дьяков требует от Панкратова «дать самому себе *политическую* оценку» и подписать следующее заявление: «...Я признаю своей *политической* ошибкой выпуск к шестнадцатой годовщине Октябрьской революции *антипартийного* номера стеной газеты и то, что вовлек в выпуск этой стеной газеты студентов Руночкина, Ковалева, Полужан и Позднякову. Также признаю своей *политической* ошибкой защиту Криворучко. Я признаю, что выпуск к шестнадцатой годовщине Октябрьского номера стеной газеты явился частью *антипартийного* курса, который проводил в институте Криворучко» (Рыбаков, 1987, с. 164).

Первый год в ссылке герой верит Сталину, собирается писать ему письмо, по-прежнему оперируя политическими терминами, противопоставляя себя другим ссылкой: «Всеволод Сергеевич, Маслов чужды *Советской власти*, чужды *партии* и потому не имеют морального права обращаться к Сталину». В письме к Сталину он отмечает: «Более половины срока я отбыл. Но за что осужден – не знаю. Я ни в чем не виноват. Я учился в *советской* школе, в советском вузе, был *пионером*, *комсомольцем*, работал на заводе, хочу быть полезен стране, а обречен на бездействие. Так жить невозможно. Прошу Вас о пересмотре моего дела. С глубоким уважением А. Панкратов» (Рыбаков, № 9, 1988, с. 38).

Письмо Панкратов не посылает, так как начинает понимать истину, а в его рассуждениях политическая лексика начинает функционировать только для наименования состояния героя в прошлом: «А он, дурачок, всегда считал себя большим политиком: комсомольский вожак, мечтал когда-то поступить в Свердловский коммунистический университет, потом в Институт красной профессуры, мечтал стать *партийным* работником».

В третьем романе – эпопее «Страх» через осмысление сущности политических процессов 37 – 38 гг. Саша расстается со своими иллюзиями. Политическая лексика исчезает из его лексикона. Ключевыми словами в речевой зоне этого героя становятся оценочные лексемы страх и ужас.

Политическая лексика играет ведущую роль в развитии еще одной сюжетной линии в романе-эпопее А. Рыбакова. В романах «35 и другие годы», «Страх» развивается сюжетная линия, связанная с одним из школьных друзей героя трилогии – журналиста Марасевича, в речевой зоне которого активно функционируют антонимы «советский – антисоветский».

После выхода замуж его сестры за французского журналиста Марасевич с тревогой рассуждает о своем будущем: «Можно представить, какие ушаты грязи будет выливать на *советскую* страну ее муженек. Ее муженек и его зятек... Да, да, его, Вадима Марасевича, зять, муж его единственной сестры будет публиковать в парижской прессе злобные *антисоветские* статьи. Ну и ну».

Марасевича обвиняют в контрреволюционных разговорах, после чего на протяжении всего романного времени прилагательные «советский» и «антисоветский» повторяются в каждой реплике Марасевича, независимо от адресата речи (следователь, Шарок, отец, он сам). Например, в разговоре с Шароком: «С кем вы вели *контрреволюционные антисоветские разговоры?*» «– Какие разговоры, что за глупости? Я ни с кем не мог их вести. Я честный *советский* человек». Показательна ответная реплика Шарока: «Нет такого советского человека, который хоть раз бы не сказал какую-нибудь *антисоветчину*».

Выясняется, что «дело» Марасевича связано с анекдотом, рассказанным парикмахеру, с которым устраивается очная ставка. Здесь в диалоге Вадима и следователя прилагательное «советский» репрезентировано трижды, а его антоним – «антисоветский» – восемь раз. Например:

«– Я спрашиваю, – повторил Альтман, – как вы расцениваете этот анекдот, *советский* он или *антисоветский*?

– Но ведь это анекдот, – сказал Вадим.

– В котором повторяются слова шпиона и убийцы Радека про нашего вождя товарища Сталина, издевательские слова, – подхватил Альтман, – так это советский анекдот или *антисоветский*?

– Антисоветский, – выдал из себя Вадим».

Те же функции развития сюжета выполняют политемы и идеологемы в мемуарной литературе, указывая на постоянство или изменение мировосприятия автора мемуаров на протяжении определенного периода в его жизни.

Так, в книге «Крутой маршрут», Е.С. Гинзбург до ареста и в первые месяцы ареста – человек, убежденный в правоте идей марксизма-

ленинизма, особо переживающий исключение из партии. В связи с этим первые главы книги (60 страниц) перенасыщены существительным «партия» (62 употребления) и прилагательным «партийный» (25 употреблений). В конце книги после описания допросов, тюремной, лагерной жизни перед читателем предстает другой человек, у которого изменилось мировоззрение, что обусловило и изменение словоупотребления. На последних 60 страницах мемуаров только 8 раз представлено слово «партия» и 4 – «партийный», при этом в особой речевой ситуации: 1) в речевой зоне бывшего секретаря комсомола, 2) в речи полковника, выдающего Е. Гинзбург справку о реабилитации.

« – А это что?

– Телефон комиссии партконтроля. Сюда будете звонить по вопросам о восстановлении в *партии*.

– Что-о?

– Вы разве не хотите партийной реабилитации?

– Я... Я... Я просто не верю своим ушам. Мне предлагают вернуться в ряды правящей *партии*».

Но автор мемуаров стал уже другим человеком. Невозможно представить следующую фразу в ее устах в начале книги: «Господи! Это не сон. Ты вывел меня с Колымы... Дар благодарности – редчайший дар. Все мы неистово зываем «помоги!», когда гибнем, но очень редко вспоминаем об источнике своего спасения, когда опасность отступила. На своем крестном пути я видела десятки, даже сотни научнейших марксистов, как говорится, в доску отчаянных ортодоксов, которые в страшные моменты жизни обращали свои искаженные мукой лица к Тому, чье существование они так авторитетно отвергали... Но те, кому удавалось спастись, благодарили за это не Бога, а в лучшем случае Никиту Сергеевича Хрущева».

В заключение позволим себе привести цитату из статьи критика Н. Ивановой, где убедительно показана роль художественных произведений периода перестройки в плане создания истинного образа советской эпохи в отличие от исторических сочинений. «Литература, – пишет она, была нашим всем», добровольно аккумулируя не свои функции: социолога, философа, политолога, психолога и так далее, осуществляла работу историка». И далее: «Комментарии и концептуальные работы историков – профессионалов явно отставали от литературы. Исторические знания читатель получал прежде всего из литературных текстов. Само их содержание воспринималось как

исторически достоверное, как историческая правда о событиях и людях 20-х, 30-х, 40-х, 50-х, 60-х гг. в противовес псевдоистории, лжи, которой были полны официальные труды...» (Иванова, 1999, с. 177).

Сказанное, безусловно, справедливо. Именно ролью художественной литературы в формировании нового человека, без шор наблюдающего за событиями прошлого, обусловлено исследование функций политем и идеологем в художественных текстах политической тематики.

Таким образом, в лингвистической науке существует много подходов к определению понятия «функции языковых единиц». В книге принято определение функции, данное А.В. Бондарко: «Способность языковой единицы к выполнению определенного назначения» (Бондарко, 1985, с. 29). Политемы и идеологемы организуют политический текст, выполняя различные функции и в то же время, выступая в различных функциях в политическом тексте, они реализуют свое основное содержание в этом тексте.

В данном исследовании рассмотрены две функции анализируемых лексем: номинативная и аксиологическая, прагматическая (оценочная), кроме того, как дополнительный материал, представлены особые функции относительных прилагательных, входящих в семантическое поле «политика». Признавая дискуссионным вопрос об эстетической функции политем и идеологем, автор позволил себе поместить в работе, где идет речь о политическом языке, о ключевых словах политических текстов, материал, связанный с функционированием политической лексики в художественных произведениях исторического характера, политической тематики.

1. Номинативную функцию выполняют политические термины (политика, власть, монархия, государство и т.п.), терминоиды, полутермины, номенклатурные обозначения (мэр, губернатор, депутат) и терминологизированная лексика (комиссия, карьера, староста, голосовать и т. п.).

Официальные источники (Конституция Российской Федерации, протоколы заседаний Думы, материалы местного управления городов Архангельска и Нарьян-Мара), политологические словари, современные газетные статьи, толковые словари русского языка позволили выделить две группы номинаций: связанные с органами федерального и местного управления. К номинациям органов федерального управления относятся термины: президент – глава государства, парламент – высший законодательный орган, Совет Федерации и Дума – две палаты парламента, депутат. К номинациям местных органов государ-

ственного управления относятся: мэр, вице-мэр, департамент, коллегия, муниципальный и т. п. Весьма показательным является тот факт, что социально-коммуникативная система номинаций в округах, городах, расположенных далеко от центра, оставалась стабильной и в перестроечное, и в послеперестроечное время.

Новое усваивается в течение длительного времени, поэтому в современных газетных текстах находим целый ряд синонимов для обозначения главы местной власти: мэр, губернатор (речь идет о городской власти – *О.В.*), градоначальник, воевода (в ироничном тексте).

1 Политическая перестройка общества 80 – 90-х гг. XX столетия отразилась в языке, где наблюдаются важные процессы изменения в лексической системе.

1) Регулярным способом пополнения политической лексики являются заимствования, поскольку переход на новую систему экономических отношений, тесная связь экономики с политикой, смена идеологических установок привела Россию к сближению с мировыми державами демократической формы правления.

2) В систему политических номинаций вернулись наименования, существовавшие в русском языке до 1917 г.: Дума, губернатор, земство, староста, казначей, чиновник и др.

3) Сохранились номинации власти советского периода: отдел, комитет, комиссия, председатель.

В связи со сказанным система номинаций политического управления характеризуется дублетностью (Конституция – основной закон, референдум – всенародное голосование, демократия – народовластие, муниципальный – местный и т. д.).

2. Аксиологическую (оценочную) и прагматическую функцию политемы и идеологемы выполняют в публицистических, газетных, художественных текстах политической тематики.

В политической коммуникации оценочность играет ведущую роль и осуществляется на уровне рациональной оценки, обусловленной идеологической позицией субъекта речи. Обычно в политических выступлениях, дебатах функционируют слова с узуальной оценочностью (гражданский, правовой, демократ, диктатура и т. п.), но в эмоционально-экспрессивной речи современных политиков и журналистов представлены и окказиональные оценочные слова (жирики – о членах ЛДПР, коммуняки – о коммунистах, дерьмократы – о демократах, привхатизатор – о Чубайсе и т. п.).

При этом учитывалось следующее: 1) относительное прилагательное соотносится с именем существительным архисемами, что позволило рассматривать их как слова, выполняющие те же функции, что и производящие лексемы; 2) категориальное значение имени прилагательного обусловило реализацию оценочных потенций относительных прилагательных, поэтому они чаще выполняют аксиологическую функцию, чем имена существительные; 3) в текстах различной стилистической маркированности относительные прилагательные выполняют особые функции, о чем писали Е.Д. Арбатская, Н.Ф. Донцу, С.Е. Караваева, Э.Л. Коробова, Н.Е. Сулименко и другие исследователи.

В книге исследованы следующие функции относительных прилагательных, структурирующих политический текст: идентификации и спецификации (временной и локальной атрибуции), а также эллиптическая функция, возможность относительного прилагательного «обозначать свернутую информацию» (Л.П. Катлинская). Анализ тестов выявил, что семантика эллиптических конструкций ориентирована на определенный запас фоновых знаний у воспринимающего текст, его мировоззрение, мировосприятие.

Особенно важная политическая информация содержится в наименовании политических лидеров и руководителей государства и в словах производных от этих наименований: ленинский, сталинский, хрущевский, горбачевский, ельцинский, путинский, медведевский.

3. Политемы и идеологемы становятся ключевыми, опорными в исторических произведениях, в художественных произведениях с преобладающей исторической тематикой, выполняют здесь особые эстетические (образные) функции: создание образа эпохи, образа персонажа в контексте его социальной обусловленности, функцию выделения тематического ядра, воссоздания дискуссионной ситуации, функцию развития сюжета.

2. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПОЛИТЕМ

В данной части книги, предлагаемой читателю, для анализа берутся слова, входящие в микросистему «политическая лексика». Под микросистемой лексических единиц понимается группа слов, обладающих сходным лексико-грамматическим содержанием, общими компонентами значения, содержащих сходные семы, имеющие «одинаковый семантический ореол» (РСС, с. 3). Это группа слов, выделяемая на основе тематической общности ее элементов, функционирующих в однотипных фрагментах текста (своеобразном типологическом ряду), но связанных с содержанием всего текста.

Показательны статьи «Русского семантического словаря», где взятые для использования слова входят в одно «гнездо». В статье «политика» содержатся лексемы: «политический», «партийный», «социалистический», «советский», «буржуазия». В статье «буржуазный»: «партия», «политика», «социализм»; в статье «советы»: «буржуазия», «социалистический», «политика», «партия», «политический», «советский».

Для выявления специфики «политического языка» необходимо знание состава общественно-политической лексики, особенностей семантической структуры политем, характера их поведения в речевом акте, в тексте определенной идеологической направленности.

Почти все современные исследователи (Т.Б. Алисова, Н.Д. рутюнова, Г. Гак, А.А. Ивин, Е.М. Вольф и др.) подчеркивают, что прилагательные семантически не самостоятельны, поскольку качество, признак не существуют сами по себе, без носителя, а на значение прилагательного всегда проецируется значение носителя признака. Вероятно, это утверждение обусловило специфику словарных статей в современных толковых словарях русского языка, где, как правило, фиксируется словообразовательное значение относительного прилагательного. Например, в БАС: ПРОКЛАМАЦИОННЫЙ – «относящийся к прокламации, свойственный ей» (т. 11, с. 1182).

Однако и при выборе дефиниции в толковом словаре, и при определении текстового значения относительного прилагательного следует учитывать, что словообразовательное значение «отношение к определенному предмету» может варьироваться, создавая основу для появления собственно лексических значений у производных слов. Конечно, производное слово сохраняет семы производящего (политика – политический, экономика – экономический). Как отмечает Е.С. Кубрякова,

в процессе словообразования производное слово получает денотативную соотнесенность через денотат мотивирующей единицы (Кубрякова, 1981). Так у прилагательного партийный после 1917 г. происходит сужение значения как следствие политических процессов, установления однопартийной системы руководства страной: «относящийся к деятельности ВКП(б), КПСС», а не к деятельности любой партии, ибо основным значением мотивирующего слова (партия) в этот период становится «ВКП(б)», «КПСС».

Представляется, что в словарных статьях следует выделять собственные значения и оттенки значения относительных прилагательных, демонстрируя одновременно и связь производного слова с производящей основой. Особенно важны подобные дефиниции относительных прилагательных, входящих в семантическое поле «политическая лексика», возможные эмоционально-оценочные семы которые обычно не фиксируются толковыми словарями.

Например, в МАС в словарной статье «буржуазный» дана отсылка: «прил. к буржуазия; свойственный буржуазии. Буржуазная пресса. Буржуазные партии. Буржуазный быт» (т. 1, с. 126). Но здесь не выделено значение, свидетельствующее об окачествлении относительного прилагательного: «мещанский, свидетельствующий о дурном вкусе», хотя материалы картотеки «Словаря современного русского литературного языка» Института лингвистических исследований РАН указывают на наличие такого значения прилагательного уже в текстах XIX в. Второе значение прилагательного толкуется в МАС следующим образом: «характеризующийся господствующей ролью буржуазии, осуществляемый в интересах буржуазии. Буржуазная революция. Буржуазная республика. Буржуазная демократия». Но здесь не указано на типовое употребление слова в речевой практике советских людей, начиная с 1917 г., – «неприемлемый с точки зрения советского человека» (буржуазные нормы поведения, буржуазные взгляды), «более низкого качества по сравнению с советским», «не отвечающий истине, отсталый, содержащий вредную для советского человека идеологию» и т. п. (буржуазная наука, литература, буржуазное искусство).

Без такого выделения оценочных значений относительных прилагательных читатель не будет иметь представления об отношении членов социума к политическим событиям, понятиям в разные периоды истории данного общества. Следует также отметить, что окачествленные относительные прилагательные непосредственно репрезентируют кон-

нотативные семы (политические игры, советская гордость, партийная совесть), что позволило многим устойчивым атрибутивным сочетаниям слов стать штампами в устной и письменной речи 20-х – 30-х гг. XX в.

Процесс окачествления относительных прилагательных, входящих в изучаемую микросистему слов, связан с актуализацией в определенном тексте скрытых оценочных сем, присущих семантической структуре слов этого типа, и в то же время связан с характером текста, где функционируют относительные прилагательные, который может наводить в семантическую структуру относительного прилагательного качественные и оценочные семы. Процесс окачествления относительных прилагательных обусловлен различием восприятия общественно-политической лексики представителями различных социальных групп, возможностью номинации одного и того же явления действительности как положительного или отрицательного. В.В. Виноградов хорошо показал этот процесс на примере употребления относительного прилагательного «митинговый». «Качественное значение, – пишет он, – в производных прилагательных является вторичным. Оно вытекает из качественной оценки предметного отношения или качественного осмысления действия. Например, «митинговый» прежде всего обозначает отношение к митингу: митинговый оратор, митинговая речь. Но на это значение наслаивается иное, качественно-оценочное, которое заключает в себе буржуазную квалификацию предмета, как бы выросшую из его суждений о связи его с митингом: развязный, небрежный, недостаточно чинный, демагогически грубый (об изложении, манере поведения, с оттенком пренебрежения): митинговые выпады, митинговые замашки».

Материалом исследования явились словари иностранных слов и толковые словари русского языка конца XVIII – XX вв., газета «Правда» за 1934 – 1948 гг., общественно-политические журналы и газеты 1985 – 1998 гг., тексты, представленные в «Картотеке словаря современного русского языка» Института лингвистических исследований (СПб), где зафиксированы особенности типового словоупотребления носителей русского языка в советский период, обусловленного определенной системой ценностей, характерной для данного социума.

В текстах анализируемых произведений воспроизводятся особенности речи разных социальных групп советских людей 30 – 50-х гг. XX столетия в условиях идеологизированного общества, на которых сильное влияние оказал язык газет. Для языка газетных публикаций, как отмечают В.Г. Костомаров и Г.Я. Солганик, характерно сочетание и

чередование языковой экспрессии и стандарта, по-разному проявляющихся в различных газетных жанрах.

В текстах газеты «Правда» 30 – 40-х гг. широко представлены информемы (советское правительство, политическое руководство, партийные кадры, социалистический способ производства и т. п.) и экспрессемы (политическая дребедень, буржуазные сказки, партийные дразги и т. д.) стандартного характера. Следует отметить, что в прессе 30 – 40-х гг. экспрессемы преобладают над информемами. Приведем пример – текст статьи, опубликованный в «Правде» 17 декабря 1934 г. под заголовком «Беспощадно выкорчевать остатки разгромленных врагов», где широко представлены экспрессемы и информемы, передающие колорит эпохи, являющиеся средством исторической стилизации.

«Гнусные, коварные агенты классового врага, подлые подонки бывшей зиновьевской антипартийной клики вырвали из наших рядов т. Кирова. Перводекабрьский выстрел в Смольном в одного из крупнейших деятелей нашей партии и ее сталинского ЦК, в лучшего соратника и друга т. Сталина, в руководителя ленинградских большевиков товарища Кирова – окончательно снимает маску со злейших врагов ленинской партии и рабочего класса – злых подонков бывшей зиновьевской антипартийной группировки. Коварные агенты классового врага оказались физическими убийцами вождя социалистической революции».

Использовались также исследования ведущих политических деятелей 80 – 90-х гг. (А.Д. Сахарова, А.Н. Яковлева, Е.Т. Гайдара и др.) и их оппонентов. Привлекались тексты художественных произведений, поскольку, как свидетельствуют высказывания А. Мейе, А.М. Селищева, Г.О. Винокура, Д.Н. Шмелева, Ю.Н. Караулова и других исследователей, в переломные эпохи того или иного периода развития общества наблюдается очень сильное влияние публицистики на художественную литературу (60 – 70-е гг. XIX в., 20-е гг. XX в., современный период). Все это позволяет передать особенности языка эпохи, проследить те изменения, которые в нем произошли, выявить «языковую личность» определенного времени.

Ведь даже отрицательная оценка регрессивной критики языка произведений А.И. Солженицына, А. Адамовича, Д. Гранина, А. Рыбакова, В. Дудинцева в доперестроечное время и в 80-е гг. была обусловлена советским мышлением критиков. В истории России и других стран наблюдается множество подобных примеров, когда «неприятие стиля» связано с «неприятием содержания», что хорошо показано в книге

Ю.С. Сорокина «Номинация, семантика, семиология». Исследователь подчеркивает: «...история распространения и истолкования этих терминов была еще в более сильной степени связана с развитием идейной и политической жизни русского общества, с борьбой классов и партий... В истолковании этих терминов сталкивались часто противоположные отношения к этим социальным силам и явлениям, которые они призваны обозначать».

Часто в текстах произведений названных выше авторов актуализация потенциальных оценочных сем репрезентируется не в авторской речи, а в речи персонажей, что дает возможность читателю разделить или отвергнуть точку зрения персонажей определенной социальной принадлежности, понять в подтексте интенции автора, если они не выражены прямо, соглашаясь или не соглашаясь с ним.

Авторы многих современных художественных произведений, разоблачающих культ личности, описывающие систему ГУЛАГа, стремятся дать оценку событий 1934 – 1937 и 1948 – 1953 гг. с современной точки зрения, с одной стороны, и точно воспроизвести идеологический климат эпохи, с другой, чтобы избежать упреков в субъективности.

При разном типе и структуре произведений, взятых для анализа, разных масштабов дарований их авторов, используемые произведения объединяет социальная ориентация, гражданский пафос, направленный на восстановление исторической справедливости, стремление точно воспроизвести атмосферу описываемых событий, интерпретация политической темы, что объясняет здесь ключевую роль идеолога.

Большинство современных исследователей изучает семантическую структуру и функции лексем различных микросистем в синхроническом аспекте. История слов реже привлекает к себе внимание лингвистов в наше время, хотя говорить о картине мира, отраженной в текстах различной стилистической принадлежности, не учитывая тех изменений, которые в ней происходили, тех обертонов смысла, которые возникали у данной лексики в данном микротексте в различные периоды развития русского языка, невозможно. Необходим учет культурно-исторических ассоциаций, связанных с анализируемой группой лексики или с отдельными словами, обусловленных «различными ассоциациями, с которыми данный элемент действительности связывается в сознании говорящих» (В.Г. Гак).

В работах более раннего времени (В.В. Виноградова, Г.О. Винокура, Б.А. Ларина, Ю.С. Сорокина, Л.Л. Кутиной, Е.Г. Ковалевской,

И.А. Васильевой и др.) развивалась идея Гумбольдта-Потебни о роли культурно-исторического контекста, фоновых знаниях в адекватном восприятии значения слова.

В этом отношении до сих пор самыми глубокими представляются труды сотрудников петербургского Института лингвистических исследований, составителей уникального «Словаря русского языка XVIII века», начатого Л.Л. Кутиной и Ю.С. Сорокиным, отвечающего в полной мере тем требованиям, которые предъявлял к историческому словарю Л.В. Щерба. «Историческим был бы такой словарь, который давал бы историю всех слов на протяжении определенного отрезка времени, начиная с той или иной определенной даты или эпохи».

В каждом из сборников, книг, созданных членами группы составителей «Словаря русского языка XVIII века» демонстрируется основная идея: необходимо «рассматривать и оценивать языковые явления во временных изменениях, в их движении» (Ю.С. Сорокин).

Современная политическая лексика в основе своей сформировалась в XVIII – XIX веках, а начало этого процесса связано с Петровской эпохой, реформами Петра I во всех областях жизни русского общества, политическими, экономическими и культурными преобразованиями реформатора, что прекрасно показано в книге Е.Э. Биржаковой, Л.А. Воиновой, Л.Л. Кутиной «Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования» (1972). К этому времени относится появление в словарном составе русского языка слов политика, политический, доминантными в исследуемой микросистеме.

ПОЛИТИКА, ПОЛИТИЧЕСКИЙ

Лексема «политика» впервые фиксируется в тексте конца XVII в. (приблизительно около 1676 года) – «Послание Юрия Крижанича царю Федору Алексеевичу» («Известия и ученые записки Казанского университета» 1865, в. 1.). Первая словарная фиксация – «Книга лексикон или Собрание речей по алфавиту с российского на голландский язык» (1717, 161): «Политика. Искусство во гражданстве, искусоправии».

Как и большинство слов интернационального характера, лексема «политика» пришла в западноевропейские языки из латинского *politicus*, восходящего к греческому *politikos* (от *polis* – город, госу-

дарство). Ср. в немецком языке *des politeck*, во французском *politique*, в английском – *polisy*, в польском – *polityk*.

Исходная сема (греческое от *polis* – город, государство) сохраняется в слове при употреблении его в переводном сочинении 1789 г.: «Сокращенный Витрувий, или Совершенный архитектор»: «Политика. Градомудрие, знание обхождения с людьми, живущими во градах» («Картотека словаря современного русского языка» Института лингвистических исследований).

В XVIII в. концепт «политика» рассматривается широко: правила поведения людей в обществе, независимо от того, о каких членах общества идет речь: жителей данного государства или его руководителей. В результате слово политика употреблялось в трех значениях:

1. «Искусство в штатских, гражданских делах, образ действия правительства» (Лексикон Вейсмана, 1731);

2. «Светское обхождение, учтивость» («Словарь иностранных слов», 1769);

3. «Знание располагать в жизни свои дела так, чтобы произошла из них истинная польза» («Словарь Академии Российской», 1769).

В текстах XVIII в. реализуются все три значения:

1. «Но Владимир Святой наставлен был в богословии, но не наставлен показался в *политике*. И как приведением России от тьмы неверия в познание истины, вечных похвал явился достоин, так Российская монархия разделением, не малый славы своей урон сделал, понеже превеликий вред народу русскому принес» («Устав морской», 1720). «Вся наша политика токмо в том состоять должна, чтоб умножать плодородие земли, и мы бы участия имели в изобилии других земель через тщание купечества и фабрикантов» («Ежемесячные сочинения», 1763).

2. «Минора: Изрядный ты кавалер будешь, когда ты к даме столько *политики* имеешь!» (Сумароков. «Мать, совместница дочери»).

3. «Политика учит того, чтоб человек умерял худые качества своего темперамента» (Козельский. «Философические предложения», 1768).

В дефинициях словарей XVIII – XIX вв. выделены не только денотативные семы в структуре этого слова: управление, человек, общество, правитель, народ, гражданский, но и коннотативные за счет включения в дефиницию слов с семой мелиоративной оценки: искусство управлять, благоведение, учтивость, хитрость, ибо «оценка всегда отражает понимание действительности, принятое в данном обществе» (Деева, 1990, с. 115).

В «Письмовнике» Курганова: «Политика. Благоведение, народо-водство, хитрость» (1790). В «Словаре Академии Российской», 1769: «Учтивость, знание обходиться с людьми».

В текстах XVIII в. также реализуется сема положительной оценки, например: «Содержит же в себе политика две вещи, а именно: общие основания политики и то... чтоб знать, как и каким способом при настоящих обстоятельствах крайнее совершенство в сем state получить можно». («Расположение учения», 1728). «Политикою начальствующим особ называю я искусство их управлять своими подчиненными так, чтоб они любили их и почитали» (Козельский, «Философические предложения», 1768).

Отрицательная оценка наводится контекстом: «Если возможно покорити народ, моря голодом? Кое бесчеловечие? Кая зверская политика!» («Похождения Телемака», 1734); «... но мне кажется, что мы излишне смиренны в мыслях о народном своем достоинстве, а смирение в политике вредно. Кто себя не уважает, того, без сомнения, и другие уважать не будут» (Карамзин «О любви к Отечеству», 1803).

Возможность использовать слово «политика» как оценочное осталось в культурно-исторической памяти носителей языка.

Существительное «политика» явилось маркером двух относительных прилагательных: политичный и политический, первоначально не дифференцированных по значению (относящийся к политике в 1, 2 и 3-м значении. В «Лексиконе» Вейсмана (1731): «политичный, в штатских делах, гражданских, в политике искусный»; «политический, гражданский, политичный, лицемерный». В «Московских Ведомостях» (1704): «Король польский zde повседневно в политичных и воинских делах с своими министры разговоры имеет»; у Козельского: «Философы говорят, что прозорливый, то есть политичный человек, страсти свои... скрывать перед другими должен» («Философические предложения»).

Как оценочное слово прилагательное «политичный» сохранилось в языке XIX в. для обозначения этического понятия («тонко и умело действующий с другими людьми», «умеющий себя вести в обществе» – МАС).

Прилагательное «политический» (politisch, politicus) употреблялось в XVIII в. как относительное, воспроизводя денотативное содержание мотивирующей основы: политические дела, деяния, причины, положение России, политический союз и т. п.

В «Словаре Академии Российской»: «Политический. Относительный к правлению государством, к государственным делам. Политическое обстоятельство какого государства, политическое описание какого государства».

Например: «Посмотрим еще, каков он и в политическом или гражданском деле был.» (Ф. Прокопович, «Слово памяти Петра I», 1725), «Политическое положение России требует, чтобы дворянский корпус... в довольстве содержать.» (Щербатов. «О повреждении права в России», 1770).

Оценочное значение имели в ХУШ в. и наречия «политично» «политически». В «Полном французском и российском лексиконе» 1786 г.: «Политически. Благоразумно, искусно, осторожно, хитро». Например: «Но токмо надобно политически под рукою диверсии в империи чинить.» (Архив Б. Куракина, 1711) «Я политично спросил у него об его имени» (Покоющийся трудолюбец», 1784. Сборник документов, 1996).

Но в основном наречие «политически» репрезентирует семантику производящей основы: с точки зрения политики, в связи с политикой. «Теперь не только ты, но и всякий бес упражняется в политике, да и на площадях люди разговаривают политически: делают войну, о мире разговаривают» (Адская почта, 1769); «Политически рассуждая, доколь в Германии продолжается война, интерес и слава империи требуют укрепления границ» (Архив Воронцова, 1762. Сборник документов, 1996).

В XIX – начале XX вв. оценочные семы в структуре анализируемых слов выявляются словарями и при толковании терминов «политика», «политический» в этическом аспекте и в значении управления государством, государственный. В «Словотолкователе 30 тысяч иностранных слов» 1786 г. И. Бурдона: «Политика. Наука о государственном управлении». «Политический. 1. Гражданский, государственный. 2. Также называют иногда людей благоразумных и осторожных». В «Новейшем полном словотолкователе» 1886 г. Мартыновского и Ковалевского: «Политический. 1. Государственный. 2. Хитрый». Словарная статья в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля: «Политика, греч. Наука государственного управления; виды, намеренья и цели государства, немногим известные, и образ его действия при сем, нередко скрывающийся первые. Политика – тухлое яйцо. Суворов. Вообще уклончивый и samotный образ действия... Политик. Умный и ловкий (не всегда честный) государственный деятель; вообще скрытый и хитрый человек, умеющий наклонять дела в свою пользу... Политические дела, виды...» (т. 3, с. 261).

В текстах XIX – начала XX вв. прилагательное «политический», как и мотивирующее его значение существительное, употребляется в составе именных терминологических словосочетаний без коннотаций: вопросы политики, заниматься политикой, политика изменилась, политическое сознание, политическая борьба, политическая свобода, политическое господство, политические вопросы, политическая жизнь (Н.Г. Чернышевский), политическая история, политическая тема, политическая тюрьма, политический преступник (М. Горький) и т. п. Например: «В камере никто не думал о политике, всех интересовал быт» (Л. Толстой) «Политические права касаются главным образом прав голосования» (П. Пестель). «... нигде, как на этих вечерах, не высказывался так очевидно и твердо градус политического темперамента, на котором стояло настроение придворного легитимистского общества» (Л. Толстой). Контекст наводит семы мелиоративной и пейоративной оценки:.

1. Теперь не то: с утра до ночи

Мир политических сует

Мне утомляет ум и очи,

А пользы нет, и славы нет!

Языков

2. «Если я – врач, то мне нужны больные и больницы, если я – литератор, то мне нужно жить среди народа... Нужен хоть кусочек общественной и политической жизни» (Чехов, 1891).

В наше время относительное прилагательное «политический» – одно из самых употребительных слов, входящих в состав общественно-политической лексики, о чем свидетельствуют данные «Частотного словаря», где отмечено 302 употребления этой лексемы.

В современных толковых словарях детально разработаны словарные статьи, где представлены разнообразные употребления этих слов.

В «Словаре русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова политемы представлены следующим образом: «Политика...

«Политический. 1. прил. по значению связанное с политикой (в I знач. деятельность государственной власти в области управления и международных отношений; деятельность той или иной группировки, партии, класса, определяемая целями и интересами). Политические события. Политическая деятельность. 2. Государственный, гражданско-правовой. Политический строй. Политическое устройство. Политический режим. Политические права. Политическая система. 3. В знач. сущ. политический» (т. 3, с. 523).

В БАС: «Политический. 1. Основывающийся на политике, связанный с вопросами политики (в 1 знач.) Политическая партия. Политическая пьеса. Политическое движение. 2. Относящийся к политике (в 3 знач.). Политический заключенный. Политический ссыльный» (т. 10, с. 1002).

В МАС: «Политика. Деятельность государственной власти, партии или общественной группы в области внутрисоциального управления и международных отношений, определяемая классовыми интересами этой власти, партии, группы» (т. 3, с. 359). Выделено четыре значения прилагательного «политический»: «1. Связанный с политикой; относящийся к осуществлению политики. Политическая бдительность. Политическая демонстрация. Политический деятель. 2. Государственно-правовой. Политический строй. Политическое устройство. 3. В значении сущ. Политический» (МАС, т. 3, с. 359).

Следует отметить, что прилагательное «политический» в СССР употреблялось в суженном значении в связи с монополизацией политики одной партией «относящейся к политике ВКП(б) – КПСС, проводимой в СССР», то есть с идеологическим компонентом, хотя такое значение нигде не сформулировано. Ср. в «Словаре» под ред. Ушакова типовые словосочетания: политическое воспитание масс, политические процессы; термины: политическое управление, политрук, политбюро, политотдел, образованные на базе относительного прилагательного «политический» в этом суженном значении. В дефинициях словарей и публицистических текстах актуализируются денотативные семы: «ВКП(б)», «КПСС», «Советский».

В БАС: «Политическое бюро. До 1952 г. – руководящий орган ЦК ВКП(б), в соответствии с решениями XIX съезда КПСС преобразован в Президиум ЦК КПСС; Политический отдел. Политический орган, назначенный высшими партийными инстанциями для руководства политическими органами, а также для организации и проведения политической работы (в армии, флоте и т.д.)... Политическое управление. Орган, осуществляющий общее руководство политической работой в масштабе вооруженных сил страны (или армии), фронта (или округа) и некоторых высших государственных учреждений» (т. 10, с. 1001 – 1002).

Скрытые оценочные семы в словарях не выявлены. Исключение составляет помещенное в конце словарной статьи в БАС словосочетание «политическая смерть», в толковании значения которого раскрывается оценочный смысл словосочетания: «1. То же, что гражданская смерть;

2. Невозможность для кого-нибудь продолжать политическую деятельность вследствие полного идейного и политического банкротства» (т. 10, с. 1001-1002).

В МАС на базе типовых употреблений прилагательного, отмеченных в «Словаре» Ушакова и в БАС, дано четвертое значение с выделением семы отрицательной оценки. «4. Связанный с подрывом политики государства, основ существующего в государстве строя. Политическое преступление». Ср. наличие пейоративной семы в дефиниции глагола «подорвать», мотивирующего существительное «подрыв»: «2. перен. нанести вред чему-либо, расстроить, поколебать» (МАС т. 3, с. 207).

В публицистических и художественных текстах 30 – 40-х гг. функционируют оценочные словосочетания: политическая стряпня, политическая близорукость, политический бандитизм, политическое банкротство, трескотня и т. п. Например, в «Известиях»: «Было бы крайне наивно рассматривать этот политический бандитизм (убийство С.М. Кирова – О.В.) лишь с точки зрения простого индивидуального акта». (15 декабря 1934 г.); «Кто-то воспользовался твоей ошибкой, и вот уже по району ползут слухи! Это... последствия... политической твоей близорукости» (Николаева, «Жатва», 1954).

Материал показывает, что по сравнению с существительным относительное прилагательное политический – более яркое оценочное слово, поскольку «прилагательным больше, чем другим частям речи, свойственно выражать положительную или отрицательную оценку» (Гюббенет, 1981, с. 17), независимо от того, в какой лексикограмматический подкласс входит это прилагательное. В конкретных текстах наиболее ярко проявляет себя квалифицированная, характеризующая функция прилагательных, а указание на отношение к предмету отходит на второй план, что и дает возможность актуализироваться скрытым оценочным семам.

Например, в статьях газеты «Правда»: «Что это? Чиновничий подход или политическая слепота? Неужели заводской парткомитет и его секретарь Зола не могут понять, что такой «организацией» собраний они опошляют решения пленума ЦК» (9 декабря, 1934, № 338). В роли определяемого слова в этих ситуациях выступают существительные, относящиеся к группе эмоционально-оценочных или эмоционально-экспрессивных слов: бандиты, интриганы, враги, авантюристы и т. п. Ср.: «В частности, опыт хлебозаготовок этого года показал, что большие потери при уборке урожая, отставание уборки, молотьбы и хлебозаготовок

в ряде районов некоторых областей и краев, наряду с плохой организацией работы и неумелым использованием тракторов, молотилок и особенно комбайнов объясняется тем, что классово враждебные элементы все еще проявляют свою активность ввиду политической близорукости и попустительства деревенских коммунистов» (29 ноября 1934, № 328). Актуализаторы семы отрицательной оценки: потеря, отставание, плохой, неумелым, классово-враждебный, близорукость, попустительство.

В «Истории ВКП(б)»: «Будучи идеологически разбиты большевистской партией, потеряв всякую почву в рабочем классе, троцкисты перестали быть политическим течением и превратились в беспринципную карьеристскую клику политических мошенников и банду политических двурушников» (Картотека Словаря современного русского литературного языка Институт лингвистических исследований РАН).

Актуализаторами оценочной информации в приведенных выше текстах являются слова, содержащие в своей структуре оценочные и экспрессивные семы: обанкротиться, потери, плохой, враждебный, попустительство, беспринципный, карьеристский, клика, мошенники, двурушники, связанные с «политическим стандартом» языка газет 30-х годов. Показательно, что в БАС и МАС иллюстрациями денотативного и оценочного значения этих слов выступают газетные тексты той же тональности, что позволяет воспринимать подобное словоупотребление как типовое, характерное для социума 30-х гг.

Например, в БАС: «1) Двурушник... Лицо, скрывающее свои взгляды, действительные намерения под личной преданности кому или чему-либо, действующее в пользу враждебной стороны. Политические двурушники представляют безыдейную клику политических карьеристов». («История ВКП(б)». 2) Бандиты. О врагах народа, шпионах, диверсантах, агентах иностранных разведок. Нетрудно убедиться, что это – просто банда уголовных преступников... немногим отличающихся от бандитов, которые оперируют кистенем и финкой... (Вышинский)».

С пейоративной аксиосемой в разговорной речи функционировало субстантивированное прилагательное «политический» в значении «заключенный» или «ссылный».

В том же значении до 40-х гг. употреблялось и слово политик. С пометой «лаг.» оно отмечено в Толковом словаре языка совдепии: «Политзаключенный. До 40-х годов этот термин выражал презрение. Позже вышел из употребления. Он вновь появился в 60-е гг. в положительном значении» (ТСЯС, 1998, с. 454).

Количество текстов, где актуализируется сема положительной оценки, значительно меньше: политическая бдительность, политическая острота произведений, политическая зрелость. Например: «Мы воспитали в себе политический такт, который не позволит нам сочинять анекдоты» (М. Горький, 1932); «Политическая зрелость инженерно-технических и рабочих кадров – вот это принесло сейчас большую пользу» (Ясенев. «Мощный шаг», 1953).

Итак, прилагательное «политический» и существительное «политика» на протяжении трех веков сохраняют свое значение, но у прилагательного в советскую эпоху появляется новый оттенок значения: «относящийся к политике ВКП(б) – КПСС в СССР, связанный с нею». Кроме того, прилагательное в силу своей частеречной сущности чаще выступает в роли оценочного слова.

В речи носителей русского языка XIX – XX вв. широко функционируют не только анализируемые политемы, но и целый ряд слов одного словопроизводного гнезда с доминантой политика: политик, политизация, политизировать, политизироваться, политизированный, политикан, политиканство, политически.

Например, в МАС: 1) «Политикан. Беспринципный политик, политический деятель, неразборчивый в средствах для достижения своих целей»; 2) «Политиканство. Поведение и образ действия политикана»; 3) «Политиканствовать. Вести себя как политикан, быть политиканом». Все три слова содержат яркие эмоционально-экспрессивные семы, имеют в словаре стилистическую помету «презрительное».

Приведем пример текстов: «Политиканство давит успехи науки и мысли» (Салтыков-Щедрин); «Раз очнувшись от политики и начав политиканствовать, даже самые выдающиеся люди не могли избежать подчас самых невероятных промахов» (Плеханов); «Он стал гибким политиканом, столь ценным для лавирования среди бесчисленных шхер беспринципной буржуазной республики» (Игнатов). Актуализаторы реализации негативной оценочной семы: давить, промах, беспринципный.

Следует обратить внимание на особый тип сложных слов, первая часть которых полит– соответствует по значению слову политический, характерных для употребления в советскую эпоху. В Толковом словаре языка совдепии репрезентировано 37 слов с корнем полит– : политаппарат, политбеседа, политиздат, политпросвет, политпаек, политтройка, политинформация, политпрограмма, политрук, политбюро,

политотдел и т. п., в наше время относящиеся к историзмам. Опрос современных респондентов показывает, что они не знают значений многих подобных слов.

Большинство исследователей отмечает повторяемость одних и тех же словосочетаний с опорными словами «политика», «политический» в газетах и журналах 30-80-х годов, обусловленная «выработкой в СССР системы концептуальных стереотипов в роли норм мышления, оценки и поведения» (Павиленис, 1983, с. 117).

Как отмечают А.И. Баранов и Ю.Н. Караулов: «Русский политический язык был типичным ритуальным языком, функция которого заключается не в выяснении позиции собеседника, а в фиксации того, что положение остается прежним, что все играют в одну политическую игру».

В период бурной политической деятельности различных партий анализируемые политемы еще более частотны в речи представителей отдельных партий, думских блоков, членов правительства.

Обратимся к одному из выступлений Галины Васильевны Старовойтовой в самом начале перестройки – 1990 г., перенасыщенному политемами: «Мы, новоявленные политики... Пусть среди депутатов окажутся, наконец, люди, глубоко и серьезно разбирающиеся в ... национальной политике... Политическая борьба становится борьбой команд, а не соперничеством одиночек... население Еревана в значительной степени политизировано» (Старовойтова, 1990). В докладе председателя партии «Демократический выбор России» Е.Т. Гайдара в 1995 г. особенно частотны следующие политемы: политическая мудрость, экономическая политика, политические конфликты, политические счета, политическая обстановка, политическая элита.

Денотативное содержание политем не изменилось и в наше время. Приведем определение из «Политологического словаря» 1995 г.: «Деятельность органов власти, общественных сил и отдельных лиц в сфере отношений между государствами, нациями, большими группами людей, направленная на реализацию, отстаивание определенных интересов и связанная с устремлением к обладанию и использованию политической власти».

Здесь представлены различные терминологические словосочетания, о чем шла речь выше: политика аграрная, банковская, валютная, муниципальная, характеризующие явления современной жизни; политическая культура, сфера, политическое господство, убежище и т. п.

Итак, в истории слов «политика», «политический», «политически» обращает на себя внимание их строго терминологическое употребление (без коннотаций) и одновременная возможность актуализации скрытых оценочных сем, находящихся в семантической структуре этих слов.

В наши дни состав словообразовательного гнезда с опорным словом «политика», структуры и типы словосочетаний с существительным «политика» и прилагательным «политический» не изменились. Данные лексемы функционируют в терминологическом значении – без коннотаций. «Основой «Яблока» являются независимые региональные партии и движения. Региональные отделения «Яблока» содействуют построению в России гражданского общества и правового государства с эффективной рыночной экономикой, считая своей политической целью повышение и улучшение качества жизни жителей региона» (Программные тезисы движения «Яблоко»). Демократические перемены в стране внесли изменения в политическую структуру, что нашло отражение в выступлениях лидеров: «Общество получило свободу, раскрепостилось политически и духовно. Это – самое главное завоевание, которое мы до конца еще не осознали, а потому еще не научились пользоваться свободой» (М. Горбачев. Из выступления по центральному телевидению, 25. 12. 91).

В современных употреблениях существительное «политика» активно реализует оценочную коннотацию в контексте политической коммуникации. Так, например: «По расхожему мнению, политика – грязное дело. На самом деле политика такова, как тот человек, который занимается политикой. Если это грязные люди – естественно, их политика тоже грязная» (Немцов, 1997, с. 94). «В существующем мировом сценарии России отводилась, в лучшем случае, роль добросовестного ученика или статиста, который в международных делах не участвует, а только проводит политику присутствия» (Медведев, «Коммерсант», 2009); «Стратегические программы, которые мы сегодня реализуем, направлены на то, чтобы закрепиться в верхних строчках мировой «табели о рангах» и позиционироваться в мире правильным образом, вести достойную для страны и народа политику» (Медведев, «Курьер», 2010).

Но в эпоху всеобщей раскованности, часто лишенных даже внутренней цензуры пишущих, полярные оценочные семы в семантической структуре политема проявляются особенно ярко в текстах разной идеологической направленности. При многопартийной системе одни и те же явления действительности каких-либо политиков оцениваются по-

разному в зависимости от принадлежности говорящего к той или иной партии, разделяющего идеи той или иной партии: партия дураков, политические жулики, политика банкротства (коммунисты о демократах, демократической власти), фашистская политика, политические стародумы, политические болтуны (демократы о коммунистах и жириновцах).

О политике в период существования СССР прогрессивные деятели 80 – 90 гг., естественно, высказывались отрицательно. Например: «Мы получили в наследство от сталинизма национально-конституционную структуру, несущую на себе печать имперского мышления и имперской политики, разделяй и властвуй» (А.Д. Сахаров, 1990, с. 112). «Повсюду, где утверждался большевизм, он нес с собой нетерпимость, репрессии, духовный и политический гнет» (А.И. Яковлев. «Горькая чаша», с. 111). «Репрессии по политическим мотивам были одной стороной политики государственного террора. Другой ее стороной выступала широкая карательная политика в целом» (там же, с. 116).

Напротив, о современной политике речь идет в другой тональности, в связи с чем лексемы «политика», «политический» получают из текста сему положительной оценки в противоположность текстам, приведенным выше, где очевидна отрицательная модальность. Например: «Разумеется, для меня главный приоритет во всем, что я делаю сегодня – не допустить прихода коммунистов к власти, нового кровавого эксперимента, способного перечеркнуть многое из того, за что мы боролись... К сожалению, много общаясь с людьми, прекрасно понимаю, какой груз ответственности в глазах людей за сегодняшние непростые проблемы лежит на тех, кто взял на себя политическое мужество начать преобразования...» (Е.Т. Гайдар. «Дни поражений и побед», с. 358).

В статьях, книгах, выступлениях представителей иной идеологической направленности вновь меняется политическая оценка происходящего, если речь идет о новом государстве, политике президента, политической деятельности сторонников реформ (отрицательная оценка) или доперестроечном прошлом нашей страны (положительная оценка). Таких примеров на протяжении последних двадцати лет политической борьбы можно привести довольно много:

«Каждый советский человек, где бы он сейчас ни проживал, испытывает пагубные последствия развала единого государства, насильственной капитализации общества. Разрушена целенаправленная внешняя и внутренняя политика СССР» («Московские новости»). «Сопоставим, наконец, мнения различных секторов нашего политического

спектра. Для сторонников коммунистов Сталин – победитель в войне, мудрый вождь, наследник дела Ленина, он умело вел государственную политику» («Московские новости»).

«Все большее число людей начинает понимать, что главной причиной их бедственного положения является преступное вопреки воли народов разрушение СССР, отстранение от власти трудового народа и отказ от политики строительства социализма» («Ветеран»).

В выступлении Б.Н. Ельцина: «В том, что именно сегодня экстремизм поднимает голову, виновата власть. Вы сами хорошо знаете, как слаба наша правовая база, как трудно в отсутствие закона классифицировать выходы политических хулиганов» (Послание президента РФ Федеральному собранию).

«К суду нужно привлекать такое правительство, а не толковать о какой-то политической ответственности в форме вотума недоверия. Для этого (возрождения России) должны объединиться политическая оппозиция и национальный капитал, сохранившееся отечественное производство... В основу общей платформы предложено положить идею всероссийской политической стачки» (С. Бабурин, «Правда»).

«С одной стороны, не секрет, что с определенного периода в нашей политической жизни стали появляться симптомы застоя, возникла угроза превращения стабильности в фактор стагнации. Такой застой одинаково губителен и для правящей партии, и для оппозиционных сил. Если у оппозиции нет ни малейшего шанса выиграть в честной борьбе – она деградирует и становится маргинальной. Но если у правящей партии нет шансов нигде и никогда проиграть, она просто «бронзовеет» и, в конечном счете, тоже деградирует, как любой живой организм, который остается без движения» (Медведев, видеоблог). Выход из данной ситуации видится Дмитрию Медведеву в необходимости «поднять уровень политической конкуренции».

ВЛАСТЬ

Существительное «власть» (древнерусская форма – волость) употреблялось в древнерусском языке в двух значениях. По данным словаря М. Фасмера: область, территория, государство; власть, владение, собственность, что подтверждают древнейшие памятники русской письменности. «Аще ключится проказа некака от грек сущих под волостью царства на-

шего да не имате власти казните я» (Ипатьевская летопись); «По четырёх же днех приведоша к нему Игоря, емше его в болоте... и всадника в прорубе в монастыри святого Иоанна и приставиша к нему сторожи и тако скончалася власть Игорева» (Московская летопись).

В «Словаре русского языка XI – XVII веков» отмечено 4 основных значения данной лексики.

1. Власть, государство. «И власть себе разделиша: цареви – град, а Маркосу – суд, а дружеви – десятина» (Софийская лет.). Понимание идеи единства русского государства выражена в сочинениях князя Владимира Мономаха (XI в.). Составленное им «Поучение» – это программа действий, в которой феодальный князь призывал своих наследников бороться против междоусобиц.

Обращает на себя внимание такой фактор, способствующий в XVI в. становлению первого сигнификативного значения. За сильную царскую власть выступал новый слой служилых дворян, рвавшихся к власти. Наиболее выдающимся представителем дворянства того периода был Иван Пересветов, политическим идеалом которого была независимая от вельмож царская власть, опирающаяся на своих «воиновичков» – дворян. Царь должен быть «грозен и самоупрямлив без вопрошавания», то есть без совета с Боярской думой. Он должен сокрушить внутренних неприятелей-вельмож путем террора: «Без таковыя грозы правды в царстве не мощно ввести» (Никольская летопись).

2. Органы власти, духовные и гражданские лица, облеченные властью. В данной связи следует вспомнить о таком важном экстралингвистическом факторе, как объединение в конце IX века отдельных княжеств в древнерусское государство с центром в Киеве. Привилегии князей и их администраций, абсолютное бесправие холопов, приниженность свободного населения, непосильная дань, судебные штрафы – все это нашло отражение в правовых памятниках и литературных произведениях того времени. Примером тому служит «Русская правда» – свод законов, закрепляющий власть князей, бояр, собственников. Автор Лаврентьевской летописи также фиксирует узуальное значение: «Павел апостол глаголет: всякая душа властем повинуется, власти от бога учинени суть».

3. Область, находящаяся под одной верховной властью (княжество, удел, волость). «Власти и села повоевавши» (Никольск. лет.). «Богат муж везде знаем есть, и на чужом граде отчина ему, и молоди друзи у себе иметь, а убог муж и во всякой власти ненавидим есть, зане же риза его не светла, и речь его не честна» («Слово Даниила Заточника»).

4. Властность, возможность поступать по своей воле. Например: «В Финляндии су два языка почав от Витургу, где словенским языком говорит... шведской язык посреди земли и полуночи, а на рубежах оба языка свою власть имеют» (1670).

В «Словаре русского языка XVIII в.» данные дефиниции сохраняются, однако впервые фиксируется значение «политическое господство», что нашло подтверждение только в МАС: 1. Право повелевать, управлять, распоряжаться кем-, чем-либо. Например: «Худые помощники над крестьянами данную власть употребляют во зло» (1769). «Устыдится власти имеющий употреблять ее на удовлетворение своей прихоти» (Радищев). 2. Право управлять государством, политическое господство. «И не бояться гнева (монархи), яко власть живота и смерти от Бога приемшими» (Пркп, ср. 1. 62). 3. Лица, облеченные властью. Например: «Да в народе будет безпечалие, а во власти правосудие» (Пркп, ср. 11). «Властям дал (Бог) гордый дух и спесь высокомерну. Народу простоту к обману легковерну» (Опыт о человеке). 4. Славянское. Государство, страна, область, владения. «Народные нравы суть законы, которые содержать должны народы разных властей, для удобного взаимного сообщения и взаимной пользы».

В узуальном употреблении данное значение встречается довольно часто, кроме того, С.Е. Десницкий в 1768 г. написал трактат под названием «Представление о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи», что нашло практическое воплощение только в конце XX в. Возьмем для примера такой фрагмент: «1. Законодательная власть. Сей власти в Российской империи, кроме монархов, никто в полном значении не может иметь; позванные, однако, на такую должность монархами персоны могут и в законодательной власти иметь столько участия, сколько и ныне правительствующему сенату дозволяется, то есть их должность может дозволена быть с приказанием и по усмотрению монархов российских делать указы вновь, старые поправлять, дополнять или уничтожать так, как надобность и изволение монаршее потребует: сверх сего сенаторов будет дело пошлны в государстве налагать и облегчать оные, как надобность потребует, войну продолжать и заключение трактатов с соседними державами наблюдать, дабы отечеству предосудительными не были. А поскольку законодательная власть всех прочих высшей поставляется, то следует, чтоб в сенате российском и апелляции всех дел, которых в нижних судах не решено, свое конечное решение имели».

В XIX в. значение «политическое господство» не актуализировано ни в словарных дефинициях, ни в речевом употреблении. У Даля: «право, сила, воля над чем, свобода действий и распоряжений, начальствование; управление; начальство, начальник или начальники. Примеры речевого использования: Родилась новгородская власть, разошелся и город. Всякому дана власть над своим добром. Закон определяет власть каждого должностного лица, а верховная власть выше закона».

Однако в «Словаре русского языка», составленном вторым отделением императорской Академии наук в 1-м, 2-м и последующих изданиях (1891, 1895 гг.) вновь воспроизводятся узуальные значения, отмеченные в Словаре русского языка XI – XVII вв.: 1. Право, сила или возможность действовать по своей воле или по обязанности. Это не в моей власти, от меня не зависит. Данное значение расширяется, вводится понятие государственной формы власти: власть законодательная, исполнительная, судебная, но тут же политическое понятие перекликается с бытовым: власть родительская. Пример привлекается из сочинения официально-делового стиля: «Закон определяет власть каждого должностного лица». 2. Следующее значение репрезентировано как сила, могущество: «Под властью страстей, идеи. Власть тьмы» 3 – е значение вновь указывает на политические, государственные отношения: то же, что и должность. Пример: «Избирая важные судебные власти и через то участвуя в правлении, они гордятся своими великими государственными правами» (Похвальное слово Екатерине). Четвертое значение семантически очень близко третьему: начальство, лицо, облеченное властью. Сельские власти (Словарь русского языка, составленный вторым отделением императорской Академии наук, 1929, с. 441).

Политические документы дают массу примеров, подтверждающих существование интересующего нас значения «политическое господство». М.М. Сперанский во «Введении к уложению государственных законов» (1811) указывает: «Власть исполнительная должна быть вся исключительно вверена правительству; но поелику власть сия распоряжениями своими под видом исполнения законов не только могла бы обезобразить их, но и совсем уничтожить, то и должно ее поставить в соответствии власти законодательной».

В «Русской правде» (1824) П.И. Пестель пишет: «Верховная власть по существу дела в федеративном государстве не законы дает, но только советъ: ибо не может иначе привести свои законы в исполнение, как посредством областных властей, не имея особенных других принудительных средств».

БАС отмечает некоторое расширение значения, подтверждая толкования XIX в., добавляя еще одно: форма управления страной. Ср.: 1. Право и возможность повелевать, распоряжаться действиями, поведением кого-либо. «Родительская власть никогда не тяготела над Еленой, а с штинадцатилетнего возраста она стала почти совсем независима» (Тургенев). Третье значение традиционно определяет концепт как право и возможность распоряжаться, повелевать, управлять кем – чем-либо. Власть председателя. Родительская власть. «Я властью, данной государем, приказываю – отступить» (Соловьев. «Фельдмаршал Кутузов»). Четвертое значение более абстрактно, но выделенное еще в древнейших источниках: могущество, господство, сила. «Власть слова, живого слова – огромна» (Герцен. Письмо Н.А. Захарьиной 25 ноября 1836 г.) 2. Могущественное влияние чего-либо. Власть денег, золота. «Власть его буйных песен была всегда одинаково неотразима и победна» (Горький. «В людях»). Во власти чего-либо. Во власти музыки, живописи. 3. Форма управления страной. Советская власть. «Турецкие министры и диван были готовы удовлетворить все требования египетского паши, и в частности предложить ему наследственную власть в Египте» (Ковалев. «Азбука дипломата»). 4. Право и возможность управления государством. Брать, захватывать власть, приходить к власти. Политическая направленность данного определения взаимодействует с предыдущим, объединяясь доминантными семами власть и государство, что ярко проявляется в иллюстрациях дефиниции. «Приходит к власти Карл X, и французский народ вынужден вкусить полную чашу непримиримой мести феодалов» (Федин. «Вечные спутники»). Авторы словаря указывают на связь власти и государственного устройства (права и полномочия органов государственного управления. Законодательная власть. Исполнительная власть), указывая при этом на принадлежность концепта власти к политическому дискурсу. 5 значение выделено традиционно, как и в предшествующих словарях: органы государственной власти и местного управления. «В городе единственной властью уже был Совет рабочих и крестьянских депутатов» (Горбатов. «Мое поколение») (БАС, т. 2, с. 304 – 305).

Лингвистические словари очень скромно раскрывают понятие государственной власти, с которым в настоящее время в основном связана эта лексема. В «Частотном словаре» под редакцией Засориной указано на большое количество его употреблений именно в публицистическом

и официально-деловом стилях. Само слово довольно частотно (отмечено 364 фиксации).

В значении форма управления государством в социалистическом обществе были распространены «идеологические» крылатые фразы: «Вся власть Советам!» (Верещагин, Костомаров, 1976, 164). «Советская власть в миллион раз демократичнее самой демократической буржуазной республики» (Ленин). Как указывают авторы «Толкового словаря языка союдапии», политизированное название колхозов и совхозов было довольно распространенным (Колхоз «Власть Советов» Арзамасской области. Совхоз «Власть Советов» Можайского района Московской области).

Только в дефиниции МАС первым дается самое употребительное значение: 1. Право управлять государством, политическое господство. Советская власть. Прийти к власти. «Опираясь на совершившееся в Петрограде победоносное восстание рабочих гарнизона, съезд берет власть в свои руки» (Ленин). Права и полномочия государственных органов. Исполнительная власть. Законодательная власть. 2-е значение конкретизирует властные отношения в государстве: органы государственного управления, правительство. «В городе долго существовало две власти – городская дума и совет рабочих депутатов» (Фадеев. Последний из удэга) 3 значение традиционно определяет концепт как право и возможность распоряжаться, повелевать, управлять кем-, чем-либо. Власть председателя Родительская власть. «Я властью, данной государем, приказываю – отступать!» (Соловьев. «Фельдмаршал Кутузов»). 4 – е значение более абстрактно, но оно было выделено еще в древнейших источниках: могущество, господство, сила.

В современной политической коммуникации функционируют все четыре значения: «Переезжая в 1999 г. в Москву, я не мог и предположить, что через восемь лет буду боллотироваться на пост Президента России, попаду во власть» (Д.А. Медведев); «В Петербурге я оставил интересную работу, успешный бизнес, налаженный быт. Правда, в столице понадобилось немного времени, чтобы понять: политическая власть – дело сосбенное» (Д.А. Медведев); «Если говорить о влиянии личности на достижение результата, то надо заметить: еть два важных фактора – это умение сформулировать амбициозную задачу и умение не нить, не распускать слюни по каждому поводу. Первые лица государства, облеченные властью, не имеют на это права» (В.В. Путин); «Говорят, что самая большая зависимость – от власти. Я этого никогда не чувствовал», – признался В.В. Путин в интервью («Коммерсант»).

Однако в словарях не зафиксировано еще одно значение данной лексемы: «представители государственной власти»: «Владимир Владимирович в определенный момент решил выдвинуть на первый план несколько фигур, до того не слишком публичных, сделав их активными игроками на политическом поле. Кому-то нравилась новая власть, кому-то нет» (Д.А. Медведев, «Коммерсант»).

Следует отметить, что современные социально-политические отношения, уровень развития политической коммуникации требует рассмотрения концепта власти в качестве научного термина. Под властью философы понимают способность и возможность осуществлять свою волю, оказывать определенное воздействие на людей с помощью авторитета, права, насилия. Разновидности власти (экономическая, политическая, военная, духовная, семейная и т. п.) представлены в разных науках, однако особое внимание привлекает власть политическая, которая является ядерным концептом философии, политологии, международных отношений. В «Политологическом словаре» поясняется: «Политическая власть – способность и возможность социальной группы, страны осуществлять свою волю, оказывать определяющее воздействие на деятельность, поведение людей посредством авторитета, права, насилия. Политическая власть – реальная способность социальной группы, индивида проводить свою волю в политике и сфере правовых норм; функция социального руководства и управления».

ГОСУДАРСТВО, ГОСУДАРСТВЕННЫЙ

Лексема «государство» одна из самых частотных в русском языке (без нее нельзя представить себе языковую картину мира), что отмечено во всех существующих словарях и подтверждается данными Частотного словаря русского языка под редакцией Л.Н. Засориной, где указано на 460 фиксаций данной лексемы.

«Этимологический словарь» М. Фасмера не разъясняет происхождение этого слова, но указывает на богатые словарные толкования в XVIII – XIX вв. (Срезневский, Вейсман 1731, «Российский Целлариус», с. 1771).

Однако существуют и более древние примеры употребления данной лексемы, о чем свидетельствуют данные «Словаря русского языка XI – XVIII вв.», где слово «государство» представлено в двух основных значениях:

1. Страна, земля, государство. В этом значении лексема зафиксирована в одном из самых ранних памятников древнерусской литературы и, вероятно, первом русском политическом произведении, относящемся к XI в., «Слове о законе и благодати». Автор его Илларион, Киевский митрополит, стремился обосновать идею о независимости Киевского государства. Он объявляет «благодать», то есть свободу русского государства, и призывает не признавать господство Византии. Автор признает, что все народы равны, восхваляет князя, могучее и независимое Киевское государство. Например: «Буди же малость и благодать господа бога... на моем сыне, на великом князе на Василии Васильевиче и на его сынах и внуцах с великим их государством и всеми благоверными князи». Данное употребление и в дальнейшем прочно закрепилось в русском языке. «И ему, Ивану, за нашего порукою, а государевой службы не збежать ни в которые государства не отъехать».

2. Правление, царствование, власть государя. Фиксация этого значения также отмечается в ранних памятниках русской письменности. Она связана с зарождением древнерусской политической идеологии, нашедшей выражение в летописях первой половины XI в.: «Русская Правда», «Слово о законе и благодати». Летописцы преимущественно Киево-Печерского монастыря пытались восстановить историческое прошлое нашего государства. Новая христианская религия содействовала возвышению княжеской власти, обосновывала ее божественное происхождение и необходимость полного подчинения господину. Довольно часто авторы именуют князей «самовластцами», несмотря на то, что в то время они разделяли власть с боярами и вынуждены были считаться с народным вече. Образование древнерусского государства сопровождалось обострением внутренней борьбы между светской и духовной властью и стремлением к внешней государственной независимости.

В конце XV – XVI вв. обоснование сильной государственной власти находит проявление во многих литературных источниках. В целях возвышения московских государей разрабатывается родословная, восходящая к Рюрику. Эта генеалогия помещается в официальном издании «Священной книге», на которую ссылаются в дипломатических отношениях. Разрабатывается учение о Москве – третьем Риме, который будет стоять до скончания мира. В произведениях Андрея Курбского развивается идеология боярства. Автор рассматривает московского государя как равного себе, он может управлять только с согласия «великих в роде» и «зело богатых» мужей. Сильная царская власть воплотилась

в правлении Ивана Грозного. Он пишет Стефану Баторию, польскому царю, избранному сеймом на престол, что он сам является государем «по божьему волеизъявлению, а не по многоятежному человеческому хотению». Английскую королеву Елизавету, которая учитывала мнение парламента, Грозный называет не государыней, а обыкновенной пошлой девицей: «А мы чаяли того, что ты на своем государстве, государыня, и сама владеешь... Ан у тебя мимо тебя люди владеют, и не только люди, но и мужики торговые... А ты пребываешь в своем девическом чину, как есть пошлая девица» (Материалы словарного фонда, СПб).

Примеры использования данного значения политемы «государство» встречаются довольно часто: «Того же лета 23 в десятое лето государева великого князя Василья Ивановича всея Руси, подписана быть соборная церковь большая на Москве» (Софийская летопись, 1515). «Великий же князь Иван... послал к ним (новгородцам) своих бояр... на укрепление государства своего в них» (Материалы словарного фонда, СПб).

Те же значения выделены и в «Словаре русского языка XVIII в.»: 1. Страна, население которой состоит под одним управлением. Ср. примеры: Писал указ государства нашего во дворе, в царствующем великом граде Москве», «Запрещает его величество всем офицерам матрозским и матрозам выезжать из своего государства в иностранные земли для службы»; «Земледелие произвело раздел земли на области и государства» (Радищев). 2. Власть государя, его правление. «За сим желаем вам, государю (Ивану Алексеевичу), здравия и во государство наше счастливаго пребывания»; «При следующем государстве производим был суд над графом Соммерсетом».

В то же время как синонимы лексем «государство» – «государственный» узуальное употребление фиксирует лексемы «держава» – «державный». «Соборное уложение 1649 г.» репрезентирует следующие употребления, синонимичные во втором значении «власть государя, его правление»: «Буде кто каким умышлением учнет мыслить на государьское здоровье злое дело, и про то его злое умышление сыщется допряма, что он на царское величество злое дело мыслил и делать хотел, и такова по сыску казнить смертию. Также будет кто при державе царьского величества хотя московским государством завладеть и государем быть и для тово своего злово умышления начнет рать забирать или кто царьского величества с недруги учнет дружитца, и советными грамотами сысылатца, и помочь им всячески чинить, чтобы тем государевым недругам по его ссылке московским государством завладеть

или какое дурно учинить, и про то на него кто известит, и по тому извету сыщется про тое его измену допряма, и такова изменника по тому же казнити смертию».

Обращают на себя внимание фиксация большого количества дери-вационных образований, представленных разными частями речи: государь, государыня, государич, государский, государев, государствовать, государствующий. В современном русском языке сохранилось только одно производное слово: относительное прилагательное «государственный», представленное в «Словаре русского языка XVIII века» в двух значениях: 1. Относящийся к государству, например, «Государственным печатям, за которым посылаются грамоты в иностранные государства... быть по-прежнему в Комиссии Иностранных дел». «Буде же кто сей наш указ переступит, ...тот яко нарушитель прав государственных и противник власти, казнен будет смертию». 2. Способный к управлению государством, принимающий участие в управлении государством. Государственный человек, муж, люди. «И какая разница между безстрашием солдата, который на приступе отваживает жизнь свою наряду с протчими, и между неустрашимостью человека государственнова, который говорит правду государю, отваживаясь его прогневать» (Фонвизин. «Недоросль»).

В «Словаре» В.И. Даля: царство, империя, королевство, земля, страна под управлением государя. Государствование, власть, сан и управление государя. Поздравить на государстве, здравствовать государю со вступлением его на престол. Государственный, до государства относящийся. Государствовать, государить, царствовать, царить, быть государем. Государствование, государенье: ср. управление государством в сане государя.

В «Словаре русского языка, составленном вторым отделением императорской Академии наук» (СПб, 1891), представлены два значения: 1. Общество людей, живущее на определенном пространстве земли и управляемое своим отдельным самостоятельным правительством. 2. Страна, занимаемая населением, имеющим свое отдельное, самостоятельное правительство. Государственный – от государство. Государственный герб. Находиться на государственной службе. Государственные дела. Государственный человек, сановник, стоящий во главе одной из отраслей в государстве. Например: «Бояре московские считали то несогласным с нашим государственным достоинством» (Карамзин. «История государства Российского», X гл.). Государственная наука правления. «Имея выпренный ум для государственной науки он

(Иоанн III) имел слуг для победы» (Карамзин. «История государства Российского», VI гл.).

Все словари XIX – XX вв. уже не выделяют второго значения относительного прилагательного. Происходит сужение значения, хотя мы можем наблюдать фиксацию «государственный чиновник», сохранившую отблеск прежнего, широко репрезентированного значения.

В советский период прилагательное «государственный» как частотная лексема присутствует во многих номенклатурных названиях и входит в первую часть сложных слов (госбезопасность, госполитуправление, госзайм, госагропром, госкомтруд, госстрах и т. д.). В «Толковом словаре языка совдепии» зафиксировано 20 подобных слов.

В словарных дефинициях XX в. продолжается расширение первого значения референта, причем это убедительно представлено в БАС. 1. Политическая форма организации общества, осуществляющая управление обществом, охрану его экономической и социальной структуры. Рабовладельческое государство. Капиталистическое государство. Примеры: «История показывает, что государство, как особый аппарат принуждения людей, возникло только там и тогда, где и когда появилось разделение общества на классы» (Ленин, т. 39, с. 69). В отличие от словарей XIX в., фиксирующих значение «общество людей, страна», данная дефиниция указывает на терминологическое употребление слова, его отношение к политике, к политической власти. Таким образом происходит дальнейшее расширение значения, свидетельствующее о большом семантическом потенциале данного референта. 2 значение этого слова-понятия сохраняется, но усиливается терминологическая сущность: «страна с определенной политической системой», хотя пример этого и не репрезентирует. «Глава государства Куракин вместе с ним (цесаревичем) по иностранным государствам путешествовал» (Кузьмин. «Круг царя Соломона»). 3 – е значение, переносное, указано впервые: о чем-либо крупном, значительном, занимающем большую территорию и отличающемся обособленностью, самостоятельностью. Целое, настоящее, самостоятельное государство. «Горьковский край – это целое государство со знаменитым своим кустарным производством, селами, необозримыми лесами, рыбными реками. Здесь своя сталь, своя бумага, свои химические производства» (А.Н. Толстой. «Нас не одолеешь»). (БАС, 2 – е изд., с. 282).

В МАС эксплицировано только одно ведущее терминологическое значение лексемы: «политическая организация общества во главе с

правительством и его органами, с помощью которых господствующий класс осуществляет свою власть, обеспечивает охрану существующего порядка и подавление классовых противников, а также страна с такой политической организацией. Социалистическое государство. Буржуазное государство».

Под влиянием коммунистической политики проявляется идеологическое использование данной лексики в социалистический период. Модальная рамка эксплицирует положительную оценку и эмоциональность: «Общенародное государство – орган выражения интересов и воли всего народа, орудие построения коммунизма» («Философский словарь», 254). «Государство – это мы». Из политического отчета ЦК РКП(б) XI съезду Коммунистической партии (1922 г.), изложенного В.И. Лениным. Возникло как противопоставление пресловутой фразе «государство – это я»/ О том, что социалистическое государство общенародное, управляется самими трудящимися. Государство трудящихся. Патетический публицистический стиль. «Свети над планетой лучистой звездой, Отчизна весны, Государство Трудящихся» (В. Котов) (По материалам «Толкового словаря языка совдепии», с. 134).

В настоящее время текстовое употребление лексики «государство» выявляет основные терминологические фиксации без коннотаций. Например: «Высшая школа России – это то немного, чем еще может гордиться наше государство. Любые непродуманные действия в этой сфере могут иметь для страны трудно прогнозируемые последствия» («Дружба», № 10, 1998). «Недавно из уст Президента РФ как откровение прозвучали слова об огромной значимости государства в становлении рыночной экономики» («Правда»). «Судьба российской промышленности – это судьба нашего государства», – подчеркнул в своем докладе председатель Комитета Совета Федерации по экономической политике, губернатор Санкт-Петербурга В. Яковлев... Поэтому даже в числе стратегических путей один из главных – это усиление государственного регулирования экономики. Он вовсе не означает возврата к удушающему администрированию. У государства есть немало других рычагов воздействия, не противоречащих принципам рыночной экономики» («Российская Федерация»).

Любопытные явления наблюдаются в области деривации. В нашу речь вернулся глагол, отмеченный в текстах XVII – XVIII вв., «государствовать», функционирует существительное «государственность», возникло новое существительное – «государственник». Например:

«Несомненно, сегодня симптомы нового «ледникового» периода налицо. Многие из тех, кто в 1989 – 1991 годах из конформистских побуждений клялись в верности гражданскому обществу, демократическим идеалам, сегодня столь же горячо клянутся в верности государству, стали заядлыми «государственниками». Вчера они произносили «государство» с обязательным прилагательным «правовое», сегодня соревнуются, кто выговорит «государство» с более звонкой медью в голосе» (Е.Т. Гайдар. «Государство и эволюция»). «Конституция вновь оказалась средством политической борьбы. Представляется, что лобовая постановка вопроса вряд ли на пользу российской государственности» (Российская федерация). «Последние события августа 1998 г. показали, что государствовать мы еще не научились» («Известия»).

На базе деривационного образования возник новый научный термин – государствоведение: «Введение в сравнительное государствоведение» (В. Чиркин, 1994). В работе рассматриваются различные научные школы и направления в изучении государственности, методология и методы сравнительного государствоведения, институты государственности, формы правления и государственного устройства, различные модели законодательной, исполнительной, судебной, контрольной власти, местного самоуправления.

Политема «государство» легко переходит в разряд идеологем в программах, тезисах, лозунгах, партийных установках. Тогда семантическая структура слова приобретает текстовые коннотативные семы оценки.

Обратимся к примерам: «Беда не в рынке. Беда в бандитском государстве, которое сперва накладывает на экономику «монгольскую дань», душит производство налогами, а потом собранные деньги распределяет между своими банками и предприятиями – за взятки... Государство должно быть не волком, грызущим экономику, а волкодавом, который экономику защитит». (А. Лебедь. «Правда и порядок»).

«Государство наше было и остается великим иллюзионистом. Главные иллюзии сеются с Колокольни. Оттуда звучат суетливые перезвоны указов и постановлений, к которым занятому человеку и прислушиваться недосуг. А едва он соберется внимать и следовать, глядишь – тон сменился, напевы другие» («Российская Федерация»).

«Мы – за сильную власть. Именно государство является основным гарантом стабильного социального и экономического развития нашей страны. Сильная и разумная власть – это будущее без кризис-

сов и потрясений. Сильное государство – не самоцель. В уникальных российских условиях усиление государства – лучший способ решить наболевшие проблемы нашей жизни. Только сильное государство может одолеть преступность, обеспечить спокойствие и мир в нашем доме и в нашем общем доме – России. Только сильное государство может сделать рыночные отношения цивилизованными. Для этого оно должно направить и организовать стихию рынка, поскольку управляемый рынок наиболее эффективен. Только сильное государство должно обеспечить соблюдение прав человека и социальную поддержку всем, кто в ней нуждается. Самоустранение государства с арены социально-экономической жизни недопустимо. Только сильное государство даст возможность раскрепостить творческую инициативу граждан, защитить их от произвола чиновников и беспредела мафиозных группировок» (Предвыборная платформа Всероссийского общественно-политического движения «Наш дом – Россия»).

Следует помнить, что синонимичный термин «страна» – это только одно из значений концепта «государство».

ПАРТИЯ, ПАРТИЙНЫЙ

Существительное «партия» (фр. party, нем. partey, пол. partya из латинского pars, partis – группа людей) появилось в русском языке в Петровскую эпоху первоначально как военный термин – часть войска, отряда. Например: «Партея его сиятельства князя, генерала господина Меньшикова на людей генерала маеора Шмигельского... напала» («Московские ведомости», 1707 г.). В этом значении употреблялось до конца XVIII в. Ср. в донесении Ю. Бибикова от 4 октября 1787 г.: «Против Грекова полка вчераь показалаь конная неприятельская партия» (Картотека Словаря русского языка, XVIII в.). Однако уже в 20-е гг. XVIII в. партия – политический термин. Например, в «Рассуждении о оказательствах к миру» (1720 г.): «В Англии находятся от многих времен две главные партии, торрийская и вигская, которые всегда между собой ревнуют, дабы в министерстве и управлении быть»; в «Заметках» А.П. Вольтерского: «...и в чьей партии будет больше голосов, тот что захочет, то и станет делать» (1730 г.). Ядерная сема и в составе семантической структуры военного термина, и в содержании политического термина – совокупность людей, дифференциальные семы: сово-

купность единомышленников – партия (2), часть войска – партия (1). Ср. в журнале «И то, и се» 1796 г.: «Партия. Часть войска, часть единомышленников».

Исторические ретроспективы указывают на то, что существительное «партия» употреблялось еще в Древнем мире. Аристотель упоминал о партиях жителей горы, равнины и прибрежной части города в Афинах. Однако партиями назывались и группа лиц, управляющих государством, и группа политиков (партия Цезаря, Суллы). История партий как политических движений относится к концу XVIII – началу XIX вв. Макс Вебер выделил в становлении политических партий три этапа: партии как аристократические группировки, партии как политические клубы и современные массовые партии.

В конце XVIII – начале XIX вв. слово «партия» функционирует в русском языке, приобретает общеевропейское значение. Во второй половине XIX в. оно употреблялось в значении «группа лиц, объединенных общностью каких-либо политических или экономических интересов». Ср. у Чернышевского: «Дикарев не находил в современной литературе ни одной партии, мнение которой... соответствовало бы его убеждениям».

Ю.С. Сорокин пишет: «Лишь постепенно в связи с распространением таких сочетаний, как политическая партия, конституционная партия, демократическая партия и т. д. происходит спецификация термина, его смысловое ограничение, приводящее... к выделению особого значения слова». Признаком такой обособленности нового значения от остальных значений слова партия в 70 – 90 гг. XIX в. Ю.С. Сорокин считает появление новых производных от этого слова: партийный, партийность.

Действительно, в «Словаре» В.И. Даля прилагательного «партийный» нет, а существительное «партия» имеет следующее определение: «сторонники, общество, единомышленники, собраты, товарищи по убеждениям; союз одних лиц противу других, у коих иные побуждения». Ср. в книге Э.Н. Гиппиус «Дмитрий Мережковский»: «Так до последнего времени мы жили в кругу других интересов, не часто политических, то с партийными интеллигентами встречались редко и о тогдашних париях в России... знали мало».

После 1917 г., прихода к власти одной партии – РКП(б) – ВКП(б), слово «партия» становится синонимом этих аббревиатур, а прилагательное партийный приобретает значение: относящийся к деятельно-

сти РКП(б), связанный с деятельностью РКП(б), а позже – с деятельностью ВКП(б), КПСС.

В дефинициях БАС и МАС в первом значении как ядерная выделена сема – классовый: 1) «Политическая организация общества, объединяющая наиболее активных представителей класса и руководящая им в классовой борьбе» (БАС); «Политическая организация, являющаяся высшей формой организации какого – либо класса и представляющая собой наиболее активную часть этого класса» (МАС). При этом сознательно или бессознательно составители словарей не обращают внимания на противоречие между определением слова и текстами, где оно функционирует: «Он внимательно следил за жизнью Думы, и ему казалось, что все партии реорганизуются» (М. Горький) (БАС). Но в Думе заседали в основном различные партии буржуазии и дворянства, о борьбе классов не могла идти речь. «Все буржуазные партии, то есть те, которые охраняют экономические привилегии капиталистов, рекламируют свои партии точно так же, как отдельные капиталисты рекламируют свои товары» (Ленин) (МАС). И здесь речь идет о различных политических организациях, представляющих один класс.

В дефинициях БАС и МАС выявлены лишь денотативные семы слова партия как синонима слов «ВКП(б)», «КПСС», но тексты, иллюстрирующие это значение, наводят в семантическую структуру слова семы положительной оценки. Например: «Мы с Партией идем, мы ей верны, она – могучий светоч нашей жизни. Чуркин» (БАС). Показательно и написание слова партия с прописной буквы, что до революции было обязательно для слов религиозных. Как отмечал Ф.И. Буслаев, в церковных текстах XIV – XVII вв. «стали ... именованя предметов досточтимых отличать прописными буквами, указывая на их неповторимость».

В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова история слова партия не учитывается. В словарной статье значение: «группа лиц, объединенных общим интересом» дано под номером 3; значение «ВКП(б)» – под номером 1. В БАС и МАС проведена более четкая дифференциация значений 1. Политическая организация. 2. Коммунистическая партия Советского Союза, но исходное значение также указано в середине словарной статьи.

В соответствии со значением мотивирующего слова представлена в «Словаре» Д.Н. Ушакова семантическая структура относительного прилагательного партийный: 1. Прил. к партия в 1 – м значении (политическая организация). Партийный билет. Партийный работник.

Партийный стаж. Партийное строительство. 2. Состоящий в партии, являющийся членом партии. 3. В значении сущ. партийный и партийная. 4. Соответствующий духу коммунистической партии, ее программе и идеологии (политике). 5. Прил. к партия в 3 знач., выражающий интересы какой-нибудь группы. Партийная борьба в литературе XIX в. (Ушаков, т. 3, с. 59).

В БАС рассматриваются три основных значения относительного прилагательного «партийный»: 1. Относящийся к партии (в 1 знач.). «Царь Василий являлся царем боярским, партийным, вынужденный смотреть из чужих рук» (Ключевский. «Курс русской истории»). 2. Относящийся к партии (во 2 – м знач.), связанный с ее работой. Партийная политика. Партийные директивы. Партийная организация. 3. Проникнутый коммунистической идеологией, соответствующий духу коммунистической партии, ее программе. Партийный доклад. Партийное слово. Свойственный члену партии (во 2 знач.), находящийся в соответствии с требованиями, предъявляемыми ему. 4. Проникнутый духом, интересами какой-либо партии (в 1 – м знач.). 5. Выражающий интересы какой-либо партии (в 3 – м знач.), группы. «Я читал “Северный вестник”». Рецензия (на книгу Чехова) не столько партийная, сколько умная (Чехов, Письмо к Н.А. Лейкину 11 сентября, 1887 года).

В МАС семантическая структура этого слова представлена более компактно: 1. Прил. к партия (в 1 – м и 2 – м знач.). 2. Соответствующий принципам и задачам определенной партии, определенного класса. Философия партийна. 3. Прил. к партия (в 3 – м знач.). Партийные группировки в литературе. (т. 3, с. 26).

В «Словаре» Ушакова и в БАС широко отражена возможность семантического варьирования в пределах различных лексико-семантических вариантов слова партийный. Например, в БАС: относящийся к какой-либо организации, партии, связанный с ее работой (партийное поручение); состоящий в партии, являющийся ее членом (партийные рабочие); относящийся к члену, членам партии, связанный с их правами, обязанностями, их работой (партийная дисциплина) и др. (т. 9, с. 230).

Однако в «Словаре» Ушакова и БАС выделено лишь одно оценочное значение прилагательного партийный. В «Словаре» Ушакова: «4. Соответствующий духу Коммунистической партии, ее программе и идеологии (политике). Партийные взгляды. Партийная этика. Вести себя партийно.» В БАС: «Проникнутый коммунистической идеологией, соответствующий духу Коммунистической партии, ее програм-

ме. Партийный разум». В дефинициях выделены семы, связывающие мотивирующее и мотивированное слова: дух, идеология, политика, то есть указано на идеологический компонент значения в семантической структуре прилагательного, который провоцирует актуализацию скрытых оценочных сем, а это, в свою очередь, обуславливает окачествование относительного прилагательного.

На этот процесс указывают и новые формы слова: по-партийному, партийно, более партийная точка зрения, поскольку «в переносном, качественном, значении могут образовывать краткие формы и формы сравнительной степени» («Русская грамматика», 1980, с. 544), а также наречия. Ср. в БАС:

«Глядя с партийной высоты,
Партийно к делу подходи,
А ты, увязнув в мелочах,
Душой изрядно подзаचा!»

М. Грибачев

«Надо подойти к важнейшей политической работе по выполнению государственных заданий по-настоящему грамотно и по-партийному» (Киров).

Наречие «партийно» становится частью сложных слов: партийно-массовый, партийно-просветительный, партийно-комсомольский. Например: «Усилить партийно-массовую и профсоюзную работу среди работников торговли» («КПСС в резолюциях»). «Надо поставить вопросы коренного улучшения организаторской и партийно-политической работы» (Брежнев, 1978, 9). В романе А. Рыбакова «35 и другие годы»: «Но Эльбсейн виноват – не рассказывай провокационных анекдотов, Ершилов тоже виноват – не отреагировал по-партийному».

Существительное «партия» и относительное прилагательное «партийный» стали базой образования новых слов: беспартийный, внутрипартийный антипартийный, сложных прилагательных с первой частью парт-: партбюро, партактив, парткомиссия, партсобрание, партбилет, партвысказание, партвыносы, партархив и т. п.

В романе А. Рыбакова «Дети Арбата»: «Рейнгольд ответил, что во время внутрипартийной дискуссии перед ХУ съездом партии он разделял взгляды оппозиции, однако вскоре их пересмотрел, порвал с оппозицией и больше никаких связей с ней не имел». В романе «35 и другие годы»: «Нет! Если партийные кадры сохранят себя, не будет поздно.

Тогда можно будет выбить власть из его рук. Надо только сохранить себя. Сохранить и своих детей. Да, да, детей, не вижу ничего преступного, ничего антипартийного в том, что люди задумываются над судьбами своих детей. И ведут себя благоразумно».

В текстах произведений 20 – 30-х гг. постоянно взаимозаменяют друг друга понятия «политический» и «партийный», поскольку речь идет о политике правящей партии, в связи с чем в парадигматические отношения вступают слова «политический», «партийный», «марксистский», «ленинский» и «аполитичный», «антипартийный», «антимарксистский», «антিলенинский».

Многие из дериватов перешли в разряд историзмов, их употребление помогает авторам публицистических и художественных произведений сохранить образ советской эпохи, государства с однопартийной системой. Так, в мемуарах Е. Гинзбург «Крутой маршрут» находим обозначения различных организаций КПСС, осуществляющих истинную власть в стране (советы были вторичны, зависимы от нее): партком, партбюро, парткомиссия, КПК – комиссия партийного контроля, партследователь, партучеба. Например: «За одним из столов я заметил новое лицо... товарищ Бейлин, новый председатель партколлегии КПК»; «Член партколлегии Сидоров... обнадежил меня... И действительно, к ноябрю я получил выписку, в которой строгий с предупреждением выговор заменялся просто строгим» (Гинзбург, 1989. с. 38). У Тендрякова: «До исключения, высшей меры партийного наказания дело не дойдет. В крайнем случае не даст своего согласия партколлегия» (Тендряков. «Среди лесов»).

Тексты раскрывают денотативное содержание слова: коллегия при комитете партийного контроля Коммунистической партии Советского Союза, занимающаяся рассмотрением персональных дел коммунистов» (БАС). Но ассоциации, сохранившиеся в памяти носителей языка, живших в советскую эпоху, в словарях, естественно, не отразились: организация, которая, как правило, утверждала вынесенные на партсобрании и партбюро решения об исключении из партии того, кого ожидал арест, допросы, лагерь или расстрел. В 1937 г. было принято решение вновь передать дела об исключениях в «низовые организации. КПК уже не справлялась с объемом работы» (Гинзбург).

В романе В.Дудинцева «Белые одежды»: «В наших вузах преподается история партии, преподается курс ленинизма. И рядом в щелях прядется живучая моргановская теория генетики. А теперь схоласты,

осмелев, даже нападают в открытую... Не пора ли, товарищи? Не пора ли нам почистить эти щели партийной щеточкой? С кипятком!». Смысл перифразы можно передать следующим образом: «почистить партийной щеточкой» – очень тщательно прочистить щели, чтобы вымести всю нечисть, то есть выявить всех скрытых врагов партии среди биологов.

Слова «партия», «партийный» относились к номинации высоких понятий, что обусловило активную реализацию семы мелиоративной оценки при типовом употреблении этих слов в 30 – 50 – е гг. В книге «Политические метафоры» авторы приводят целый ряд слов и словосочетаний, входивших в ассоциативный ряд с доминантой «партия»: флагман, авангард, рулевой, ум, честь и совесть нашей эпохи, бог, объясняя возможность таких ассоциаций «заменой веры в бога верой в партию, что нелегко далось воинствующим атеистам, с засученными рукавами внедрявшим партийную религиозность» (Баранов, Караулов).

=Как уже было сказано выше, в дефинициях толковых словарей оценочные семы не выявлены в структуре анализируемых слов, хотя в текстах новое значение слова «партия» и «партийный» («лучшая, наиболее просвещенная, нравственная часть общества»; «связанный с лучшей частью общества, отвечающий высоким требованиям, сильный, волевой, нравственный») способствует реализации мелиоративных оценочных сем.

В этом отношении чрезвычайно показательны произведения В. Маяковского, «наступающего на горло собственной песни», или такие примеры: «Отрадно, что люди понимают, что состоять в партии – это и значит быть лучшим среди своих товарищей» (Казакевич. «Весна на Одере»); «И, устремляя в будущее взгляд, он нам внушал любым своим рассказом, что для единой воли нет преград, когда ведет ее Партийный разум» (Жаров. «Комиссар»).

Возможность оценочного компонента в структуре прилагательного «партийный» обусловлена семантикой мотивирующего существительного, входящего в состав политической лексики, называющего явления, понятия, которые оцениваются одинаково с точки зрения какой-либо одной социальной группы носителей языка. Ср. высказывание Ленина: «Материализм включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке событий прямо и открыто становиться на точку зрения определенной группы» (Ленин, т. 1, с. 419).

Как уже отмечалось, в семантической структуре прилагательного оценочные семы двойного происхождения: оценочная сема мотивирующего слова и актуализированная скрытая оценочная сема прилагательного. При этом сказывается и тональность текста, где употребляется прилагательное. Например, в романе А. Рыбакова «35 и другие годы» в одном из внутренних монологов Сталина: «За этим звеном протянется длинная цепь: троцкисты, бухаринцы, чванливые партийные чиновники и молодые партийные бюрократы, алчущие власти, двуличные делегаты XVII съезда ЦК и Политбюро, которые спят и видят, как бы растоптать его, их друзья и ставленники в обкомах и райкомах, республиках и наркоматах».

Сему отрицательной оценки реализуют в этом тексте существительные: троцкисты, бухаринцы, чиновники, бюрократы, ставленники; прилагательные чванливые, двуличные, окружающие ореолом оценочности; прилагательное партийный. Текстовый смысл прилагательного – худшая часть партии (с точки зрения ее руководителя).

Оценка, мелиоративная или пейоративная, в структуре словосочетания «партийный + существительное» связано с семантикой определяемого слова: 1) честность, совесть, бескорыстие, закалка; 2) диверсия, ошибка, ограниченность, разложение, чиновники, бюрократы, донос.

В текстах газетных статей «Правды» за 1934 – 1948 гг. активно функционирует прилагательное «партийный» в относительном значении в составе различных словосочетаний: партийная комиссия, организация, конференция, политика, линия, тайна, проверка, касса, партийный актив, работник, контроль, стаж, аппарат, партийное строительство, руководство, собрание, партийные кадры, органы, работники, товарищи, массы, активисты, документы, кружки и т. п.

Например: «Петрозаводск. На собрании партийного актива города подведены итоги первых дней работы политшкол и кружков... В некоторых партийных организациях не были подготовлены помещения для занятий, не все коммунисты оповещаются о месте сбора и времени учебы. Участники собрания справедливо требовали, чтобы секретари партийных организаций установили строгий контроль за работой школ и кружков, чаще посещали занятия» («Правда», 1948).

Часто относительное прилагательное партийный выступает в роли заголовков статей, определяя их содержание: «Партийная чистка в Удмуртии», «Новое в партийном руководстве деревней», «Равняйтесь на партийных руководителей», «Коростельское партийное руководство

оторвалось от масс» и т. п. Кроме того, оно активно функционирует в текстах статей, указывает на типичные явления 30 – х гг., происходившие в нашей стране: очищение партийных организаций от вредных элементов, подчеркивание ведущей роли партии в жизни общества, критика неугодных руководителей.

Например, в статье «Партийная чистка в Удмуртии»: «Закончилась чистка удмуртской областной партийной организации. На собрании по чистке присутствовало 200 тысяч беспартийных. Колхозники нередко приезжали на собрание за 15 – 18 километров. Благодаря такой высокой активности трудящихся масс, комиссиям по чистке удалось разоблачить даже наиболее тщательно замаскировавшихся врагов, прикрывавшихся партийными билетами. Во время первых лет революции и гражданской войны Удмуртия была ареной организованного меньшевиками и эсерами ижевского контрреволюционного восстания и кулацких контрреволюционных восстаний в деревне... Чистка обнаружила значительную засоренность партийных организаций» («Правда», 1934).

Авторы статей употребляют производное прилагательное «внутрипартийный» в значении – относящийся к действиям внутри партии: внутрипартийный вопрос, заговор, внутрипартийное решение, строительство, внутрипартийная борьба, политика, демократия. Например, в статье «Новое в партийном руководстве деревней»: «Организирующая роль коммуниста в колхозе создается не самотеком, а в процессе большой внутрипартийной работы. В этом отношении у районного комитета партии не все благополучно. У многих коммунистов нет вкуса к партийным вопросам. Многие районные комитеты продолжают подменять советские, хозяйственные, кооперативные органы, вместо того, чтобы обеспечить их четкую, бесперебойную работу. Отсюда происходит зашувывание внутрипартийных вопросов» («Правда», 1934).

В газетных текстах актуализировать идеологический компонент значения прилагательного помогают другие идеологемы: коммунист, политотдел, райком, обком, крайком, ЦК и др. Например: «И за это время никто не пришел на водокачку, никто не спросил, как живу, в чем нуждаюсь. Не вспомнили о том, что тут, в лесу, один на водокачке работает коммунист, которому нужно дать партийную литературу, дать задание» («Правда», 1934). «Станция Коростель Юго-Западной дороги. Здесь же политотдел отделения, но впечатление такое, словно политотдел находится где-то за тридевять земель... Ни один из работников

политотдела не приходит на собрания рабочих, не участвует в жизни станции, и встреча партийного организатора с политотдельцами происходит только во время узловых совещаний, созываемых по каким-либо торжественным случаям» («Правда», 1934). «Райкомы, обкомы, крайкомы и ЦК нацкомпартий обязаны использовать зимний период для дальнейшего укрепления колхозов, сплочения беспартийного актива» («Правда», 1934).

В текстах газет широко представлены оценочные словосочетания, в состав которых входит относительное прилагательное партийный. Например: «Комиссия по чистке столкнулась, в особенности в начале, с такими явлениями, когда некоторые партийные организации и комитеты, недолюбливающие самокритику, хотели чистку провести «поспокойнее», «без шума», «чтобы никого не обидеть» и т.д. Этих партийных обывателей т. Сталин назвал «лакированными коммунистами», которые не имеют ничего общего с духом нашей партии, с духом большевизма» («Правда», 1934).

Сему отрицательной оценки содержит прилагательное «антипартийный», функционирующее в текстах газет в составе словосочетаний антипартийный курс, заговор, антипартийная практика, группировка, скверна и т. п. Например: «В трудные дореволюционные годы Киров выступал как руководитель революционных забастовок рабочих, как пламенный трибун – массовик... Наконец, партия возлагает на него новую и еще более важную задачу – возглавить ленинскую партийную организацию и очистить ее от троцкистско-зиновьевской антипартийной скверны» («Правда», 1934).

Тональность текста создается за счет лексем «скверна» и «троцкистско-зиновьевский», имеющих одинаковое пейоративное оценочное значение, содержащих одинаковые экспрессивные семы (яркие отрицательные семы), но различных в стилистическом аспекте (устарелое – новое). Прилагательное «троцкистско-зиновьевский» – одна из активных идеологем в узусе 30 – х гг. в значении «относящийся к деятельности самых активных врагов партии, народа, Сталина».

Поли темы «партия» и мотивированное ею значение относительно прилагательного «партийный» отличаются высокой частотностью в публицистическом и официально-деловом стилях речи в период социализма. Множество документов, характеристик представляли человека с точки зрения партийной активности: «Вот еще один документ – партийная характеристика на члена ВКП (б), слушателя пятого курса

первого факультета Артиллерийской ордена Ленина академии имени Ф.Э. Дзержинского Джугашвили Якова Иосифовича: «Член ВКП (б) с 1941 года, партбилет № 352864, год рождения 1908, служащий. Делу партии предан. Работает над повышением своего идейно-теоретического уровня. Особенно интересуется марксистско-ленинской философией. Принимает участие в партийной работе. Участвовал в составе редколлегии стенной газеты, проявил себя хорошим организатором. К учебе относится добросовестно. Упорно и настойчиво преодолевает трудности. Пользуется авторитетом среди товарищей. Партийных взысканий не имеет». Характеристика утверждена на заседании партбюро 14 апреля 1941 года. Подписал ее секретарь партбюро пятого курса Тимофеев» (Сухотин. «Сын Сталина»).

В 80 – 90-е гг., когда происходит переоценка ценностей, когда «кривое зеркало идеологии, в которое самозабвенно смотрелось наше общество более 70 лет, лопнуло» (Баранов, Караулов).

Предвкусая перемены, А.И. Солженицын размышляет о будущей партийной системе в России: «Интересы партий да и само существование их – вовсе не тождественны с интересами избирателей. С. Крыжановский считал, что пороки и даже крушение парламентского строя происходит именно из-за партий, отрицающих единство нации и само понятие отечества партийная борьба заменяет, где уж там поиск истины – она идет за партийный престиж и отвоение кусков исполнительной власти. Верхушки политических партий неизбежно превращаются в олигархию. А перед кем отчитываются партии, кроме своих же комитетов? – такая инстанция не предусмотрена ни в какой конституции» (А. Солженицын. «Как нам обустроить Россию»).

С крушением однопартийной системы в нашей стране существенно изменилось значение слова партия. Если в БАС и МАС значение репрезентировано с мелиоративной коннотацией как: «политическая организация, являющаяся высшей формой организации какого – либо класса и представляющая собой наиболее активную часть этого класса» (МАС), то в 90 – е гг. XX века 1-ое и 2-е значения, указанные в данных словарях, приобретают частный характер. На первое место возвращается употребление, фиксируемое в XIX веке: «группа лиц, объединенных общностью каких-либо политических или экономических интересов».

Ср.: «И вечный рецепт решения проблемы: «Требуется наличие такой власти, которая имела бы желание и силу двинуть использование этих огромных богатств на пользу народа. Требуется наличие такой

партии, достаточно сплоченной и единой для того, чтобы направить усилия... в одну точку... не сдрейфить перед трудностями и систематически проводить в жизнь правильную... политику» (Е. Гайдар. «Государство и эволюция»).

«В Российской Федерации признаются политическое многообразие, многопартийность» (Конституция, 1998, статья 13). «Политические партии и массовые общественные движения, преследующие политические цели, не вправе получать финансовую и иную материальную помощь от иностранных государств, организаций и граждан. Политические партии ежегодно публикуют свои бюджеты для всеобщего сведения» (Закон СССР об общественных объединениях).

Количество политических партий в нашей стране постоянно растет. Обычно для их обозначения используется полное название или словосочетание наша партия. В докладе Е. Гайдара (1995): «Основные итоги этого года для страны и для нашей партии»; «вся история коммунистической партии – это история отсечения наиболее умеренных ее элементов»; «На первом этапе документ подписали несколько организаций. Наша партия «Демократический выбор России», «Партия социальной демократии», которую возглавляет А.Н. Яковлев, «Крестьянская партия» во главе в Ю.Д. Черниченко, «движение за солидарность».

Проанализированные материалы периодической печати репрезентируют данный референт с аксиологической пейоративной модальностью, основой которой является исторический опыт нашего народа: «Тут и кроются основы конституционного кризиса, имеющие своей корневой основой стремление исполнительной власти к своей абсолютизации, надконституционности. Все это уже было в истории нашей страны – при всевластии партийной верхушки. Очевидно, так править гораздо привычнее для президента...» (Р. Хасбулатов. «Правда»).

Появились новые словосочетания, характеризующие партию: тонущий корабль, воровская малина, живой труп, многоплановая политическая старуха и т. п. Или например, окказиональное словосочетание «партийные царедворцы» в книге Г.П. Вишневской «Галина»: «Вращаясь в этом новом для меня «высшем обществе», я впервые увидела партийных царедворцев в действии. Когда кто-либо из членов правительства оказывает тебе внимание, в твою сторону моментально кидается стая прихлебателей из его окружения. Смотрят заискивающими глазами в надежде через тебя услужить своему хозяину. До чего же это противно и тошно!».

В связи с перестройкой изменилась и сама партия коммунистов, ее идеология, и отношение к ней: «КПРФ. В целом эта партия, несмотря на ее попытки освоить новые реальности, остается в рамках догматической дилеммы: социализм или капитализм. Идея низового, самодетельного предпринимательства остается коммунистам чуждой. Несомненно, определенную роль играет и тот факт, что влиятельный политический спектр постсоветской России образован посредством деления: бывший авангард разделился на правых либералов, центристов, социал-демократов, коммунистов. Причем вся политическая инфраструктура, обеспечивающая влияние, известность, участие в решениях и т. д., унаследована от коммунистического режима и потому поддерживает «товарищей по партии» («Российская Федерация»).

Однако сторонники КПСС, сторонники возврата к прошлому постоянно употребляют слово «партия», «партийный» так же, как их употребляли в 20 – 80-е гг. Кроме того, как справедливо пишет О.П. Ермакова, «в связи с концом однопартийности слово партия утратило (в широком значении – О.В.) компонент «коммунистический».

3. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ИДЕОЛОГЕМ

БУРЖУАЗИЯ, БУРЖУАЗНЫЙ

1. Существительное «буржуазия» и его производное – относительное прилагательное «буржуазный» (французское bourgeoisie от латинского burgus – город) были освоены лексической системой русского языка в 50 – 60 гг. XIX в. (см. «Карманный словарь иностранных слов» Н. Кириллов, 1845 – 1846, «Настольный словарь для справок по всем отраслям знаний» Ф. Толль и В.Р. Зотов, 1863 – 1864, «Словарь русского языка, составленный вторым отделением Академии наук», 1891 – 1925 и др.).

Вначале в русских публицистических текстах существительное было представлено в не транслитерированном виде: bourgeoisie. Например, у Белинского: «Все литературные знаменитости современной Франции... живут, как порядочные bourgeoisie». Затем иноязычное слово употребляется в транслитерированном виде, но в форме «буржуази». Например, у Герцена: «Вся будущность Франции в руках буржуази».

В 50-е гг. устанавливается современное произношение и написание заимствованного слова. Например, у Анненкова: «Известно, сколько в современной французской буржуазии лежит чисто головного, абстрактного сенсуализма».

Русские переводчики, общественные деятели, лексикографы вначале воспринимали слово «буржуазия» как тождественное по значению словосочетанию «среднее сословие». В «Карманном словаре иностранных слов»: «среднее сословие» (tiersitat, bourgeoisie).

Слово «буржуа» (французское bourgeois) определяется в словарях как «один из среднего сословия», «мещанин». В «Словотолкователе 30 тысяч иностранных слов» И. Бурдона: «Буржуа, фр. bourgeois, от bourg, происш. от др.– герм. Burg, город. Один из членов среднего сословия во Франции» (Бурдон, 1871, с. 26).

В «Словаре» В.И. Даля: «Буржуазия, мещане, мещанство, горожане, граждане, обыватели, торговый и ремесленный люд» (Даль, 2 – е изд., 1880, с. 54).

4. Однако «с развитием идей о классовой борьбе в современном обществе все отчетливее выступает представление о буржуазии как особом классе общества, выделившемся из первичной пестрой массы среднего сословия, мещанства» (Ю.С. Сорокин, 1965, с. 89). Показательно,

что процесса разграничения двух понятий не уловил Белинский, упрекавший Герцена в том, что «он понимает под этим словом только богатых капиталистов и исключил из них самую многочисленную и потому самую важную массу этого сословия» (Картотека Словаря современного русского литературного языка Институт лингвистических исследований РАН).

Вначале объектом номинации было среднее сословие, затем особый класс общества во Франции, то есть слово «буржуазия» использовалось в русских текстах как средство создания национального политического колорита. Но «с развитием капиталистических отношений в России эти слова (буржуа, буржуазия – О.В.) получают более общее значение, начинают прилагаться... к соответствующим явлениям русской жизни» (Ю.С. Сорокин). Например, у Н. Шелгунова: «Оба они оберегают капитал нового русского буржуа, в которого превращается бывший помещик» (1869). «Здесь же расцветает такой «окопно-казарменный» квазисоциализм, основанный на всестороннем «опрощении» всей жизни, на культуре даже не «мозолистого кулака», а просто кулака, что чувствуешь себя как будто бы виноватым перед всяким культурным буржуа. А так как действительность сильнее всякой идеологии, а, потому, под покровом власти пролетариата на деле тайком распускается самое скверное мещанство со всеми специфически-русскими пороками некультурности» (Ю.О. Мартов, Письмо Н.С. Кристи 30 декабря 1917 г.).

Прилагательное «буржуазный» в относительном значении появилось в русском языке в середине XIX в. Например, у Огарева: «Буржуазное стремление к отдельной собственности... не останавливается ни перед какими средствами распространить власть своего уродливого своеволия» (Картотека Словаря современного русского литературного языка Институт лингвистических исследований РАН)..

Контексты наводят семы пейоративной оценки при использовании терминов «буржуазия», «буржуазный». У Герцена: «Жорж Санд выставляет дурную сторону буржуазии»; у Ленина: «Все буржуазные партии, то есть те, которые охраняют экономические привилегии капиталистов, реализуют свои партии точно так же, как отдельные капиталисты реализуют свои товары» (КССРЛЯ).

В дефинициях толковых словарей XIX в. выделяется особое, качественное значение прилагательного «буржуазный»: «отвечающий запросам буржуазии, мещанский, обывательский, неинтеллигентный». Например, в «Словаре русского языка» второго отделения Академии

наук: «Буржуазный от фр. bourgeois – мещанин. Мещанский, простой, несколько грубый» (1895).

Почти каждый из русских писателей XIX в. использует данное прилагательное в качественном значении, которое актуализирует в контексте различные денотативные семы: расчетливый, скупой, с дурным вкусом, пробивной, неинтеллигентный и др.

У Л.Н. Толстого: «У нас же буржуазное правило, что жениться можно только тогда, когда крепко сидишь на шее людей» («Мысли об отношении между полами»).

У Ф.М. Достоевского: «Я жил в самой буржуазной, самой меркантильной среде, где каждый су был рассчитан и вымерен» («Игрок»); «Я всегда замечал, что даже самые забулдыжные, самые потерянные французы чрезмерно привержены... к некоторого рода буржуазному порядку, к некоторого рода самому прозаическому, обычно обрядному образу навсегда заведенной жизни» («Подросток»).

У А.П. Бородина: «По крайней мере, полное отсутствие всего узкого, стадового, истового, ремесленного, буржуазного, как и в артисте, так и в человеке сказывается в нем сразу» («Мои воспоминания о Листе», 1978).

В приведенных текстах и им подобных актуализируется сема отрицательной оценки. Только один пример в «Картотеке словаря современного русского литературного языка» показывает, что под влиянием социального фактора прилагательное «буржуазный» в качественном значении может получить из контекста сему положительной оценки. Так, Д.Н. Мамин-Сибиряк, считавший, что экономическое и культурное будущее России связано с промышленниками и заводчиками, употребляет словосочетание «буржуазная жилка» в значении: поведение, нравы, обычаи буржуазии – и оценивает эти нравы положительно, о чем свидетельствует контекст: «В Кузаеве сказывалась буржуазная жилка, тянувшая к покою и скромной трудовой обстановке» («Нужно поощрять искусство»).

Об окачествлении относительного прилагательного свидетельствуют и грамматические процессы: возможность образования краткой формы, превосходной степени (самый буржуазный) и наречия. У Герцена «Она буржуазно жила на содержании у какого-то купца» («Былое и думы»). У Лескова: «Недомолвки расширили эти ощущения, и простые человеческие чувства становились буржуазны, мелки». У Немировича-Данченко: «Наше “Горе от ума”, в конце концов, все-таки сведено к красивому зрелищу, лишенному того, что могло

бышний раз дразнить и беспокоить буржуазно налаженные души» (Письмо к Л. Гуревич, 1915).

Прилагательное «буржуазный» соотнесено по значению с мотивирующим словом в каждом из толковых словарей, появившихся в советский период. В «Словаре русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова слово «буржуазный» представлено в одном значении: «Свойственный буржуазии», но показательны «речения», иллюстрирующие это значение: «Буржуазный предрассудок. Его замашки слишком буржуазны» («Словарь» Ушакова). На основании такого словоупотребления прилагательного составители словаря должны были сформулировать то значение, о котором речь шла выше: обывательский, мещанский, меркантильный, с дурным вкусом.

Показателен текст статьи М. Кольцова «Победители»: «Женщина – трогательный кумир английского буржуазного обывательского быта». Контекст наводит сему пейоративной оценки, в подтексте угадывается противопоставление: буржуазный – советский быт, где женщина не должна быть и не является кумиром. Вероятно, можно выделить оттенок значения: «не свойственный советскому человеку» (о морали, быте, манере поведения и т. п.).

У Макаренко «Мораль буржуазного мира – это мораль, приспособленная к жадности» («Книга для родителей»). «– Ты, кажется, надушился, молодой человек? – Надушился, – ответил я беспечно... Пахучий одеколон, правда? – Это что еще за буржуазные предрассудки? – закричал Коломеец» (Беляев. «Старая крепость»).

В «Повести о театральной юности» А. Дикого: «Если даже откинуть мотивы политические, для трезвых, насквозь буржуазных нововременцев жгучая боль Достоевского была всего лишь истерикой». Контекст наводит семы «рассудительный», «не свойственный влиянию эмоций». В таком значении слово не используется для отрицательной оценки, в то же время как в семантической структуре противопоставленного слова (истерика) содержится сема пейоративной оценки. Она гасится за счет словосочетания «жгучая боль», а прилагательное буржуазный воспринимается как оценочное со знаком минус. Подобное противопоставление хорошо показывает, как в зависимости от точки зрения меняются положительная и отрицательная оценки при употреблении одного и того же слова.

В БАС существительное «буржуазия» представлено следующим образом: «Буржуазия. В капиталистическом обществе – господствующий

класс, владеющий средствами производства и живущий доходами от эксплуатации наемного труда». Прилагательное «буржуазный» представлено так: «1.Созданный буржуазией, свойственный ей. Буржуазный строй. Буржуазный порядок». Здесь выделено оценочное значение слова, подчеркнутое в дефиниции синонимом мещанский: «2.Свойственный буржуазии, буржуазному строю, мещанский». Однако иллюстраций, подтверждающих реальность этого слова в речи в словарной статье нет.

В МАС: «Буржуазия. Господствующий класс капиталистического общества, являющийся собственником орудий и средств производства и живущий капиталистическим доходом, получая прибавочную стоимость эксплуатацией наемного труда. Отжившая буржуазия соединяется со всеми отживающими силами, чтобы сохранить колеблющееся наемное рабство». В МАС выделены два значения прилагательного: «1. прил. к буржуазия, свойственный буржуазии. Буржуазная пресса. Буржуазные партии. Буржуазный быт. 2. Характеризующийся господствующей ролью буржуазии, осуществляемый в интересах буржуазии. Буржуазная революция. Буржуазное общество. Буржуазная демократия».

Возможность появления в семантической структуре прилагательного оценочной семы не отмечена, хотя материал публицистики и художественных произведений 30 – 50 – х гг. свидетельствует о типовом оценочном употреблении прилагательного буржуазный, обусловленном «оппозицией свое – чужое в концептуальном устройстве языка» (Сахно, 1990, с. 98).

В конце XIX начале XX вв. и в советский период слова «буржуазия» и «буржуазный» воспринимаются многими носителями языка (и различинной, и дворянской интеллигенцией) как слова, в семантической структуре которых содержится пейоративная оценочная сема. У Блока в поэме «Возмездие»: «Век буржуазного богатства (Растущего незримо зла)» (Блок, т. 3, с. 304). У В. Ходасевича: «Несмотря на все усердия Брюсова, большевики не ценили его. При случае попрекали былой принадлежностью к буржуазной литературе» (Ходасевич. «Брюсов»).

В романе А. Рыбакова «Дети Арбата»: «Крайними революционными средствами Ленин доделал буржуазную революцию, расчистил для нее путь, уничтожив все остатки буржуазно-помещичьего строя».

В романе «35 и другие годы» того же автора: «В октябре 1917 года, по словам историка И.И. Минца, «Сталин, выполняя волю Ленина, вывел большевистские полки против буржуазного правительства». «Бур-

жуазные газеты не признавали январского процесса – он, видите ли, был закрытым».

В анализируемых текстах прилагательное «буржуазный» используется как информема (буржуазная революция, буржуазное правительство, буржуазная семья и т. п.) и как экспрессема с яркой пейоративной оценкой (буржуазные историки, буржуазные тенденции в литературе, буржуазные пережитки и др.).

Ряд фрагментов дает возможность определить текстовый смысл этого слова как «враждебный советскому государству, неприемлемый для граждан Советского Союза». В таких фрагментах актуализируется оценочная сема. Например, в романе А. Рыбакова «Дети Арбата»: «Историческую науку надо взять в свои руки, – хмуρο проговорил Сталин, иначе она попадет в чужие руки, в руки буржуазных историков. Впрочем, наши историки не лучше. Я уже не говорю о Покровском, он, в сущности, тоже буржуазный историк».

Оппозиция «свое – чужое» в тексте и противопоставление «наши – но чужие» в подтексте эксплицируют семы пейоративной оценки. В романе «35 и другие годы»: «Именно беседа товарища Сталина и его письма нанесли сокрушительный удар антипартийным буржуазным тенденциям в литературе, всяким литературным группировкам, вульгарно-социологическим и формалистическим школам и «школкам». Именно тогда, в 32 году, товарищ Сталин дал определение советской литературе как литературе социалистического реализма».

В цитированной выше статье С.Л. Сахно отмечено, что специальным знаком отчуждения является квалификация «так называемый» (Сахно, 1991, с. 95). Подобным знаком в тексте романа «35 и другие годы» является местоимение «всякий», указывающее на группировки, школы и школки с чужими – буржуазными тенденциями, противопоставленные в размышлениях Сталина советской литературе.

В романе «Страх»: «Совсем недавно на политчасе Чекин – секретарь парторганизации читал о высадке на Северном полюсе полярной экспедиции Папанина, Федорова, Ширшова и Кренкеля, первая в истории человечества высадка на Северном полюсе. И тут поднялся электрик Володька Артемкин и сказал: «Первым достиг Северного полюса американец Пири еще в 1909 году на собачьих упряжках». Сказал и сел. Чекин выпучил глаза на Артемкина: как это может быть, чтобы какой-то американец обогнал славных сынов советского народа. Артемкину бы помолчать, но он опять поднялся и предложил принести на автобазу

книжку о Пири. Чекин закричал, что никаких буржуазных рассказней он читать не желает, а Артемкин хочет умалить достижения наших советских полярников, и нечего ему здесь, на рабочем собрании, вести вредную агитацию» (Рыбаков, 1990, № 9, с. 111).

В этом фрагменте текста с отрицательной модальностью, реализации концепта «свое – чужое» способствует употребление местоимения «какой-то», оценочного существительного «рассказни», словосочетания «вредная агитация». Буржуазное – чуждое, противопоставлено своему – советскому, что характерно почти для всех текстов, представленных в Картотеке Словаря современного русского литературного языка Института лингвистических исследований РАН, где функционируют эти прилагательные. Показательна и текстовая синонимия: первый – советский, первый – буржуазный.

В публицистике 30 – 50-х гг. сема пейоративной оценки становится особенно яркой при сопоставлении: советский – социалистический – буржуазный.

Прием противопоставления, свойственный публицистике, реализуется с помощью антонимов «буржуазный» – «советский», имеющих полярные оценочные семы. Например, в газете «Правда», (1948): «Среди многих враждебных идеологий, среди которых вырос и закалился большевизм, каутскианство, безусловно, представляет собой одну из наиболее зловредных и опасных разновидностей, в особенности период, когда история поставила в порядок дня вопрос о непосредственном переходе от буржуазной к социалистической демократии». В этом тексте противопоставлены прилагательные «буржуазный» – «социалистический», также реализующие полярные оценочные семы.

В газетно-публицистических текстах относительные прилагательные в процессе коммуникации реализуют социальную оценочность, идеологически воздействуя на широкие массы людей, формируя общественное мнение, общественно-политическое сознание с тем, чтобы убедить в правильности, целесообразности тех или иных общественных идеалов или конкретных мероприятий советской власти, дают им определенную политическую оценку.

Это хорошо представлено в произведениях А.И. Солженицына, особенно в романе «В круге первом», где Сталин и его подручные говорят языком газет. Например: «Близорукие наивные люди представляют себе коммунизм как царство святости. Но это было бы невозможное общество, все на голову сядут, такой коммунизм хуже буржуазной

анархии», в речи прокурора Словуты: «А все-таки еще порядочно наследие старого режима. Испорчен народ очень. Испорчен буржуазной идеологией».

В результате происходит изменение значения прилагательного «буржуазный» за счет появления нового денотативного компонента значения (чужой, не наш, враждебный) и появления оценочной семы (пейоративной оценки), что лишний раз свидетельствует о том, что между денотативным и коннотативным содержанием слова нет непродоходимой границы. Об этом прекрасно написала Т.Г. Винокур: «Необходимость вербализовать внеязыковую референтную ситуацию через набор денотатов, несущих предметное значение и передающих смысл высказывания, сама по себе порождает коннотативные смыслы: выбрать речевое сходство – значит «как-то отнестись» и к речи, и к выраженной ею реальности».

Показателен текст статьи Ю. Корякина «Стоит ли наступать на грабли?», где автор вспоминает свой доклад о Радищеве, сделанный в 1954 г., ссылаясь на известного специалиста по литературе XVIII в. – Г.В. Гуковского, погибшего во время борьбы с космополитизмом. «Некто из слушателей произнес: «А знаете ли вы, кого вы взяли себе в поводыри? Знаете ли вы, что это буржуазный объективист, безродный космополит, раскритикованный в советской печати?».

Социальная оценочность особенно резко проявилась в ходе кампаний идеологического характера: борьба с космополитизмом, борьба с формализмом, борьба с вейсманизмом – морганизмом: «Разве вейсманизм -морганизм может быть заснят на пленку? Это ложное учение, коренящееся в головах буржуазных схоластов»; «Поздравь, дурачок, меня и себя! Теперь мы можем вызывать на бой буржуазную схоластику!»; «Из Москвы был прислан новый доцент и сразу же начал бойко читать курс лекций по мичуринской генетике, усердно костя при этом вейсманистов-морганистов, как проводников буржуазной идеологии в биологии» (Дудинцев. «Белые одежды»).

В этот период происходит активное вмешательство государственного руководства в область науки, появляются статьи типа «Реакционная сущность вейсманизма», где сказано: «От Дарвина до наших дней прогрессивная материалистическая биология развивалась в борьбе с противоположным ей реакционным идеалистическим направлением. Представители идеалистических воззрений в биологии утверждали автономность жизненных процессов, невозможность объяснить их есте-

ственными причинами. Основоположник «теории» существования бессмертной зародышевой плазмы Август Вейсман, восставая против понимания основного положения о наследовании организмом приобретенных в процессе развития признаков, утверждает, что оно не мыслимо теоретически. Это антинаучная точка зрения» («Правда», 1948).

После такого выступления печати публицистика берет на вооружение новые термины и использует их в одном контексте с оценочной лексикой. Перестраиваются привычные парадигматические связи слов, появляются новые, стилистически маркированные: вейсманистский – буржуазный, реакционный, идеалистический, лженаучный, ненаучный, антинаучный; мичуринский – материалистический, наш, советский, истинный, передовой, научный. В результате в семантической структуре слов, не имеющих отношения к микросистемам «политика», «идеология», появляется идеологический компонент значения.

Подобное типовое словоупотребление 40-х гг. отражено в тексте романа «Белые одежды» В. Дудинцева, например: «Обнажаю голову перед великой прозорливостью знаменосцев мичуринской биологии. Не они ли предупреждали нас об опасности, которую таят невинная, на первый взгляд, хромосомная теория наследственности, увлечение скромным колхицином, крошечной мушкой – дрозофилой, мутагенами и другими подобными «детскими» игрушками. Сегодня мы все можем увидеть, как, продрав бумажку, на которой нарисован вейсманистско-морганистский голубок, высунулось черное орудийное дуло империализма, не брезгующее ничем для того, чтобы подорвать, дискредитировать советскую науку, оплевать достижения наших ученых». В речи учительницы: «Дорогой Кассиан Дамианович! Вам, как признанному, большому авторитету в мичуринской науке, юные биологи нашей школы принесли в подарок ветку березы, которую они нашли в здешних лесах. На ней, на этой березовой ветке, я обращаю внимание всех, на березе, выросли необыкновенные пять побегов ветки серой ольхи!.. Это будет в ваших руках хорошая богатырская дубинка на вейсманиство-морганистов! – закричала женщина. -Этой дубинкой вы разгоните их всех! Этой веткой вы навсегда выметете весь хлам буржуазных схоластов, ненавидящих нашу мичуринскую биологию. Борющихся против научного объяснения мира! Прокладывающих дорогу расистским теориям битого фашизма!»

В речи сторонников Лысенко не соблюдается этикет научной дискуссии, поэтому номинации оппонентов (вейсманисты, органисты,

антимичуринцы, буржуазные генетики, схоласты и т. п.) соседствуют в тексте их выступлений с бранными словами, заряжающими отрицательной оценкой и собственными именами, и прилагательное «буржуазный». Например, шерстить, потрясти (вейсманистов); враг, расист, хулиган, вредитель, слюняй, собачина, сволочи, чушь, сопли; наглый, матерый, подлый, махровый и т.п.

В БАС: «Шерстить. 3. Простор. Сильно ругать, распекать, разносить». «Трясти. 2. Перен. Разг. Подвергать наказанию, давать нагоняй...».

В МАС: «Матерый. 3. Перен. Отыявленный, закоренелый». «Махровый». 2. Перен. Проявляющий в самой высокой степени какое-либо отрицательное свойство, черту, особенность».

В тексте романа «Белые одежды»: «Махровый реакционер, генерал от вейсманизма-морганизма, – вставил Саул»; «...Действуя как пропагандисты фашистской идеологии...»; «Мы даем здесь бой, повторяю, бой фашистской идеологии. Американцы подбрасывают нам генетику... эту дохлую собаку...»; «Не распускайте здесь идеалистических соплей!.. Бить надо таких слюняев! Крепким рабочим кулаком!».

Следует отметить в связи с увеличением оценочных слов в период различных правительственных кампаний активизацию процесса, названного И.Я. Чернухиной «процессом семантической иррадиации», когда «доминирующее тематическое поле подчиняет себе семантику слов других групп лексики, даже не сопряженных с ним» (Клименко, 1990, с. 93).

Отрицательная модальность текстов влияет на семантику слов различных тематических групп, даже на те слова, которые и в скрытом виде не содержат оценочных и идеологических сем, например, дрозофила – крошечная плодовая мушка, на которой генетики изучали общие законы наследственности, – стала в период борьбы с вейсманизмом-морганизмом символом мракобесия, лженауки, буржуазной биологии, то есть, стала оценочным словом с идеологическим компонентом значения, несмотря на то, что оно не имеет никакого отношения ни к политической, ни к идеологической лексике.

В тексте романа «Белые одежды»: «Это была мушка – дрозофила – знаменитый объект изучения у морганистов... фруктовая мушка, могла запросто с улицы прилететь, сейчас лето, – небрежно заметил Стригалева... -Составим акт? – угрожающе устало сказал профессор Хейфец. – Уж и акт! Однако у мушки был такой же вызывающий вид. Она заодно с вами!». В подтексте, на что указывает слово акт, содержится идея

о преступлении ученых, позволивших себе избрать объектом изучения мушку дрозофилу, и, наблюдая за ее размножением, вывести закон о наследственности.

В повести Д. Гранина «Зубр», где описывается та же ситуация: «Само слово дрозофила звучало в те годы как криминал. Дрозофильщики чуть ли не вредители, фашисты – что-то в этом роде, страшное, враждебное советской жизни. В «Огоньке» печатают статью «Мухолобы – человеконенавистники». Текстовый смысл слова дрозофила – «мушка, которую буржуазные ученые и их приспешники в СССР выдают за серьезный объект изучения, чтобы отвлечь биологов от решения важных сельскохозяйственных задач», что уже граничит с теорией абсурда.

В речи вейсманистов-морганистов и их сторонников была возможна мелиоративная коннотация: «Мушка называлась дрозофила... Если бы я писал научно-популярную книгу, я бы прежде всего воспел дрозофилу, сочинил нечто вроде оды этому насекомому, верному помощнику тысяч генетиков... Если сочли возможным поставить памятник павловской собаке, то следовало бы увековечить и нашу благодарность моргановской мухе -дрозофиле, гонимой ненавидимой врагами генетики, осмеянной, спасаемой в подполье» («Зубр»).

Н.Е.Сулименко, цитируя высказывание В. Амлинского «...Само слово генетика воспринималось как сомнительное», справедливо пишет: «Здесь мы сталкиваемся с оценкой роли слова в передаче определенного социально-психологического опыта, дискредитацией слова как обозначения чуждых, якобы лженаучных понятий. Отрицательные коннотации отражают заблуждения людей в поисках научной истины. Достаточно отметить тот положительный коннотационный ореол, который сейчас имеет это слово».

Но появление идеологического компонента значения, семы негативной оценки у слов вейсманистско-морганистский, генетика, гены, клетка, мутация, наследственность, дрозофила обусловлено не поисками научной истины, а вмешательством власти, политики в науку в 40-е г. в нашей стране.

Особенно яркая оценочная сема содержится в семантической структуре существительного «буржуй», появившемся в русском языке в середине XIX в. как просторечный синоним к литературному «буржуа» («представитель буржуазии; собственник; богач»). В романе Тургенева «Новь»: «– Вы имеете ли понятие о Фалееве? – Никакого. – Первый по Москве алтынник. Буржуй – одно слово».

В годы революции и Гражданской войны существительные «буржуй» и «буржуйка» входили в число активной бранной лексики (в МАС эти слова имеют помету «презрительное»). Сохранились они и в языке жителей СССР более поздней эпохи в расширенном значении: о богатом человеке, хорошо одетом человеке, живущем лучше, чем говорящий,

В культурно-исторической памяти наших соотечественников сохранились строки Маяковского и Блока, где буржуа – буржуй представлены карикатурно-зловеще. У Маяковского:

С Адама буржую пролетарий не мил...

Да и то

в Октябре

пролетарская голь

из-под ихнего пуза – груза

продралась

и загнала осиновый кол

в кругосветное ихнее пузо.

Буржуй шоферу

фыркает: «Вези!»...

Он сыт.

Он всех,

от индуса

до грузина,

вогнал в пресмыкающиеся твари,

чтоб сияли

витрины провинциальных магазинов,

громоздя

товар на товаре».

Буржуй, прощайся с приятными деньками:

добьем окончательно твердыми деньгами.

Наиболее известные строки, знакомые ранее ученикам младших классов школы, теперь не все студенты знают и даже не могут определить автора текста:

Ешь ананасы,

рябчиков жуй,

день твой последний

приходит,

буржуй!

Конечно, идеи ЛЕФА, пролеткульта обусловили подобное употребление, что можно понять, в то время как тексты Блока вызывают недоумение и во многом объяснимы его болезнью в последние годы жизни. В поэме «Двенадцать»: «И буржуй на перекрестке в воротник упрятал нос»; «Ванюшка сам теперь богат... был Ванька наш, а стал солдат! – Ну, Ванька, сукин сын, буржуй, мою, попробуй, поцелуй»; «Уж я ножичком полосну, полосну! Ты лети, буржуй, воробышком! Выплю кровушку за зазнобушку...»; «Стоит буржуй, как пес голодный...».

Многие блокочеды цитируют запись в дневнике А.Блока от 26 февраля 1918 г., где слово «буржуа» не только реализует сему отрицательной оценки, но имеет особый, текстовый смысл – «нечто чудовищное, дьявольское, способное вызвать ненависть», хотя речь идет о рядовом обывателе: «Я живу в квартире, а за тонкой перегородкой находится другая квартира, где живет буржуа с семейством... Он лично мне еще не сделал зла. Но я задыхаюсь от ненависти, которая доходит до какого-то патологического истерического омерзения, мешает жить. Отойди от меня, сатана, отойди от меня, так буржуа, только, чтобы не соприкасаться, не видеть, не слышать; лучше я или хуже его, не знаю, но гнусно мне, рвотно мне, отойди, сатана» (Блок, т. 3, с. 327 – 328).

В настоящее время словопроизводственное гнездо с опорным словом «буржуазия» также в определенных текстах реализует сему пейоративной оценки. Например: «Все представления о социализме строятся на принципе отрицания. Буржуазность введена в сан Дьявола» (А.Н. Яковлев, «Горькая чаша»).

Подобные примеры довольно часто встречаются в печатных работах и устных выступлениях оппозиционных правительству деятелей, обвиняющих членов правительства, демократов, в приверженности ко всему буржуазному, то есть ложному, скверному, несущему гибель.

«Священный долг советских коммунистов – сплотить пролетариат на борьбу за независимость Советской Родины. Пока у власти остаются режимы криминальной компрадорской буржуазии, лакействующие перед преступным интернационалом империалистов во главе с США,

у пролетариата не будет отечества... Советские коммунисты признают, что восстановление социализма возможно только в бескомпромиссной борьбе с буржуазной контрреволюцией и ее пособниками» (Проект программы партии советских коммунистов). «И у меня всегда возникал вопрос: “А зачем нужна такая Дума, которая безропотно обслуживает нынешнего президента и нынешнее буржуазное правительство?»

(С. Бабурин. «Правда»). «Шла, песни распевая, взрывая синеву, «Россия Трудовая» в буржуйскую Москву» («Молния»). «Американцы после длительного общения с нами входят во вкус и, как и мы, отдают предпочтение чистосердечному, искреннему хамству, понемногу отказываясь от нарочитой буржуазной любезности» («Комсомольская правда»).

Трудно согласиться с О.П. Ермаковой в том, что слово «буржуа» «употребляется без идеологического приращения», о чем свидетельствуют примеры, приведенные выше, хотя в текстах определенной социальной ориентированности это возможно.

СОЦИАЛИЗМ, СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ

Появление в русском языке термина «социализм» связано с распространением учений утопического социализма и коммунизма в 30-е гг. XIX в. В исторической справке Г.В. Плеханова, в его примечании к работе «Французский утопический социализм» указано, что слово «социализм» появилось в английской и французской литературе в 30-е гг. XIX в. и в первый раз было употреблено Пьером Леру в 1834 г. Первоначально семантика слова расплывчата, «позже оно стало означать всякое стремление переделать общественный строй с целью поднять благосостояние низшего класса и обеспечить социальный мир. Ввиду этой крайней неопределенности его значения ему нередко противопоставляли коммунизм как стремление к гораздо более определенной цели установления общественного равенства посредством обращения средств производства, а иногда также и предметов потребления в общественную собственность» (Плеханов, 1956, т. 3, с. 521 Сборник документов, 1996).

Сопоставление терминов «социализм» и «коммунизм» находим и в «Словаре» В.И. Даля: «Социализм. Ученье, основывающее гражданский и семейный быт на товариществе или артельном учреждении; крайний социализм впадает в коммунизм, который требует упразднения всякой частной собственности на общую пользу. Социалист. Кто держится этого учения. Социалисты и коммунисты, по духу учения своего, заказные враги всякого государственного порядка».

В «Русской энциклопедии» 1911 г. термин «государственный социализм» толкуется следующим образом: «Система экономической политики, ставящая целью осуществление социалистического хозяйства силами и средствами государства, то есть с помощью правительственной власти».

В БАС: «Социализм. 1. Общественный строй, основой производственных отношений которого является общественная собственность на средства производства; первая фаза коммунизма». Построение социализма. Экономические законы социализма. 2. Учение о построении такого общества. 3. Название различных мелкобуржуазных и буржуазных учений о реформе капиталистического общества на основе уравнительности или сглаживании антагонистических противоречий. Феодалный социализм. Христианский социализм. Утопический социализм». В БАС дается ссылка на первую фиксацию слова социализм (французское – *socialisme*, от лат. *socialism* (в «Словаре» Даля в форме социализм (1-е изд.) и социализм (2-е изд. 1882 г.). Однако в форме социализм термин зафиксирован в «Настольном словаре для справок по всем отраслям знаний» Ф. Толля и В.Р. Зотова (1863 – 1864) и в «Словотолкователе 30 тысяч иностранных слов» 1876 г. И. Бурдона, где дано следующее определение: «Социализм, от лат. *socialis*, общественный. Учение, требующее преобразования общественного быта и устройства его на новых отношениях».

В определении значения термина проявляется возможность его двойного толкования с точки зрения различных политических групп, различного мировоззрения, в связи с чем в дефиниции БАС слабо, но актуализируются семы пейоративной оценки (актуализаторы – уравнительность, сглаживание).

Как справедливо пишет А.Н. Яковлев, «всякий спор вокруг терминов очень часто уводит от существа дела. Скажем, идет дискуссия о социализме, но каждый вкладывает в это определение свое содержание – и теоретическое, и практическое» («Горькая чаша»). Сам А.Н. Яковлев рассматривает социализм как «марксизм в его практическом исполнении» (там же).

В МАС представлена та же семантическая структура, что и в БАС. Скрытые оценочные семы эксплицируются в иллюстрациях к толкуемому значению: «Пушкой нам общим памятником будет построенный в боях социализм» (Маяковский), к третьему значению: «Мещанский социализм есть мечтание мелкого хозяйчика о том, как бы уничтожить различие между богатыми и бедными» (Ленин) (МАС, т. 4, с. 213 – 214).

Прилагательное «социалистический» впервые зафиксировано в «Новейшем полном словотолкователе» Мартыновского и Ковалевского 1886 г.: «Социалистический. Соответствующий социализму, основанный на нем», хотя в БАС дана отсылка к «Объяснительному словарю иностранных слов» Михельсона, появившемуся в 1898 г.

Остальные словари XIX в. как производное относительное прилагательное рассматривают слово «социальный» (от лат. *socialis*). См. в «Словаре» Даля: «Социальный. К социальности или социализму относящийся».

Однако прилагательное «социалистический» употребляется в текстах второй половины XIX в.: «Хозяин был посредственный: у него в голове вертелись разные социалистические планы, которые он ... не мог осуществить» (Тургенев, «Новь»); «Заметьте, что о производственных ассоциациях нет ни слова: они действительно не пользуются его благорасположением, он как-то успел усмотреть в них социалистические и коммунистические затеи» (Салтыков-Щедрин, «Задельная палата»); «В два года он изучил алгебру, геометрию, историю, которую особенно любил, и перечитал всю художественную литературу и, главное, социалистическую» (Л. Толстой, «Воскресение»).

Ю.С. Сорокин указывает на два фактора, которые влияли на словообразование и семантику слов в XIX веке: «...внешний, связанный с условиями материальной и духовной жизни русского общества этого времени, с борьбой основных идеологических направлений, и внутренний, связанный с характерными процессами, протекающими в стилистической системе русского литературного языка. Действие этих факторов переплеталось, ибо и изменение стилистической системы литературной речи находилось в прямой зависимости от определенного соотношения общественных сил и от общего направления в развитии культурной жизни и идейной борьбы этого времени».

Идейная борьба проходила и после революции, о чем свидетельствует репрезентация лексемы социализм с пейоративной модальностью. В августе 1918 г. П.Б. Струве писал: «Торжество социализма или коммунизма оказалось в России разрушением государственности и экономической культуры, разгулом погромных страстей, в конце концов поставившим десятки миллионов населения перед угрозой голодной смерти... Поэтому идея социализма, как организации хозяйственной жизни, – безразлично, правильна или неправильна эта идея, – вовсе не воспринимается русскими массами; социализм (или коммунизм) мыслится ими только как раздел наличного имущества, либо как получение достаточного и равного пайка с наименьшей затратой труда, с минимумом обязательств» («Исторический смысл русской революции и национальные задачи» Сборник документов).

Внешний, экстралингвистический фактор способствовал становлению значений существительного «социализм» и прилагательного «социалистический», зафиксированных в современных словарях.

В «Словаре» под ред. Д.Н. Ушакова: прилагательное «социалистический» непосредственно соотносится с мотивирующим словом в четырех значениях: 1. Прил. к социализм в 1 знач., основанный на принципах социализма, существующий в условиях социализма. Социалистическая система. Социалистическая собственность. Социалистическое строительство. Социалистическая реконструкция народного хозяйства. 2. Прил. к социализм во 2 знач. Пропагандирующий социализм. Социалистическое учение. 3. Прил. к социализм в 3 знач. Социалистические утопии. 4. В международном рабочем движении – относящийся к социал-демократии, к различным мелкобуржуазным, оппортунистическим течениям, формально выступающим за социализм. Социалистические партии капиталистических стран.

В БАС рассматриваются три основных значения относительного прилагательного «социалистический»: 1. Относящийся к социализму (в 1 знач.). Социалистическое производство. Социалистическое общество... 2. Относящийся к социализму (во 2 знач.), проникнутый идеями социализма. Социалистическое учение. Социалистическая идеология... Социалистический реализм – основной метод советской художественной литературы и искусства, ставящий задачей правдивое, исторически конкретное изображение действительности в ее революционном развитии и имеющий целью коммунистическое воспитание трудящихся. Ср. сатирическое использование термина в книге Г.П. Вишневской «Галина»: «Казалось, ничто не предвещало бури. Дмитрий Шостакович находился на взлете к самым вершинам мировой славы... Да как же можно пережить такое в стране «равенства и братства»? Он посмел перерастить дозволенные, отмеренные ему партией масштабы, и нужно было его укорить, подравнять под общий газон советской культуры, называемый социалистическим реализмом» (Вишневская, 1992, с. 244). Имеющий целью преобразование общества на принципах социализма (во 2 знач.). Социалистическая борьба. Социалистическая революция. 3. Относящийся к социал-демократии и социализму (в 3 знач.) Социалистические пацифисты.

В МАС семантическая структура прилагательного представлена следующим образом: прил. к социализм (в 1 знач.) Социалистическая система Имеющий целью преобразование общества на принципах со-

циализма (во 2 знач.) Социалистическое общество. Социалистический строй). 2. Свойственный обществу, основанный на принципах социализма. Социалистическая законность. 3. Проникнутый идеями социализма, отвечающий принципам социализма. Социалистическое сознание. Социалистическое отношение к труду. 4. Относящийся к социал-демократии (в 1знач.) Социалистическая партия .

Возможность окачествления относительного прилагательного учитывается во всех словарях, но прямо на этот процесс не указывается. Образование наречий и краткой формы прилагательного «социалистический», «социалистично» и «по-социалистически» в текстах 30-х гг. свидетельствует о такой возможности. У Луначарского: «Французская интеллигенция, круги наиболее передовых и социалистически мыслящих людей от нас постоянно отходят» («История западноевропейской литературы»); у Горького: «Наше творчество должно остаться индивидуальным по форме и быть социалистически-ленинским по смыслу»; «Это не социалистично, – как говорит Дебец. – Социалистично то, что удобно и чисто» («Октябрь», 1933); «По-социалистически перестроить все хозяйство страны» («Вестник Коммунистической Академии», 1933). Окачествление относительного прилагательного наблюдалось и раньше, в XIX в., но позже этот процесс приостановился в связи с не востребованностью лексемы. В программе «Земли и воли» в первоначальной редакции (1876 – 1877 гг.) написано: «Признавая, с одной стороны, что партия может быть влиятельною и сильною только тогда, когда она опирается на народные требования и не насилует выработанного историею экономического и политического народного идеала, а с другой – что коренные черты характера русского народа настолько социалистичны, что если бы желания и стремления народа были в данное время осуществлены, то это легло бы крепким фундаментом дальнейшего успешного хода социального дела в России»

В дефинициях словарей выявляются различные денотативные семы в семантической структуре прилагательного и мотивирующего его слова: строй, учение, общественная собственность, относящийся к такому строю, связанный с ним, основанный на принципах такого строя и т. п. Однако иллюстрации, приведенные в словарных статьях, дают возможность говорить об актуализации в текстах скрытых оценочных сем. Например, цитата, приведенная в БАС как иллюстрация первого значения: «На одной стороне мы имеем растущую социалистическую систему хозяйства, победно идущую вперед, а на другой – гниющий капитализм»

(Киров); «Я свою деятельность... посвятила тому, чтобы восстановить в моем колхозе образцовый социалистический порядок» (Панова).

В газетно-публицистических текстах 30 – 40-х г.г. прилагательное «социалистический» функционирует в составе словосочетаний: социалистический строй, социалистическая законность, индустрия, перестройка, родина, победа. Лига социалистической молодежи, социалистическое строительство, соревнование, право, государство и т. п. Как правило, в этих текстах актуализируется мелиоративная оценка, особенно в текстах, где реализован прием противопоставления, о котором шла речь выше.

Например: «Сказки, распространяемые буржуазными писаками, в том числе и правыми социалистами, будто рабочий класс не мог обойтись без буржуазии, опровергнуты всей практикой социалистического строительства в нашей стране» («Правда», 1948). «Славный и героический труд на заводах и в колхозах, школах, академиях и вузах, в лабораториях, научных учреждениях, институтах и частях Красной Армии, беспримерные подвиги исследователей Арктики, бесстрашных летчиков – выковывают новых людей, активных и сознательных строителей бесклассового социалистического общества» («Правда», 1934). «Широкое мирное социалистическое строительство полностью опровергает клевету о «красном империализме», который распространяется нашими врагами, и прежде всего фашистами, империалисты готовятся к новым боям» («Правда», 1935). «За социалистическую родину, за ее благоденствие и процветание отдадим все свои силы и, если потребуется, – жизнь» («Ленинская правда», 1934).

Многие жители СССР искренне верили в то, что их «советская родина», «социалистическая родина» – лучшая в мире, поэтому в их речи появляется устойчивое словосочетание «социалистическое отечество». Т.Б. Крючкова пишет о том, что оно воспринимается как правильное с точки зрения языка. «В то же время, – утверждает она, – многие из опрошенных нами информаторов с достаточным уровнем образования оценили словосочетание «капиталистическое отечество» как неверное, невозможное в русском языке» (Крючкова, 1989, с. 96). Конечно, с точки зрения советского человека, при употреблении словосочетания «социалистическое отечество» соблюдается закон семантического согласования (в семантической структуре и определяемого и определяющего слова содержится сема мелиоративной оценки), а при употреблении словосочетания «капиталистическое отечество» происходит

расслоение смыслов (пейоративного и мелиоративного). Но с точки зрения обычного человека, где бы он ни жил, отечество – страна, где он родился, независимо от того, какой строй в этом государстве (в немецком, французском, английском языке нет словосочетания «капиталистическое отечество»). Об этом пишет А.В.Амфитеатов: «В СССР слово «отечество» допускается не иначе как с эпитетом «социалистическое», принципиальный интернационализм которого стоит в резком логическом противоречии с идеей «отечества», и, следовательно, обращает ее в неосуществимый абсурд» (Грановская, 1993, с. 5).

Как уже отмечалось в предыдущей главе, в публицистических и художественных текстах 30 – 50-х гг. в роли антонимов выступают идеологемы «буржуазный», «капиталистический» – «социалистический», «советский». В книге А.А. Собчака «Вхождение во власть»: «Никогда не отвечал я на такое количество вопросов... За смешливой формулировкой – попадание в самую суть. Почему у капиталистов нет героев капиталистического труда, а у нас полно героев труда социалистического?»

В публицистике конца XX в. идеологема «социализм» и производное слово «социалистический» с реализацией оценочной положительной семы продолжают функционировать в выступлениях оппозиции: «Партия советских коммунистов считает поражение социализма в СССР временным... Ум, талант, созидательные способности человека остаются не востребованными. И даже самые изощренные средства массовой информации не могут оправдать безработицу, утечку мозгов, торговлю детьми в огромной и еще далеко не обустроенной стране. Вот почему субъективный фактор – созидание миллионов трудящихся – остается за социализмом и категорически не приемлет колонизации народа – победителя Второй мировой войны» (Программа партии советских коммунистов).

В текстах иной политической направленности контекст наводит в семантическую структуру анализируемых слов сему отрицательной оценки. «Единственный вид права, вполне надежно обеспечивающий функционирование социалистического общества – это полное бесправие... Характерно, что это происходило в 1983 году, в эпоху андроповских усилий по наведению порядка в стране. К этому времени уже стало ясно, что советский строй насквозь прогнил» (Панкин, 1997, с. 169, 174). «Если культура в принципе строится на самостоятельной личности, то социализм своей культуры создать не может... И я не знаю, почему нынешние демократические номенклатурщики должны вызывать

большее омерзение, чем ворюги и кровопийцы любой другой формации. Ах, они строят хоромы... Но лучше, когда хоромы все-таки строятся, а не разрушаются» (Аннинский, 1996, с. 217, 219).

Весьма любопытно, что Социал-демократическая партия Германии в эпоху канцлеровской Германии не различала такие политические термины, как «демократия» и «социализм», они воспринимались как синонимы, таким образом, понятие демократического социализма никогда не появлялось в их сообщениях. «Die SPD im Kaiserreich unterschied die Leitbegriffe Demokratie und Sozialismus inhaltlich nicht, sondern behandelte sie als Synonyme, so dass der Begriff Demokratischer Sozialismus in ihren Verlautbarungen nicht auftaucht» (Gerd Ruge. Weites Land, 1996, 132).

СОВЕТЫ, СОВЕТСКИЙ

1. Как известно, слово «совет» существовало еще в древнерусском языке. На базе значений этой лексемы «совместное обсуждение чего-либо; заседание, совещание с целью совместного обсуждения чего-либо» в XIX в. появляется омоним – «распорядительный или совещательный орган при каком-либо учреждении». В «Словаре» В.И. Даля: «Совет, совещание, сход и съезд людей в условное время для совместного обсуждения дел; сонм, сейм, собрание. Государственный совет. Совет министров».

Прилагательное «советский» имело относительное значение. В «Словаре» 1847 г.: «Советский. Относящийся к совету». В «Словаре» В.И. Даля: «Советский. К совету, как учреждению, относящееся. Советские члены».

В период революции 1905 г. появились «Советы рабочих» в Иваново-Вознесенске, Петербурге, Москве и других городах, которые явились прообразом Советской власти, установленной в России в 1917 г. – «Советы рабочих, батрацких, крестьянских, солдатских депутатов». Слово «совет» становится политическим термином – «орган государственной власти, форма политической организации общества». Относительное прилагательное «советский» в связи с этим входит в состав многих терминологических словосочетаний: Советская власть, Советское государство, СССР и др.

В «Словаре» Д.Н. Ушакова это слово с пометой «новое» представлено следующим образом: «Советский. 1. Прил. к совет в 6 знач., прил.

по значению связано с социалистической организацией власти Советов и общества эпохи диктатуры рабочего класса (нов.). Советский Союз. Советская власть. Советское общество. Советское государство. Советский строй. Советское право. Советская общественность. 2. Находящийся, происходивший в СССР, в стране советов (нов.). Советские патриоты. Советская земля. Советские ученые. Советское профдвижение. Советское кино. Советская литература. Советская техника. Советская промышленность (Добытый, изготовленный в стране советов, в СССР (нов.)). Советские машины. Советские автомобили. Советский чугуи. 3. Соответствующий мировоззрению и практическим задачам рабочего класса, преданный советской власти (нов.). Вполне советский человек. 4. Прил., по значению связанное с деятельностью в Советах (совет в 6 знач.), в органах управления, в отличие от партийной, коммунистической, профсоюзной, коммунистической, профсоюзной деятельности (нов.). Советские и партийные органы. Работает по советской линии. На советской работе. Советские партийные работники».

В БАС выделены следующие значения: 1. Относящийся к советам (в 6 знач.), управляемый, основанный на управлении советами как органами власти. Советский строй. Советская власть. Советское государство. Советские организации. Советская земля. Советская страна. Советская эпоха. 2. Относящийся к Стране Советов, к СССР, принадлежащий Стране Советов. Советская Конституция. Советское правительство. Советские фабрики и заводы. Советская литература. Советская Армия. Советское общество. Советский рабочий. Советский народ. Советский театр. Советское хозяйство. (Производимый, изготовленный, добываемый и т. п. в Стране Советов). Советские ракеты. Советская сталь. (Свойственный Стране Советов). Советская демократия. Советские порядки. (Свойственный, присущий людям Страны Советов). Советская идеология. Советский патриотизм. Советский быт.

В МАС отмечено два значения: 1. Прил. к Совет (представительный орган государственной власти в СССР, одна из форм политической организации советского общества), основанный на управлении Советами – государственными органами власти. Советское государство. Советский народ. Советское правительство. (Добытый, изготовленный в Стране Советов, принадлежащий Стране Советов). Советские сорта пшеницы. (Свойственный людям Страны Советов). Советский образ жизни. Советский патриотизм.

Как было указано выше, в третьем значении прилагательного «советский», выделенном в «Словаре» под редакцией Д.Н. Ушакова, выявлена оценочная сема: «соответствующий мировоззрению и практическим задачам рабочего класса, преданный советской власти. Вполне советский человек». В ироническом тексте романа Пастернака «Доктор Живаго»: «– Из Москвы и вдруг в такой медвежий угол... Доктор. Военный. А время военное... Основание? – Дважды ранен и освобожден вчистую по непригодности. – Сейчас вы представите записку Наркомздраву, рекомендующего вас как вполне советского человека».

Иллюстративный материал позволяет выявить еще одно значение этого слова в речи носителей русского языка в советскую эпоху: «такой, который лучше других, отличающийся самыми высокими качествами»: советские патриоты, советская литература, советская родина, советские чувства. «Он утверждал, что советские игрушки лучшие в мире» (Паустовский. «Ценный груз»); «Советский патриотизм – патриотизм нового, высшего типа» (Теплов. «Психология»); «Чигорин разработал ряд шахматных начал, которые являются надежным оружием в руках советских шахматистов, развивших и обогативших идею Чигорина и создавших самую передовую в мире советскую шахматную школу» (Панов. «Шахматы для начинающих»); «Как хорошо, что советский фарфор яркий и радостный. Таким и должно быть искусство в нашей стране» (Данько. «Китайский секрет»).

В этом же значении с мелиоративной аксиосемой употребляет прилагательное «советский» Я.Л. Сухотин в книге «Сын Сталина. Жизнь и гибель Якова Джугашвили»: «Вождь считал, что его личная жизнь не должна становиться предметом публичного внимания. И советские люди ничего не знали о личной жизни Сталина и его семьи. Читатель «Известий» В.Васильев заметил: «Эта традиция возникла еще тогда, когда деятельность наших вождей показывалась как непрерывная «денная и ночная» работа на благо советского народа. Помните: вся Москва спит, и только одно окно в Кремле светится – это товарищ Сталин неустанно размышляет о том, как бы сделать советских людей еще более счастливыми...» (Сухотин, 1990, с. 46). Средства массовой пропаганды стремились сформировать образ счастливого советского гражданина, которому повезло родиться в СССР. Одна из преподавателей крупного московского вуза в начале 90-х гг. вспоминала, что она часто просыпалась по ночам, плакала и думала о том, какая она счастливая оттого, что живет в России. Автор подчеркивает

этот факт: советские люди были счастливы, так как о них постоянно заботился товарищ Сталин.

Прилагательное «советский» с семей мелиоративной оценки входит в состав номенклатурных названий, хотя сама сема мелиоративной оценки становится менее яркой, а затем перестает осознаваться, как и при восприятии любого номенклатурного наименования:

«В послевоенный период колхозы, совхозы, конные заводы провели большую работу по улучшению лошадей. Завершено создание новых ценных пород лошадей – владимирской, буденновской, русского тяжеловоза, советского тяжеловоза» (Учебник колхозника – животновода). «Леонид пришел к твердому заключению, что мы имеем все права сейчас говорить, если не о создании совершенно нового стиля плавания, то по меньшей мере о «советской бабочке». Она коренным образом отличалась от прежнего батерфляя» (Б. Раевский. «Только вперед»). «Особенно следует отметить овес Верхняченский 339, получивший название Советский. Овес этот выведен Верхняченской станцией из черкесского образца... Сорт крупнозерный, тонкопленчатый, устойчивый к корончатой ржавчине, к пыльной головне и шведской мухе» (Якушин. «Растениеводство»). «Сардельки, изготавливаются только первого сорта, сосиски могут быть высшего и первого сортов. В зависимости от рецептуры они носят разные названия: советские, молочные и свиные (высшего сорта)...» (Куденов. «Товароведение для кулинаров»). «Советский сыр отличается от швейцарского более быстрым сроком созревания – от 3 до 4 месяцев. Технологический процесс изготовления этого сыра разработан сотрудниками Всесоюзного научно-исследовательского института сыроделия (ВНИИС)» (Заболотский. «Товароведение продовольственных товаров»).

Об окачествлении относительного прилагательного, содержащего скрытые оценочные семы, свидетельствует образование наречий «советски» и «по-советски»:

Долго ли осталось нам томиться,
Скоро ли закончится поход?
Говорят, что скоро за граница
Тоже по-советски заживет.
Светлов. «Хлеб».

«Гестапо рассчитывало таким образом выявить и уничтожить советски настроенных людей» (И. Козлов. «В крымском подполье»). «Итоги прошедшего года мы определяем по-нашему, по-советски:

«Выполнено досрочно», «Дано продукции значительно больше» («Известия», 1950).

Как отмечает В.В. Виноградов, еще в XIX в. И.И. Давыдов указывал: «Когда недостает в языке прилагательного, тогда употребляется отрицание». Функцию отрицания выполняет в текстах 30 – 70-х гг. прилагательное *антисоветский*, появившееся в русском языке в 30-е г. XX века. В БАС: «нов. Направленный против советской власти, ей враждебный; контрреволюционный»: *антисоветские* настроения, разговоры, анекдоты, *антисоветский* элемент, *антисоветская* пропаганда, кампания, агитация и т. п.

В повести А. Адамовича «Дублер» в реплике Сталина: «Уже и про Светлану мне сообщают: допускает *антисоветские* высказывания». Великолепно показана семантика слов «*советский*» и «*антисоветчик*» в тексте романа А.И. Солженицына «В круге первом»: «Мышин поставил перед Рубиным вопрос именно так, как рекомендовалось на административных совещаниях: – если вы *советский* человек, то вы нам можете; если вы нам не можете, то вы не *советский* человек; если вы не *советский* человек, то вы – *антисоветчик* и достойны нового срока».

Показателен диалог героя романа А. Рыбакова «Дети Арбата» Панкратова с другим политическим ссыльным после попытки Саши починить сломанный сепаратор, когда Панкратова обвинили в новом враждебном поступке: «Вы, Саша, безусловно, человек. Настоящий человек! Советский человек! Это не комплимент, а констатация. Это прекрасно – быть настоящим, идейным советским человеком. Но вы хотите таким оставаться даже в вашем особом положении, хотите поступать так, как должен поступать советский человек. А этого нельзя, Саша: для окружающих вы не советский человек, а *антисоветский*. И только с этой точки зрения здесь рассматривают и вас, и ваши действия. Вы идете по улице и видите – сепаратор не работает, вы, зная устройство сепаратора, немедленно подходите и чините его. А председатель колхоза, а уполномоченный, я имею в виду не Алферова, а другого, обычного, они думают иначе: зачем он полез в сепаратор? Ясно, чтобы сломать его. Враг вредит и пакостит, где только может, – надеюсь, знаете, чьи это слова?».

В первой части сложного синтаксического целого прилагательное актуализирует сему положительной оценки (*советский* – такой, кто поступает разумно, правильно, на благо общему делу). Во второй части (вопреки логике) поступки Панкратова рассматриваются с точки зре-

ния людей, чье сознание уже затуманено советской агитацией и пропагандой (все инакомыслящие и тем более ссыльные – враги), поэтому появляется прилагательное «антисоветский» с яркой семой пейоративной оценки в структуре слова, актуализированной контекстом (полез, сломать, вредить, пакостить, враг).

М. Горький добродушно заявляет (на обсуждении пьесы «Бег» в 1927 г. – О. В.): «Превосходнейшая комедия, великолепная вещь, которая будет иметь анафемский успех». Горькому вторит начальник Главного управления по делам искусств Свицерский: «Термины «советская» и «антисоветская» надо оставить. Такие пьесы, как «Бег», лучше, чем архисоветские...» Лубянка накапливала очередную дозу компромата на Булгакова: «Советские люди смотрят на него как на враждебную Советской власти единицу, использующую марксизм легальных возможностей для борьбы с советской идеологией...» (Шен-талинский, 1974, с. 182). «Напомним, что Синявский и Даниэль обвинялись в антисоветской деятельности за литературные произведения. Историческое значение процесса... в том, что впервые в истории СССР подсудимые политического процесса не признали себя виновными, не допустив квалификации своей литературной деятельности как политического акта» (Окутюрье, 1996, Сборник документов, с. 223).

В 30-е г. в словарном составе русского языка появляются производные существительные антисоветчик антисоветчина, антисоветизм, употребляемые для экспрессивной квалификации действий врага, зафиксированные во втором издании МАС (1981 – 1984), хотя в прессе они функционируют уже в 30-е г.

В МАС: «Антисоветчик. Разг. Презр. Агитационная деятельность, высказывания и т.п., направленная против советского строя, Советского Союза».

В газетах и публицистических текстах 30 – 50-х гг. прилагательное «советский» является наиболее частотным и эксплицируется с существительными: Союз, законы, государство, власть, литература, поэзия, правительство, программа, строй, авиация, писатель, газеты, гражданин, работники и т. п., употребляясь преимущественно в относительном значении. Например: «Октябрьская революция по праву считается большевистской революцией. Большевики во главе с Лениным обеспечили победу Советской власти» («Правда», 1935); «Ладьженский в преподавании совершенно обошел великую роль товарища Сталина в развитии марксистско-ленинской теории и жизни советского общества» («Правда», 1934).

Однако в газетных текстах прилагательное советский широко используется и в оценочно-оценочном значении (термин В.В. Виноградова): «Расцвет советской науки. Физик Ланжевен, пользующийся мировой известностью, выступил с заявлением, что, в отличие от других стран, советская наука, советские ученые, советские научные учреждения тесно связаны с жизнью и практикой миллионов трудящихся. Советские ученые сознательно ставят своей целью служение интересам этих масс. Это обстоятельство, сказал Ланжевен, делает советскую науку общечеловеческим достоянием» («Правда», 1934).

В текстах газетных статей прилагательное советский могло повторяться многократно, актуализируя сему мелиоративной оценки, например, в газете «Правда», опубликованной под заголовком «Театр мировой славы»: «Художественный театр в советские годы последовательно и неуклонно боролся за высокое реалистическое искусство, одухотворенное идеями народа, строящего коммунизм... Его спектакли наглядно показывали народу всю силу советского искусства, страстного и целеустремленного, правдивого и человеческого, мужественного и глубоко содержательного... Художественный театр много работал над созданием спектаклей из жизни советского общества... Пять из созданных театром за последние годы спектаклей были удостоены советским правительством Сталинских премий. Советское правительство высоко оценило творческую деятельность коллектива Художественного театра» («Правда», 1948).

В советской художественной литературе 30 – 40-х гг. широко используется прилагательное «советский» как оценочное слово, особенно в период Великой Отечественной войны, где определение советский часто функционирует как синоним к словам: отечественный, русский, российский, например:

И в Берлине, в столице немецкой,

Как затих смертоносный огонь,

О незыблемой правде советской

Говорила по-русски гармонь.

А. Жаров. «Гармонь с войны вернулась».

«Пришло на помощь то, что обычно называют силой воли и что у советских людей всегда вырастает в сознание долга» (Линьков, «Война в тылу врага»). «Не случайно фашистские армии узнали первое поражение на русской, на советской земле – под древней Тверью – Калинином и под южным Сталинградом» (Эренбург, «Война 1942 – 43 гг. Россия»).

В наши дни: «Прямо по траверсу – всегда американский разведывательный корабль... У нас дома друзья отца, советские военные из группы войск, переброшенных на Кубу» (Гайдар. 1996, с. 16).

В романе В. Дудинцева «Белые одежды» прилагательное «советский» занимает ключевую позицию, ибо советская наука постоянно противопоставлялась здесь зарубежной, буржуазной: советская наука, советская биология, советская биологическая школа, советские генетики, советский ученый, советский специалист, советские студенты.

Например: «Новое действенное направление в биологии, вернее, новая, советская биология, агробиология встречена в штыки представителями реакционной зарубежной биологии, а также рядом ученых нашей страны»; «Товарищи! – провозгласил он. – Мы все деятели многочисленных ветвей советской биологической науки, празднуем в эти дни выдающуюся победу мичуринского направления, возглавляемого Трофимом Денисовичем Лысенко, победу над реакционно-идеалистическим направлением, основателями которого являются реакционеры – Мендель, Морган, Вейсман. Многим из нас эта победа далась нелегко, Годами господствующие заблуждения врастают в душу, освобождение от них не обходится без тяжелых ран...».

Текстовый смысл прилагательного «советский» – марксистский, истинный, передовой. Актуализаторы мелиоративной оценки: новое, действенное, празднуем победу, выдающийся. Текстовый смысл прилагательного «зарубежный» – «реакционный», «идеалистический».

Недаром в другой цитате из выступлений Лысенко в романе В. Дудинцева «Белые одежды» прямо указывается на политическую базу противопоставлений: «Как сказал наш академик – президент Трофим Денисович Лысенко, – история биологии – это арена идеологической борьбы. Два мира, – учит он, – это две идеологии в биологии. Столкновение идеалистического и материалистического мировоззрений в биологической науке имело место на протяжении всей истории, Особенно же резко эти направления определялись в эпоху борьбы двух миров».

Подобных микротекстов можно привести множество, ограничимся еще одним: «Выбирайте сами, что вам по душе – присоединиться к победоносному шествию советских ученых, возглавляемому нашими маститыми знаменосцами, и вместе с нами творить будущее или же, будучи отброшенными на задворки истории, оказаться на свалке вместе с такими приятными соседями, как Мендель, Морган и Вейсман».

В приведенных примерах точки зрения автора и персонажей не совпадают, но они могут и совпадать, например: «А как вам удалось это, Иван Ильич? – Это-то? – Стригалева показал пальцами свое богатство, свои бегущие ноги. – Меня предупредили. Я был предупрежден одним... Одним великим человеком. Одним большевиком из двадцатых годов. Остальные тоже были предупреждены. Всем было вовремя сказано. С риском для жизни сказано. Он подал знак мне, а я – всем. Так они же не поверили, До последнего часа. Советские ребята. Советское сознание! Касьян – это одно, это частность. А там, в пятьдесят втором, так это же другие люди. Наши!»

Сема мелиоративной оценки актуализируется и в этом тексте (великий, наши), прилагательное сохраняет относительное значение (относящийся к эпохе существования в России Советской власти), однако выявляется и текстовый смысл слова – верящий в правоту Советской власти, в чистоту ее идей.

В романе хорошо показана спекуляция такими идеями. В речи ректора института, уговаривающего Дежкина сделать вид, будто он – посаженный в тюрьму ученый Стригалева: «И выхода нет! Или я должен иностранцу говорить: посадили мы твоего Стригалева. Сидит он и вся его школа. Десять лет получил за свою пропаганду. Но это же ему не скажешь, не поймет. Единственный выход: вот ты. На себя возьмешь роль. Мы с тобой на совете немножко погорячились. Могут, могут быть у ученого свои точки зрения, мысли... Но ты же советский человек, сам понимаешь, этот датчанин растрезвонит по всему миру... – Я тебя буду душить, а ты молчи, не хрипи, а то сосед услышит, нехорошо про нас подумает, – Федор Иванович усмехнулся».

Большинство семасиологов указывает на диффузность художественного слова, возможную текстовую омонимию. В приведенном фрагменте относительное прилагательное «советский» имеет двойной смысл: 1 – такой, кто во имя советской власти готов идти на подлог, но одновременно 2 – патриот, любящий свою страну, который не может вынести сор из избы.

В публицистике 40 – 50-х гг. прилагательное «советский» продолжает функционировать в составе словосочетаний: советский патриот, театр, Союз, советское хозяйство, представительство, посольство, общество, предложение о запрещении атомного оружия, советская наука, молодежь, биология, генетика, промышленность, делегация, советские книги, ученые, профсоюзы, специалисты и др. Например: «Советская

агрономия призвана вооружить миллионы колхозников знаниями, помогающими по заранее намеченному плану достичь определенной урожайности» («Правда». 1948). «Советская наука – это наука народа. Она не замыкается в своем узком кругу, а спешит поделиться с массами своими достижениями» («Правда». 1948).

Самым показательным является следующий газетный текст: «Молодой советский специалист – это человек, проникнутый идеями партии Ленина – Сталина, глубоким пониманием политики большевистской партии – этой жизненной основы советского государства» («Правда». 1948).

Текстовый смысл словосочетания «советский специалист» – вооруженный великой идеей, специалист самого высокого класса, где сема мелиоративной оценки очень яркая.

В газетных текстах, журналах, специальных и общего характера, научных работах, учебниках постоянно функционирует словосочетание «советский дарвинизм»: «Поэтому в основании советской агробиологии лежит дарвинизм, преобразованный в свете учения Мичурина – Вильямса и тем самым превращенный в советский творческий дарвинизм» (Лысенко. «О положении в биологической науке»). «В Советском Союзе создана новая наука – советский творческий дарвинизм» (Мельников и др., Основы дарвинизма). «Мичуринское учение не ограничивается объяснением разнообразия организмов, но также дает в руки людям пути, указывающие, как можно планомерно и сознательно перестраивать организмы, перестраивать органический мир земного шара. Мичуринское учение является советским творческим дарвинизмом» (Игнатъев. «Ботаника»).

Как уже отмечалось, в этот период перестраиваются привычные парадигматические связи слов. Прилагательное «советский» входит в одну парадигму с лексемами: наш, российский, русский, оказывает влияние на семантику этих слов, в структуре которых появляется идеологический компонент значения, что особенно четко проявляется в тех текстах, где дано противопоставление по национальному и государственно-территориальному признаку: бельгиец – русский, советский; немецкий – советский, русский.

Например, в романе «Дети Арбата»: «Безусловно, английские империалисты в этом заинтересованы. Но мы, советские люди, в этом не заинтересованы». «Энгельс называет Россию оплотом европейской реакции... Однако советскому народу не нужна война».

В романе «Белые одежды» в приведенном выше отрывке: «...Но ты же советский человек, сам понимаешь, этот датчанин растрезвонит по всему миру... Здесь надо сказать, что Федор Иванович был настоящим советским человеком».

В повести Д. Гранина «Зубр»: «Сейчас на крыше он молился. Густой новый звук мог означать только одно-единственное – танки идут! Советские танки прорвали укрепление на Одере... Свершилось! Дожили. Неужели это правда?... Идут русские, фашизму конец...».

Взаимозамена прилагательных «советский» – «русский» особенно характерна для словоупотребления времен Великой Отечественной войны. Например, в романе В. Гроссмана «Жизнь и судьба»: «Немецкий клин... ширился, и немецкие пулеметчики... обстреливали левый берег Волги..., и все таяла, утончалась полоса между красной чертой советской обороны и голубишной Волги».

В ряд текстовых синонимов: советский, российский, русский – входит и местоимение «наш» в значении «связанный отношениями родства, военными, социальными, научными, относящийся к той же среде, близкий по убеждениям».

В романе А.И. Солженицына: «Располагало Рубина, что Нержин сел в тюрьму не за плен и, значит, не был заражен антисоветским зарубежным духом: Нержин был наш, советский человек, но всю молодость до одурения точил книги, и из них доискался, что Сталин якобы искал ленинизм... Нержин, однако, в основе своей остался человек наш».

В романе «Белые одежды» в речи лысенковцев: наша наука, наши действия, наши достижения – лысенковские, мичуринские, советские. В речи генетиков, преследуемых лысенковцами: наши опыты, наши труды, наши доказательства – антилысенковские, связанные с учением о передаче наследственных генов потомкам и т. п.

Например, в речи Рядно: «Там, сынок, давно сложилось целое кубло вейсманистов-морганистов... Они замахнулись на завтрашний день нашей науки – на нашу смену, на наши молодые умы». Контекст наводит в семантическую структуру местоимения наш сему «истинный». Взаимозамена слов «наш» – «советский», «русский» характерна также для художественных и публицистических текстов, воспроизводящих события военного времени. Например, в романе В. Некрасова «В окопах Сталинграда»: «После обеда куда-то начинает стрелять наша артиллерия... часам к девяти немцы выдыхаются»; «В двух местах наши траншеи соединяются с немецкими...»; «Гудят самолеты – немецкие днем, наши «кукурузники» – ночью».

Контекстуальными антонимами являются местоимения мой и наш в значении «личный» и «общественный», то есть общий: советский, партийный. Это противопоставление удачно использует М.М. Плисецкая, рассказывая о своем отце, расстрелянном в 1937 г.: «Он, к сожалению, к моему очень большому, великому сожалению, верил в коммунистическую утопию. Верил, что можно поставить знак равенства между словами «мое» и «наше». Не хотел или не мог увидеть, что между «мое» и «наше» миллионы световых лет, что коммунистическая затея враждебна и противна человеческой природе. Что она вопиюще антибиологична!» (Плисецкая, 1994, с. 34).

Итак, прилагательное «советский» имеет в анализируемых текстах относительное значение и функционирует без коннотаций, но чаще окачивается, получая текстовый смысл: передовой, истинный, единственно верный, лучший, такой, которого нет нигде. Яркая идеологическая сема провоцирует постоянное употребление этого слова как оценочного с мелиоративной оценкой.

В этом отношении особенно показательно семное варьирование при употреблении словосочетаний «советский человек» и «советские люди»: 1) Советский человек – живущий на территории СССР (актуализация локальной семы); 2) советский человек – живущий на территории России после 1917 г. (актуализация временной семы); 3) советский человек – разделяющий политику Советской власти (актуализация идеологического компонента) 4) советский человек – верный учению Маркса – Ленина (актуализация идеологического компонента, оценочная сема); 5) советский человек – умный, волевой, образованный, нравственный и т. п. (актуализация оценочных сем).

Примером последнего употребления может служить текст из произведения Б. Полевого «Повесть о настоящем человеке». В больнице герой сомневается в своих возможностях вернуться к профессии летчика после ампутации ног. Сосед убеждает его в противном. Позволим себе привести этот небольшой диалог.

«Прочел? – хитровато спросил Комиссар. (Алексей молчал, все еще пробегая глазами по строчкам) – Ну, что скажешь?

– Но у него не было только ступни.

– А ты же советский человек.

– Он летал на «фармане». Разве это самолет? Это этажерка. На нем чего летать? Там такое управление, что ни ловкости, ни быстроты не надо.

– Но ты же советский человек! – настаивал Комиссар.

– Советский человек, – машинально повторил Алексей, все еще не отрывая глаза от заметки; потом бледное лицо его осветилось каким-то внутренним румянцем, и он обвел всех изумленно – радостным взглядом».

Автор заканчивает повесть суждением: «Так сама жизнь продолжила эту написанную мной на чужбине повесть об Алексее Маресьеве – настоящем Советском Человеке».

Приведем пример употребления словосочетания «советская элита» в ироническом контексте: «Противнее всего было петь в конце приема... Стоишь, бывало, на сцене, и хочется сквозь землю провалиться от стыда и обиды. А кругом пьют, жуют, повернувшись к тебе спиной. Более близкое знакомство с советской элитой заводятся на приемах, устраиваемых нашим правительством в честь иностранных делегаций» (Вишневская, 1992, с. 146 – 147). «Первая леди, Раиса Горбачева, отправилась на встречу с работниками ЗИЛа в норковой шубе. Как это было принято в эпоху перестройки, смешалась с толпой. И простые советские работницы втихомолку выщипали из шубы клочки. Чтобы неповадно было» («АИФ»).

В газетах, политических сочинениях, мемуарах, журнальных статьях, художественных произведениях прилагательное «советский» по-прежнему употребляется в относительном значении: относящийся к СССР, связанный с жизнью в СССР, политикой, экономикой, идеологией СССР, без выявления оценочных сем. Например, в книге Е.Т. Гайдара «Дни поражений и побед»: «В советской школе, где я учусь, ребята из Польши, Венгрии...»; «Постепенно приходит понимание, что советское общество при всем его видимом несовершенстве, при всем ханжестве идеологии... на редкость устойчивая система...»; «По состоянию на 19 августа 1991 года ничего в российской или советской истории не давало основания надеяться, что это сопротивление не будет жестоко подавлено».

В книге А.Н. Яковлева «Горькая чаша»: «Советский опыт не подтвердил тезис о том, что только в условиях государственной собственности... новые технологические достижения могут быть успешно осуществлены на практике»; «Что знал советский человек о диссидентах? Мало и путано» т. п. Но как справедливо пишет А.И. Яковлев, очень трудно понять, что такое «постсоветский человек»: «Страсти накалились до предела. Все перемешалось: бывшие антисоветчики стали певцами советской власти, бывшие антикоммунисты – новокрещенными большевиками,

а те, кто клеймили империю последними словами... теперь вдруг магическим образом превратились в яростных сторонников великодержавности».

Однако очевидно, что в политической коммуникации каждый автор репрезентирует собственную позицию, в результате чего употребляет в своих выражениях и сочинениях прилагательное «советский» с мелиоративной семой.

«Советские коммунисты решительно отменяют попытки открытого классового врага и его пособников оболгать период социалистического строительства в 30-е годы и представить заклятых врагов Советской власти невинными жертвами репрессий... Внедрение рыночных реформ и ничем не ограниченных товарно-денежных отношений закономерно обрекло СССР на колонизацию. Вот почему советские коммунисты разоблачают «премудрых пескарей», мечтающих о «хорошем рынке» или болтающих о «хороших банкирах». Рынок – это колониальное рабство и смерть на коленях... С возвращением собственности народу и восстановлением Советской власти мы берем на себя обязательства незамедлительно восстановить права советских граждан на труд, бесплатное образование всех уровней, медицинское обслуживание, на отдых и обеспеченную старость. Только Советская власть избавит общество от позора беспризорщины и бездомности. Советские коммунисты восстановят программу жилищного строительства, и государство сможет гарантировать каждой семье, включая молодоженов, комфортабельную квартиру» (Программа партии советских коммунистов. 1997 г.). «Невозможно поверить, но это факт: В течение года, несмотря на нынешние свирепые времена, Нина Ивановна лично пожертвовала в Фонд Советского телевидения 2 млн. рублей. Этот поступок можно сравнить с подвигом советских людей, жертвовавших во время Великой Отечественной войны все свои личные сбережения на покупку танка или самолета» («Молния»).

ДЕМОКРАТИЯ, ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ

По данным «Этимологического словаря» под редакцией Н.М. Шанского, лексема «демократия» заимствована из французского языка в XVII веке. Огиенко в «Словаре неправильных, трудных и сомнительных слов» (Киев, 1911) датирует это заимствование 1659 годом. Французское слово *democratie* – «демократия» (XIV) через посред-

ство латинского языка в русский перешло из греческого, в котором «народовластие» представляет собой сложение «народ» и «власть». В «Словаре» М.Фасмера также утверждается, что в русском языке слово появилось в эпоху Петра I.

В петровскую эпоху существовало в форме «димократия» – «народодержавство», только в конце XVIII в. слово принимает привычное для нас фонетическое и орфографическое оформление. В «Словаре русского языка XI -XVII вв.»: «Демократия (димократия, димокрация), лат. *democratia*, непосредственно и через польский – *democrasja*, форма государственного устройства народу».

В текстах XVIII в.: «Правление государств или обществ есть троиственное. Монархия, Аристократия и Димократия... Димократия, из деже народ правительствует» («Введение в историю европейскую», 1718, в переводе Г. Бужинского). «Коль полезно есть правительство самодержжское наследуемое вопреки коликим бедствием отверста стоит демократия» («Проповедь Феофана Прокоповича». 1717). «Во Франции солдаты приняли сторону демократии (народного правления)» («Политический журнал». 1790).

В «Словотолкователе» И.Е. Бурдона, А.Д. Михельсона представлено политическое обоснование термина: «такое управление государством, в котором принимает участие всякий из народа. Чистая демократия прежде существовала в Афинах, а теперь в Северо-Американских Соединенных Штатах, в некоторых кантонах Швейцарии и тех республиках, которые образованы из прежних испанских колоний в Америке».

В «Словаре» В.И. Даля дается корреляция данному понятию: «народодержавие, народовластие, мироуправство; противоположное самодержавие, единодержавие, или аристократия, боярщина», поскольку В.И. Даль, как известно, не принимал многих заимствований.

В начале XX века значение слова расширяется, что находит отражение в «Словаре иностранных слов» А.Е. Яновского, где зафиксировано 3 основные значения слова: «1. Государственное устройство, где государственная власть всецело принадлежит народу. Различаются а) непосредственно демократия, когда дела законодательные и важнейшие вопросы управления решаются собранием всех граждан (народное собрание, вече), таковы были древние республики Греция и Рим (античная демократия), Новгород, Псков, а ныне лишь 4 кантона Швейцарии. б) представительная или современная демократия, когда народ осуществляет государственную власть через посредство выбор-

ных представителей (парламент), так что участие народа в управлении государством осуществляется лишь выбором представителей (Франция, республики Америки, Швейцарии). Переход от представительной демократии к непосредственной создает референдум – правило, в силу коего по важнейшим делам постановления народных представителей вступают в силу лишь по утверждению их народным голосованием гражданских избирателей; референдум бывает обязательный и факультативный. 2. Государство, где интересы народа стоят на первом плане, где господствует «демократическая» политическая партия. 3. Самые народные массы, раз оне со знанием общности интересов или другими условиями объединены в класс, ведущий борьбу за преобладание или за реформу в свою пользу».

Толкование референта в начале XX в. репрезентирует те лексемы, которые в настоящее время, в конце XX в., стали частотны и пришли в нашу жизнь с демократическим режимом. Как бы ни боролись консерваторы за чистоту языка против новых заимствований, заполненные лакуны невозможно переименовать исконно русскими по происхождению словами, так как это уже сложившееся историческое явление. Новый режим принес в наш активный словарный запас лексем: парламент, референдум, плюрализм, народные представители, избиратели, электорат, голосование, реформы.

В МАС слово «демократия» представлено следующим образом: «1. Форма политической организации общества, основанная на признании народа в качестве источника власти, на его праве участвовать в решении государственных дел и наделении граждан достаточно широким кругом прав и свобод. 2. Принцип организации коллективной деятельности, при которой обеспечивается активное, равноправное участие в ней всех членов коллектива. Внутрипартийная демократия». В конце статьи дано особое терминологическое словосочетание – буржуазная демократия, в толковании которого выделена пейоративная оценочная сема: «Буржуазная демократия – форма государственной организации, при которой формальное равенство политических прав и свобод всех граждан прикрывает собой господство буржуазии над трудящимися».

Противопоставление советская, социалистическая демократия – буржуазная демократия закреплено в текстах советского времени и отражено в словарных дефинициях. Так, в «Словаре» С.И. Ожегова 1973 г. представлено типичное идеологизированное толкование референта демократия: «1. Политический строй, при котором верховная

власть принадлежит народу. Социалистическая демократия (высший тип демократии, подлинное народовластие). Буржуазная демократия (государственный строй, при котором формальное равенство политических прав и свобод всех граждан прикрывает собой господство буржуазии над трудящимися).

В середине XVIII в. зафиксировано употребление относительного прилагательного «демократический». В «Словаре русского языка XVIII века»: «Демократический. Греч., через латинское *democraticus*. Относится к такой форме государственного устройства, где законодательная власть принадлежит всему полноправному населению, народу».

В текстах XVIII в.: «О формах Правлений, коим управляются Общества, как то: о Демократическом, Аристократическом» (Третьяковский); «Демократическое правление обыкновенно удобнее прочих к достижению цели законов» (У. Блэкстон. *Истолкование английских законов*. 1780); «Двинской народ признавал царскую власть, и пренебрегал демократическое правление мятежных великоновгородцев» («Исторический и географический сборник». 1790). Имеющий народную власть, народоправство. // Обращенный на пользу всех. «Хотя в Базеле народ не имеет законодательной власти и не может сам избирать начальников, однако же правление сего кантона можно назвать отчасти демократическим; потому что каждому гражданину открыт путь ко всем достоинствам в республике».

Выстраивался синонимический ряд прилагательных с корнем «народ»: демократический, народоначальственный, народоправительственный, народодержавный, всенародный (из которого в современном русском языке остались лишь две лексемы).

В «Словаре» В.И. Даля к данным образованиям присоединяются новые с дифференцированными семами «управлять» (управный, ми-роуправный) и «власть» (властный).

Только в конце XIX в. «Словарь русского языка, составленный II отделением императорской Академии Наук», фиксирует второе значение относительного прилагательного «демократический», но аргументирует значение пушкинской цитатой (то есть узואльно оно употреблялось и раньше) – «принадлежащий к низшим классам народа. Что геральдического льва Теперь лягает и осел Демократическим копытом» (Пушкин). Данное значение, но без примеров указано и в начале XX в. в «Словаре иностранных слов А.Е. Яновского»: «1. Свойственный демократии, народодержавный. 2. Принадлежащий к низшим классам населения».

В XX в. прилагательное «демократический» сохраняет свои позиции, меняя при этом во втором значении пейоративную оценку «низший класс» на нейтральную «не принадлежащий к привилегированным классам». МАС репрезентирует данный референт таким образом: «1. Основанный на принципах демократии, осуществляющий демократию. Демократический строй. Демократическая республика. Демократическое законодательство. Демократические преобразования. Поддерживающий принципы демократии. Демократическое направление. 2. Свойственный широким слоям народа, не принадлежащим к привилегированным классам. «Мы получили воспитание демократическое, папа и мама не терпели барства» (Вересаев). «В юные годы ливрейные лакеи, чинные дворецкие оскорбляли его (Базарова) демократическое чувство» (Тургенев).

До перестройки данные референты были почти не востребованы, что отражает «Частотный словарь»: демократия – 79 фиксаций, демократический – 96.

В современной языковой картине мира данные лексемы прочно утвердились в русском языке, актуализируясь в качестве идеологем.

«Совершен прорыв на пути демократических преобразований. Реальными стали свободные выборы, свобода печати, религиозные свободы, представительные органы власти, многопартийность. Права человека признаны как высший принцип» (Горбачев. 1991). «Чтобы представлять, куда идем, важно знать, откуда идем? В двадцатых годах Сталин «обрубил» демократический путь и стал насаждать государственно-авторитарный, административно-бюрократический социализм. Демократия была задушена в зародыше, а безгласное общество ничего, кроме карикатуры на самое себя, создать не может. Безгласные люди никогда не смогут договориться между собой» (Ельцин. «Исповедь на заданную тему»).

Если обратиться к древности, то выясняется, что Платон и Аристотель отрицательно относились к этой форме правления. Как известно, Платон отрицал четыре типа государственного устройства, среди которых он называл демократию – власть завистливых бедняков. Следовательно, текстовый смысл слова «демократия» в понимании Платона представляется как «власть необразованного, нищего народа, не способного к управлению государством». Идеальную форму государственного устройства философ видел в такой политической системе, где власть принадлежит немногим, но способным к управлению людям.

Аристотель рассматривал демократию как правление большинства неимущих в интересах данного большинства. В аристотелевском употреблении слова демократический также заложена денотативная отрицательная аксиосома, но текстовый смысл при этом несколько иной: такое правление, при котором нищее большинство лишит преимуществ привилегированное общество.

Эти положения развивает и французский политолог Клод Лефор: «Что такое демократия? Древние отвечали: строй, при котором власть в руках народа. Такой ответ уже не удовлетворял ни Аристотеля, ни даже Платона, поскольку они проводили черту между демократией, регулируемой законами, и демократией, лишённой таковых, при которой народ, то есть большинство, находящееся под влиянием демагогов, обладало неограниченной властью» («Опыт словаря нового мышления 50/50»). Однако большинство западных политологов трактует понятие «демократия» положительно. Так, в американском учебнике по политологии сказано: «В современных демократических государствах народу отводится более общая роль. Под демократией сейчас понимается политическая система, предполагающая наличие конституционных возможностей для замены государственных служащих и социального устройства, гарантирующего большей части населения возможность воздействовать на решение основных вопросов посредством выборов между кандидатами на правительственные должности» (М. Раскин и др. «Введение в политологию»). В данном высказывании текстовый смысл раскрывается с положительной модальностью, но в отличие от узуального, закреплённого во многих словарях, принимает значение – политическое устройство, при котором учитывается воля народа при выборе кандидатов во властные органы.

Проблемы демократии в последнее время стали довольно острыми и в нашей стране. Позиция федеральной власти вполне определенная: «Демократия может и должна стать сильной властью. В послании президента указывается на такое тревожное явление нашей жизни, как «глубинная борьба между сторонниками и противниками демократической системы», которая ведётся «и в обществе, и в государственном аппарате». Формируется негативный образ демократии». Российское общество «пока не ощутило демократию как систему цельной и в то же время целиком ответственной перед народом государственной власти... Следовательно, в программе мер по укреплению Российского государства на первом месте должны стоять меры по укреплению его демокра-

тических институтов, по укреплению его связей со всеми слоями общества» («Российская Федерация»).

Демократическая оппозиция стремится мирными конституционными способами исправить ошибочный курс правительства: «Нынешнее руководство дискредитирует идеи демократии и рыночной экономики в России, создает питательную среду для активизации различного рода экстремистов. Мы – демократическая оппозиция существующей власти. Наши отношения с властью построены на признании действующей Конституции, на жесткой и бескомпромиссной критике нынешней власти и стремлении к замене ее посредством свободных выборов» (Программные тезисы движения «Яблоко»). Идеологема функционирует с мелиоративной модальностью в узуальном значении: «форма государственного устройства, основанная на принципах законности, равенства и свободы».

Власть закрепляет демократические позиции и эксплицирует традиционное, исторически закрепленное значение лексемы «власть народа» с мелиоративной аксиосемой: «...сила государства в конечном счете определяется степенью его связи с обществом. Она во многом зависит от того, как велико доверие народа к власти. Иначе говоря, она определяется тем, насколько демократично государство в глубоком смысле этих слов, насколько полно и адекватно оно выражает интересы народа, различных его слоев. С этой точки зрения по-настоящему сильной может быть лишь демократическая власть» («Российская Федерация»).

Авторы учебника «Политология», употребляя термин демократия в его основном узуальном значении, разъясняют: «Так проблемы демократии стали ареной острой идейно-политической борьбы, что с самого начала было связано со стремлением власть имущих дискредитировать и фальсифицировать демократию как власть народа, как властвование большинства граждан, народных масс. Не прекратилась эта борьба и сегодня: ее проявления в изображении народа в виде «быдла», а граждан в качестве «совков», будто бы не способных участвовать в управлении государством, якобы еще не доросших до демократии» (Ирхин, 1997, с. 327).

Большая часть социума отождествляет демократию с беспорядком и анархией, именно такой текстовый смысл репрезентирует следующий пример: «Согласно данным ВЦИОМ, на протяжении 1994–1995 гг. более 70% граждан, отвечая на вопрос «как вы считаете, что сейчас больше нужно для России: порядок или демократия?», однозначно высказывались в пользу порядка. Люди устали от реформ, беззакония и нищеты» («Комсомольская правда»).

Кроме того, демократия отождествляется с молодостью и незрелостью: «Ельцин не может не понимать, что Примаков – не мальчик – демократ, реформатор, которого можно покровительственно потрепать по плечу, а если что – дать ему подзатыльник» («Век»).

Разочаровавшись в демократических преобразованиях, помня уроки исторического прошлого, граждане дают отрицательную оценку любой политике и идеологии: «Я не за демократов и не за коммунистов. Я только за справедливость. Если говорить о демократах, то это те же коммунисты, только они теперь ратуют за демократию и рыночные отношения. Но с этими отношениями не все гладко выходит. Ведь как я понимаю рынок? Я тебе – товар, ты мне – деньги. Что же у нас? Сдали крестьяне в августе прошлого года картошку в Климовскую заготконтору, а денег не получили... Отсюда и нищета, и забастовки, и неверие в какие-либо благие перемены» («Российская газета»).

Политемы «демократия», «демократический» переходят в разряд идеологем, маркируя отношение субъекта к политике демократических партий и официальной власти. Как идеологемы лексемы «демократия», «демократический» выступают коррелятами коммунист, коммунистический, например: «Третья олигархия формируется на основе старых и новых элит, куда входят бывшие партocrats, перекрасившиеся в демократические цвета и занимающие крупные посты в государственных, политических, экономических и финансовых структурах» («Российская газета»).

Раскрывая комплексный характер экономических и политических проблем, сторонники социалистических, националистических позиций в текстовой репрезентации стараются усилить оценочную коннотацию эмоциональной напряженностью изложения.

«Русское национальное единство» обвиняет демократов в геноциде русской нации, вкладывая в значение слов «демократ» и «демократия» свой смысл: «антинациональная, антирусская, антикоммунистическая, антипатриотическая политика», создавая пейоративную текстовую модальность: «Демократы работают против русских. Горбачевцы предали Хоннекера. Ельцинисты предали Сурета Гусейнова, а теперь и Абдуллу Оджалана. И как бы ни выкручивался перед Госдумой глава ФСБ Путин, пытаясь доказать, что Оджалан не обращался к российским властям с просьбой о политическом убежище – его слова не убеждают никого. Единожды предавши, кто тебе поверит? Рано или поздно все материалы по геноциду русских, унижению и уничтожению тысячелетней русской государственности и ее друзей станут достоянием нового Нюрнбергского процесса» («Завтра»).

4. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СОЦИОЛОГЕМ

Тезаурус политического языка составляют политемы, то есть слова, в семантической структуре которых содержится политический компонент значения. В семантическом пространстве политем разграничены идеологемы, о которых речь шла выше, политемы и социологемы. Если идеологемы связаны с представлением политических идей, политического сознания, то социологемы репрезентируют государство как институт политической системы, орудие публичной власти. Это термины и номенклатурные наименования государственного аппарата, то есть это номинации системы органов, через которые осуществляется управление государством, функционирует государственная власть.

Согласно Конституция СССР 1937 г. органами госуправления признавались Советы народных депутатов, органы общественного управления, Совет министров и органы отраслевого управления – министерства. По Конституции 1977 г. (в ст. 89) устанавливалось, что все, начиная с Верховного Совета СССР до поселковых и сельских, составляет единую систему государственной власти. Конституция 1993 г. утвердила разделение властей, введя понятие «правовое государство». В систему органов государственного аппарата входят как органы государственной власти, так и органы госуправления. К ним относятся парламент, глава государства, правительство, министерства, госкомитеты, ведомства, мэрии, муниципалитеты, префектуры, суд, прокуратура.

Социологемы мы условно называем единицы политического тезауруса, где не выражен ярко политический компонент значения, но в то же время политический язык не может обходиться без этих номинаций. Социологемы репрезентируют социальные институты и их структуру, это термины и номенклатурные названия федеральной и местной системы политического управления обществом. Социологемы репрезентируют понятийное поле «государственный аппарат», государственная власть и, как правило, не переходят в разряд идеологем.

Концептуальное построение политического языка позволяет выделить доминантные семы, которые реализуются при функционировании социологем: это гиперсемы власть и управление. Таким образом, политика – это возможность управлять делами государства через органы государственного управления. Социологемы представлены следующими семантическими полями:

- номинации органов государственной власти и государственного управления: политический аппарат, парламент, правительство, министерства, госкомитеты, ведомства, мэрии, суды и прокуратура и профессиональный бюрократический аппарат, который осуществляет государственную деятельность;
- лица, облеченные государственными властными полномочиями: президент, губернатор, глава правительства, министр, премьер-министр, спикер Государственной Думы, мэр, депутат и т. д.
- государственные документы, указы, распоряжения, постановления, интерpellация, вето и т. д. Например: «Интерpellация – особый вид депутатского запроса правительству или отдельно его члену по определенному вопросу, по всей политической деятельности правительства в целом» («Словарь-справочник политолога»).

ПАРЛАМЕНТ

Это слово было так широко распространено в иностранных языках, что установить, откуда оно пришло в русский язык, нелегко. Этимологические словари дают неоднозначную информацию. В «Словаре» Н.М. Шанского, изданном в 1971 г., утверждается, что слово заимствовано из английского языка, но в более позднем издании указано, что оно «заимствовано в начале XVIII в. из польского языка, где *parlament* – итал. *parlamento* «собрание, переговоры, суф. производного от *parler* «говорить» Ср. вече, вития». В «Этимологическом словаре» М. Фасмера указана точная дата заимствования: «впервые в «Правде воли монаршей» 1722 в значении обсуждение, переговоры, собрание».

В «Словаре» В.И. Даля также фиксируется это слово: «Парламент в конституционных государствах, собрание чинов и выборных, палата, дума, собор для обсуждения законодательных и других вопросов».

В МАС: «Парламент. Высшее государственное законодательное представительное собрание в капиталистических странах, построенное целиком или частично на выборных началах».

«Советский энциклопедический словарь» дает историческую справку: «В буржуазных государствах высший представительный орган власти. Впервые был образован в XIII в. в Англии как орган сословного представительства».

Авторы «Словаря иностранных слов» подтверждают широкое распространение данного референта в политической сфере – «высший представительный, законодательный орган в буржуазных странах, построенный целиком или частично на выборных началах. В Англии называется парламентом, в США конгрессом, в Швеции риксдагом, в Норвегии – стортингом». К сожалению, даже в конце 80-х гг. толкование реалии дано с идеологической позиции.

В.Ф. Халипов в «Кратологическом словаре» дает справку об употреблении данной политической номинации в иностранных языках. Он поясняет, что впервые парламент был создан в Великобритании в XIII как сословно-представительное учреждение, а во Франции до 1789 г. парламентом называлось высшее судебное учреждение.

Авторы «Толкового словаря языка совдепии» указывают на специфическое употребление данного слова в советский период: «Народный (Советский) парламент. О верховном Совете СССР».

В «Толковом словаре русского языка конца XX в.» зафиксировали более позднее употребление: «Высший представительный орган государственной власти; Федеральное Собрание РФ».

Современная Конституция провозглашает: «Федеральное Собрание – парламент Российской Федерации – является представительным и законодательным органом Российской Федерации» (Ст. 94).

Дефиниция, представленная в «Политологическом словаре», дает указания на то, что парламент – это система государственной власти, при которой четко распределены функции законодательных и исполнительных органов. Парламент выступает в этой системе в качестве субъекта и объекта политической борьбы и связан с господствующими в стране традиционными представлениями о демократии. Парламент образует правительство, которое несет перед ним политическую ответственность. Парламент имеет право отказывать в доверии правительству, санкционирует важнейшие политические мероприятия... Полномочия парламента нередко узурпируются правительственной властью при помощи делегированного и чрезвычайного законодательства, расширенного толкования нормотворческой компетенции правительственной власти. При этом отчетность правительства перед парламентом носит формальный характер, то есть происходит смешение функций законодательной и исполнительной власти. «Федеральный парламент за редким исключением двухпалатный. Нижняя палата является органом федерального (союзного) представительства и избира-

ется по избирательным округам. Верхняя палата представляет субъектов федерации и формируется либо путем выборов равного числа депутатов от каждого субъекта независимо от численности населения, либо неравного числа депутатов с учетом численности населения».

Типичное современное употребление данной социологемы мы встречаем в текстах разных стилей: «Во всех странах Восточной Европы, как показывает анализ, парламент является центром политической консолидации общества, его ведущих сил. Prestиж парламента обеспечивается тем, что он утверждает правительство и осуществляет контроль за его деятельностью. Опыт свидетельствует, что наиболее эффективно функционирующим является парламент, в котором представлено небольшое количество партий» (Мокшин. «Трансформация политических режимов»). «Уверен, что взаимовыгодные межпарламентские связи будут расширяться и углубляться, выступая как объективная потребность в деятельности российских парламентариев» («Российская газета»).

ДЕПУТАТ

Социологема «депутат» появилась в русском языке «с 1618 г. через нем. *deputat* из лат. *deputatus*, аналогично делегат, делегация, депутация» (Фасмер, т. 1, с.499). Данный латинизм авторы словарей переводят по-разному: посланный («Словарь иностранных слов». 1989), предназначенный (Л.П. Крысин, 1998). Однако здесь мы наблюдаем расширение значения в процессе использования лексемы.

Первоначальное значение в словарях XX в. уходит на второй план, а на первый план выдвигается социально-политическое значение. «Выборный представитель, член выборного государственного учреждения» (МАС, т. 1, с. 388). «Лицо, избранное в законодательный или иной представительный орган, например, депутат Верховного Совета в СССР, депутат парламента в буржуазных странах («Словарь иностранных слов». 1989). Кратологический словарь репрезентирует следующую дефиницию: «выборный представитель в органах власти» (Халипов. 1997).

Сема идеологической оценки отдаляет данную социологему от российской действительности. В активное употребление она входит лишь в 90-е гг. XX века, поэтому как иностранное заимствование фиксируется в «Толковом словаре иноязычных слов» Л.П. Крысина 1998 г.

Данная лексема в настоящее время стала довольно частотной в связи с политической борьбой многопартийного демократического режима, как политический термин она закреплена в Конституции: «Государственная Дума состоит из 450 депутатов» (ст. 95). «Депутатом ГД может быть избран гражданин РФ, достигший 21 года и имеющий право участвовать в выборах... Депутаты ГД работают на профессиональной постоянной основе. Депутаты ГД не могут находиться на государственной службе, заниматься другой оплачиваемой деятельностью, кроме преподавательской, научной и иной творческой деятельности» (ст. 97).

«Среди организаторов и активных участников мятежа были и некоторые бывшие народные депутаты, которые уже давно вели, по сути дела, преступную деятельность. Прикрываясь депутатской неприкосновенностью, они использовали ее для подстрекательства к насилию, для организации массовых кровавых беспорядков, для развязывания гражданской войны» (Российская газета. 1993). «В Государственную Думу поступил проект бюджета – 2000. Депутаты, несмотря на каникулы, «вцепились в него зубами». Они оценили проект как очень жесткий по доходам» («Российская Федерация»).

Как и «правительство», социологема «депутат» может иметь разные значения: она функционирует на федеральном (депутат Государственной Думы) и на региональном уровнях власти (депутат Законодательного Собрания Санкт-Петербурга), например: «Питерские депутаты в очередной раз демонстрируют свою «особость». Вот уже полгода они никак не могут избрать председателя Законодательного Собрания» («Российская газета»). А кроме того, активно употребляются в политической коммуникации такие словосочетания, как «народный депутат», «независимый депутат», «кандидат в депутаты».

Следует отметить и синонимы социологема «депутат», это «думец», «народный избранник», «парламентарий».

Социологема «депутат» не переходит в разряд идеологем, она репрезентирована как термин, однако может иметь оценочную сему, например, в таком своеобразном образовании, как «делопуты».

ПРАВИТЕЛЬСТВО

Эта лексема, по свидетельству исторических словарей, вошла в русский язык в конце XI – начале XVII вв., причем она имела множество деривационных образований, принадлежащих к разным частям речи:

правитель, правительникъ, правительница (сущ.), правительно (нар.), правителей (прил.), правительствовать (глагол.), что подтверждают материалы «Словаря» В.И. Даля, где лексема дана в дефиниции «правый». «Правительство, ср. правление или управление, начальствованье... Начальство, власти, совокупность сил управления. Местное правительство, противопоставлено высшее или государственное. Правительственный, к сему относящийся. Правительствовать, быть правителем, править землею, государствовать, княжить, править, управлять» Далее следует чудесный пример, относящийся к XIX в.: «Правительство Муравьева в западном крае оставило навсегда благодарную память».

Авторы «Словаря Русского языка XI – XVII вв.» указывают одно значение лексемы правительство – «правление, управление», иллюстрируя примерами 1598, 1613 гг., и конкретизируют его значениями «быть в правительстве», «вступить в правительство – стать правителем».

В этом значении социологема функционирует в начале XIX в. Публицист, историк К.С. Аксаков, в размышлениях «О внутреннем состоянии России» приходит к таким высказываниям: «Правительство и народ, или государство и земля, хотя ясно разграничены в России, тем не менее не смешиваются, но не соприкасаются. Какое же взаимное их отношение? Прежде всего народ не вмешивается в правительство, в порядок управления; государство не вмешивается в жизнь и быт народа, не заставляет народ жить по сделанным от государства правилам. Итак, первое отношение между правительством и народом есть отношение взаимного невмешательства» («Ранние славянофилы». 1910). «Правительство со своей стороны приложит все силы к обеспечению нашей армии всем необходимым для того, чтобы довести войну до победного конца... Сознывая всю тяжесть гнетущего страну бесправия, стесняющего свободный творческий порыв народа в годину тяжких народных бедствий, Временное правительство сочтет необходимым немедленно, еще до созыва Учредительного собрания, обеспечить страну твердыми нормами, ограждающими гражданскую свободу и гражданское равенство, дабы предоставить всем гражданам свободно проявлять свои духовные силы в созидательной работе на благо родины. Правительство озаботится также установлением норм, обеспечивающих всем гражданам равное, на основе всеобщего избирательного права, участие в выборах органов местного самоуправления» (Обращение Временного правительства к населению России, 1917. «Государство Российское: власть и общество», с. 279).

МАС: Правительство – «Высший исполнительный и распорядительный орган государственной власти, осуществляющий непосредственное управление государством. Революционное правительство. Буржуазное правительство». «У нас нет буржуазии, а наше правительство – это наши учителя и наши товарищи» (М. Горький. «Заключительная речь на Первом всесоюзном съезде советских писателей»).

Правительство – высший орган исполнительной власти. Возглавляется премьер-министром (канцлером, председателем совета или кабинета министров); в отдельных странах – главой государства (например, в США). Члены правительства (министры, госсекретари и др.) руководят центральными ведомствами государственного управления. Правительство формируется парламентом или назначается главой государства. По своему составу правительство может быть однопартийным, коалиционным. В отличие от унитарного и конфедеративного государства в федеративном государстве формируется центральное правительство, а также правительство государственных образований, входящих в состав федерации. В президентских республиках правительство возглавляет президент» («Политологический словарь». 1994, т. 2, с. 89).

При социализме правительство – Совет Министров СССР, возглавляемый Председателем. Конституция 1993 г. провозглашает: «Исполнительную власть РФ осуществляет Правительство РФ. Правительство РФ состоит из Председателя Правительства РФ, заместителей Председателя Правительства РФ и федеральных министров» (ст. 110). В постсоветской России, после распада СССР, правительство во главе с премьер-министром назначается Президентом и утверждается парламентом – Федеральным собранием.

Следует обратить внимание на функционирование данного термина, который имеет особенности функционирования на уровне федеральной и региональной власти. Правительство – высший орган власти субъектов федерации, например, правительство Ленинградской области, правительство г. Санкт-Петербурга.

Социологема «правительство» функционирует в текстах как политический термин. Ср.: «Правительство в восточноевропейских государствах выступает в качестве исполнительной власти. Именно оно формирует программу экономической реформы и осуществляет ее на практике. В Венгрии и Чехии по образцу Германии и Австрии фактически введена канцлерская система, когда практически вся полнота исполнительной власти принадлежит премьер-министру» (Мокшин. «Трансформация политических режимов»).

МЭР

Мэр от фр. – *maire*, лат. *maior* – большой, старший. Указаний на время заимствования этой социологемы в словарях нет. Она вошла в активное употребление в период демократических преобразований (90-е гг. XX в.), но зафиксирована словарями ранее. Ср. в МАС: «Мэр. Глава муниципалитета, муниципального управления в некоторых зарубежных странах» (МАС, т 2, с. 319). В «Словаре иностранных слов» представлено как «глава муниципалитета в ряде стран, напр. в Англии, США, во Франции» (Словарь иностранных слов, 1989, с. 335). Вероятно, в связи с этим данная лексема фиксируется в «Толковом словаре иностранных слов» в более широком значении: «Глава городского управления в ряде стран (ср. бургомистр, префект) (Крысин, 1998, с. 461).

Именно в таком аспекте дана дефиниция в «Политологическом словаре»: «высшее должностное лицо в муниципалитетах ряда государств. Мэр либо представляет муниципалитет, либо возглавляет муниципальную администрацию. Он отвечает за подготовку и исполнение муниципального бюджета, назначает лиц на муниципальные должности, направляет работу аппарата».

В словаре 1997 г. «Федерализм»: «Глава местной городской, а в некоторых странах и сельской администрации или муниципалитета – выборного органа в системе местного самоуправления, получившего свое название от муниципия (лат. *municipium*)».

Аналог данной лексеме, безусловно, существовал в русском языке, это слова «воевода», «градоблюститель», «градоправитель», «городская голова», но они попали в разряд пассивной лексики, существовавшей до революции 1917 г. и не вошли в активное употребление. Так, «воевода» имеет толкование: «сложение вои «войско» и вода «вождь, ведущий», в др.-рус. языке и диалектах еще известных» (Шанский, 1994, с. 44). Термин «градоначальник» не зафиксирован словарями, однако его семантика понятна каждому, это руководитель, правитель города, примеры которому можно найти в художественной литературе XIX в.

В современных публицистических текстах встречаются синонимы лексеме «мэр»: градоначальник, городская голова, воевода. Репрезентация синтагматических связей выполняет оценочную и экспрессивно-эмоциональную функции, обращая внимание реципиента на фоновый смысл значения, когда историзмы отождествляются с безграничной, вседозволенной властью.

Приведем пример: «Третьего дня, после двухсуточных безуспешных бдений у дверей мэрии, корреспондент «Комсомолки» наконец-то имел честь вступить в словесный контакт с градоначальником Иванова Троеглазовым... Наш мэр в присутствии двух свидетелей прямо мне заявил: «У меня всего четыре года, дайте же вы мне спокойно поворовать», – рассказывал корреспонденту начальник УВД Ивановской области генерал-майор Г. Панин... Воля ваша, я с трудом представляю, как можно сказать о себе самом: «Всенародно любимый глава города Иванова»... Да и вообще – как у мэра его мэрский язык повернулся сказать такое... Мы смотрим на галерею фотографий с изображением ивановского градоначальника. Фотографии подобраны, очевидно, не без цели. Они тотчас же должны обратить внимание на значимость местного воеводы. Перед восшествием на престол ивановский воевода, разумеется, наворачивал доверчивым избирателям все, что полагается. На митингах вполне серьезно обещал... Нынешнего градоначальника горожане называют «мэром городских рынков» (именно они дают самые быстрые миллиарды в личные карманы)... Не живут пока ивановцы, вопреки мэским обещаниям, на земле, текущей млеком и медом» («Комсомольская правда»).

Таким образом, политическая лексика, выполняя номинативную функцию, точно обозначает различные политические понятия, относится к разряду терминов. Однако члены социума не могут одинаково относиться к явлениям политическим, обладая различным мировоззрением и мировосприятием, в связи с чем политемы (и идеологемы) могут выступать в конкретном речевом акте как оценочная лексика.

К политической лексике относятся не только имена существительные (политика, власть, партия, государство и т. п.), но и относительные прилагательные, мотивированные существительными, входящими в семантическое поле «политическая лексика». Они сохраняют идеологический компонент значения, присущий этой группе слов. Образованные от существительных, функционирующие как политические термины, относительные прилагательные входят в состав терминологических словосочетаний (политика – политическое руководство, буржуазия – буржуазная революция, социализм – социалистическое производство, советы – советская власть, демократия – демократический, партия – партийный контроль и т. п.).

Идеологическая сема, ядерная, сильная в семантической структуре не только мотивирующих, но и мотивированных слов, обуславливает

возможность оценочной коннотации, узуальной или текстовой, ибо идеологические понятия по-разному оцениваются лицами различных общественно-политических групп в данный исторический период.

В тех фрагментах текста, где интерпретируется политическая тема, актуализируются скрытые оценочные семы, что ведет к окачеству относительных прилагательных, «ибо существование всякой грамматической категории обуславливается тесной, неразрывной связью ее смысла и всех ее формальных признаков» (Щерба, 1974, с. 7). Однако более точной будет констатация зоны переходности в структуре прилагательного: прилагательное с относительным значением – относительное прилагательное, в семантическую структуру которого контекст наводит качественные семы, – окачественное прилагательное, хотя граница между единицами зоны переходности очень подвижна.

Анализ материала показал, что оценочные семы в содержании относительных прилагательных более яркие по сравнению с оценочными семами мотивирующих слов, так как на значение мотивирующего слова наслаивается категориальное значение прилагательных – способность обозначать качество независимо от того, в какой лексико-грамматический разряд входит прилагательное.

Широкое употребление политических терминов и терминологических словосочетаний, их возможная детерминологизация, актуализация идеологических и оценочных сем характерна для тех периодов в истории русского языка, которые отмечены интенсивным влиянием на язык социальных факторов.

Анализ текстов газет, трудов политических деятелей, мемуаров, художественных произведений с явной политической ориентацией, отражающих специфику речи носителей языка в истории нашей страны, позволили сделать вывод о новых идеологических компонентах значения в семантической структуре политема: партия – ВКП(б) или КПСС – лучшая часть общества, наиболее сознательная, отличающаяся высокой нравственностью, постигая истинное положение вещей в мире; советский, социалистический – нравственный, единственно верный, лучший и т. п.

Прагматической функцией (агитационной) обусловлено частое употребление в политических текстах приема повтора (одна и та же идеологема употребляется в данном фрагменте текста от 2 до 10 раз), приема семантической конденсации (в одном тексте могут быть представлены многие члены семантического поля «политика»), приема се-

мантической иррадиации (в парадигматические отношения вступают слова разных микросистем, в содержании слов, не входящих в микросистему «политика», появляется идеологический компонент значения, провоцирующий появление оценочных сем: троцкистский, зиновьевский, вейсманистский, наш, генетика, дрозофила и т. п.).

Анализ текстов художественных произведений и мемуаров (А.Солженицына, Б. Пастернака, А. Адамовича, В. Гроссмана, Ю. Домбровского, В. Шаламова, А. Рыбакова, Д. Гранина, В. Дудинцева, Г. Вишневской, М. Плисецкой и др.) показал, что политемы и идеологемы служат писателям и авторам мемуаров для создания речевого портрета эпохи, точно отражая речевые ситуации и речевые нормы в нашей стране.

Специфика употребления слов микросистемы «политика» проявляется в возможности двоякого использования одного и того же слова: с реализацией в тексте определенной социальной ориентации семы положительной оценки и семы отрицательной оценки.

ВЫВОДЫ

Политический язык определяется тезаурусом, который раскрывается в ходе изучения концептуального поля «политика» и формируется тремя главными конститuentами: политическая власть, политическая идеология, государство. Данные концепты включают все референты политического лексикона и структурируются как семантическое пространство, ядром которого являются политемы и идеологемы.

Функционируя в разных стилях, политемы выполняют важные функции политической коммуникации. Преимущество имеет терминологическое употребление политем, поэтому репрезентативную функцию следует признать основной. Становясь единицами текста, политемы выполняют прагматическую и оценочную функции. В создании оценочной политической модальности велика роль периферии понятийного поля «политика», которая создает фон для экспликации главной политической информации. В функции вторичной номинации политемы отличаются тем, что не только называют признак, но и кодируют в своем содержании вторичные признаки, становясь маркерами политического дискурса. Выполняя эстетическую функцию, политемы и идеологемы становятся ключевыми, опорными в исторических и в художественных произведениях с преобладающей политической тематикой.

Исследование политем в диахроническом аспекте позволяет изучать картину мира, отраженную в текстах различной временной и стилистической принадлежности, помогает увидеть те обертоны смысла, которые возникали у данной лексики в данном микротексте в различные периоды развития русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов В.П. Синтагматика семантического поля (на материале русского языка). Изд-во Ростовского университета, 1992.
2. Азнаурова Э.С. Языковая номинация. Виды наименований. М., Наука, 1977. С. 385-388.
3. Александрова Н.А. Об оценке в научной дискуссии // Общие и частные проблемы функциональных стилей. М., Наука, 1986.
4. Аннинский Л. Не обрывающийся диалог // Континент, 1996, № 2. С. 217 – 223.
5. Апресян Ю.Д. Избранные труды. М., 1975.
6. Арнольд И.В. Вопросы языкознания. 1982. № 4. С.83 – 91.
7. Арутюнова Н.Д. Истина: фон и коннотация // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991. С. 14 – 20.
8. Арутюнова Н.Д. К проблеме функциональных типов лексического значения // Аспекты семантических исследований. М., 1977. С. 188 – 206.
9. Арутюнова Н.Д. Языковая номинация. Общие вопросы. М., 1977. С. 188 – 206.
10. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений (оценка, событие, факт). М., 1988.
11. Арутюнова Н.Д. Функции языка. Русский язык. М., Советская энциклопедия, 1978. С. 385 – 386.
12. Аскольдов – Алексеев С.А. Русская речь. Под ред. Л.В. Щербы. СПб., 1928. С. 28 – 44.
13. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М., 1966.
14. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-французской семантике языка. Изд-во Воронежского университета, 1998.
15. Баранов А.И. Лекторское мастерство. № 9. М., 1990. С. 53 – 58.
16. Баранов А.И., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора. М., 1991.
17. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
18. Белова Г.Ф. Тезисы докладов межвузовского симпозиума составителей «Словаря М. Горького». Киев, 1966. С. 7 – 9.
19. Бельчиков Ю.А. Анализ языка и стиля публицистических произведений. Изд-во Москов. ун-та, 1962.
20. Бельчиков Ю.А. Русский язык в школе. 1965, № 6. С. 21 – 25.
21. Брагина А.А. Лексика языка и культура страны. М., 1986.
22. Биржакова Е.Э., Воинова Л.А., Кутина Л.Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. СПб., 1972.

23. Бондарко А.В. К теории функциональной грамматики. Проблемы функциональной грамматики. М. 1985. С. 16 – 29.
24. Будагов Р.А. Язык – реальность – язык. М., 1963.
25. Васильев Л.М. Значение в его отношении к системе языка. Уфа, 1983.
26. Введенская Л.А., Червинский П.П. Теория и практика русской речи. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997.
27. Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
28. Вежбицкая А. Семантика, культура и познание: общечеловеческие понятия в культуророспецифичных контекстах. THESIS. Вып. 3. Мир человека. М., 1993.
29. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. М., 1980.
30. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М., 1990.
31. Веселитский В.В. Отвлеченная лексика в русском литературном языке XVIII – начале XX веков. М., 1972.
32. Виноградов В.В.. Вступительное слово на Всесоюзном терминологическом совещании. «Вопросы терминологии» М.: Издательство АН СССР, 1961.
33. Виноградов В.В. Основные типы лексических значений слова Избранные труды. М., 1977. С. 162 – 189.
34. Виноградов В.В. О художественной прозе М., 1930.
35. Виноградов В.В. О языке художественной литературы М., 1959.
36. Виноградов В.В. Русский язык. М., 1972.
37. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. 3-е изд. М.: Высшая школа, 1986.
38. Виноградов В.В. Стиль Пушкина. М., 1941.
39. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963.
40. Виноградов С.И. Слово в парламентском общении: функциональный контекст. М., 1994.
41. Винокур Г.О. Труды московского института истории, философии и литературы, т. 5. М., 1939. С. 3 – 54.
42. Винокур Г.О. О языке художественной литературы. М., 1991.
43. Винокур Т.Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. М., 1980.
44. Винокур Т.Г. Развитие функциональных стилей современного русского языка. М., 1968. С. 3 – 11.
45. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М., 1958.

46. Володина М.Н. Когнитивно – информационная природа термина. М., 2000.
47. Вольф Е.М. Грамматика и семантика прилагательного (на материале иберо-романских языков). М., 1978.
48. Вольф Е.М. Языкознание. 1986, № 5. С. 98 – 108.
49. Вольф Е.М. Лингвистика и поэтика: Сб. статей. М., 1979. С. 118 – 135.
50. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М., 1985.
51. Выготский Л.С. Психология искусства. М., 1968.
52. Гайсина Р.М. Филологические науки. 1986, № 4. С. 49 – 55.
53. Гак В.Г. Проблемы функциональной грамматики. М. 1985. С. 5 – 15.
54. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. Синтаксис. М., 1981.
55. Гатин Д.Ю. Лексика публичных выступлений российских парламентариев. Автореф. дис... канд. филол. наук. М., 1998.
56. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
57. Гей Н.К. Художественность литературы. Поэтика. Стилль. М.: Наука, 1975.
58. Глаголев Н.В. Коммуникативное воздействие с элементами ложной информации // Речевое воздействие: психические и психолингвистические проблемы. М., 1986. С. 33 – 34.
59. Говердовский В.И. Диалектика коннотации и денотации (взаимодействия эмоционального и рационального в лексике) // Вопросы языкознания, 1988, № 2. С. 71 – 79.
60. Говердовский В.И. Опыт функционально-типологического описания коннотаций. Автореф. дис... канд. филол. наук. М.: 1977.
61. Голев Н.Д.
62. Голованова Е.И. Слово и образ. Образ слова. Сб. статей РАН. М., 1997. С. 208 – 213.
63. Горбаневский М.В. Имя, наполненное временем. Русистика. 1992, № 1. С. 73– 82.
64. Государство Российское: власть и общество. С древнейших времен до наших дней. Сборник документов под ред. Ю.С. Кукушкина. М., 1996.
65. Грановская Л.М. Русская эмиграция о русском языке. М., 1993.
66. Грачев М.Н. Политическая система общества. М., 1997.
67. Гридин В.Н. Семантика эмоционально-экспрессивных средств языка // Психологические проблемы семантики. М., 1978. С. 113 – 119.
68. Гумбольдт фон В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Избранные труды по языкознанию. М, 1984.

69. Гюббенет И.В. Основы филологической интерпретации литературно-художественного текста. М., 1991.
70. Данилова Э.П. К вопросу о лексико-грамматических разрядах прилагательных. Уч. записки Казан. пед. ин-та. 1976. Вып. 161. С. 130 – 138.
71. Девкин В.Д. Псевдоэкспрессия. Общие и частные проблемы функциональных стилей. М., 1986. С. 69 – 76.
72. Деева И.М. Коммуникативные аспекты значения. Волгоград, 1990. С. 113 – 125.
73. Дешериев Ю.Д. Влияние социальных факторов на функции и развитие языка. М., 1988. С. 5– 11.
74. Долинина К.А. Вопросы языкознания, 1983. № 6. С. 37 – 47.
75. Донецких Л.И. Эстетические функции слова. Кишинев, 1982.
76. Донцу Н.Ф. Автореф. дис... канд. филол. наук. СПб., 1982.
77. Дридзе Т.М. Язык и социальная психология. М., 1980.
78. Ермакова О.П. Русский язык конца XX столетия (1985 – 1995). М., 1996.
79. Ефимов Б.П. Система органов государственной власти в современной России. Российская академия государственной службы при Президенте РФ. М., 1997.
80. Жданова Л.А. Автореф. дис...канд. филол. наук. М., 1996.
81. Жельвис В.И. Инвективная стратегия как национально-специфическая характеристика М., 1988.
82. Журавлев С.А. Семантика языковых единиц. Доклады VI Международной конференции. Т. 1. М., 1998. С. 136 – 138.
83. Землякова Л.М. Вестник Московского университета, серия 10, журналистика, 1997. № 5. С. 107 – 118.
84. Земская Е.А. Автореф. дис... докт. фил. наук. М., 1965.
85. Земская Е.А. Грамматические исследования: функционально – стилистический аспект. Морфология, Словообразование. Синтаксис. М., 1991. С. 132 – 164.
86. Земская Е.А. Сб. статей к 70-летию акад. Конрада Н.И. М., 1967. С. 92 – 103.
87. Зильберт Б.А. Социолингвистическое исследование текстов радио, телевидения, газеты. Саратов, 1986.
88. Зимняя И.А. Смысловое восприятие речевого сообщения в условиях коммуникации. М., 1976.
89. Зражевская Т.А. Трудности перевода общественно-политического текста М., 1986.
90. Иванникова Е.А. Русский язык в школе 1974. № 5. С. 72 – 77.

91. Иванов В.В. Интеллектуальные процессы и их моделирование. М., 1987. С. 142 – 153.
92. Ивин А.А. Основания логики оценок. М., 1970.
93. Ильенко С.Г. Языковые единицы и контекст. Л., 1973. С. 185 – 196.
94. Ильин М.В. Слова и смыслы: опыт описания ключевых политических понятий. М., 1997.
95. Ирхин Ю.В. Политология. М., 1996.
96. Ирхин Ю.В., Слизовский Д.Е. Роль политической культуры и лидерства в общественном развитии. М., 1995.
97. Ирхин Ю.В., Сумбатян Ю.Г. Социодинамика политических систем и режимов. М., 1995.
98. Какорина Е.В. Облик слова Сб.ст. РАН, М., 1997. С. 226 – 242.
99. Капанадзе Л. А. Развитие русской лексики современного русского языка. М., Наука, 1965.
100. Капралова С.Г. Сб. статей по русскому языку и языкознанию. М., 1976. С. 59 – 94.
101. Караваева С.Е. Филологические науки. 1986 № 4, С. 76 – 80.
102. Карасик В.И. Язык социального статуса. М., 1992.
103. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М., 1976.
104. Караулов Ю.Н. О состоянии русского языка современности. Доклад на конференции «Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики» М., 1991.
105. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.
106. Караулов Ю.Н. Словарь Пушкина и эволюция речевой языковой способности. М., 1992.
107. Катлинская Л.П. Грамматика и нормы: Сб. статей. М., 1977 С. 92 – 106.
108. Кацнельсон С.Д. Общее и типологическое языкознание. Л., Наука, 1965.
109. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.
110. Ким С.Л. Автореф. дис... канд. филол. наук. Ташкент, 1983.
111. Киселева Л.А. Вопросы теории речевого воздействия. Л., 1978.
112. Клаус Георг Сила слова. Гносеологический и прагматический анализ языка. М., 1967.
113. Клименко А.П. Лексическое ассоциирование и связность текста // Проблемы внутренней динамики речевых норм. Минск, 1982. С. 87 – 93.
114. Ковалев Ю.Н. Местное самоуправление в системе политических отношений региона. Саратов, 1996.
115. Ковалевская Е.Г. История русского литературного языка. М., 1992.

116. Ковалевская Е.Г. Слово в тексте художественного произведения // Аспекты и приемы анализа художественного произведения. Л., 1979. С. 78 – 86.
117. Ковалевская Е.Г. Лингвистические основы аспекта школьной программы «Развитие речи» Л., 1979. С. 36 – 48.
118. Ковалевская Е.Г. Языковые значения Л., 1976. С. 63 – 73.
119. Ковалевская Е.Г. Семантические и эстетические модификации слов в тексте. Л., 1979. С. 28 – 53.
120. Коваленко И.В. Изотопия как один из видов семантической связности художественного текста // Сб. научных трудов. М., 1980. С. 156 – 160.
121. Кожевникова Н.А. Сб. статей. РАН. М., 1997. С. 243 – 250.
122. Кокорина Е.В. Русский язык конца XX столетия (1985 – 1995). РАН М., 1996. С. 67 – 89.
123. Колшанский Г.В. Контекстная семантика. М., 1980.
124. Колшанский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка. М., 1984.
125. Комлев Н.Г. Компоненты содержательной структуры слова. М., 1969.
126. Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе. М., 1971.
127. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. М., 1994.
128. Красикова Е.Ю. Автореф. дис... канд. филол. наук. М., 1994.
129. Крысин Л.П. Русский язык конца XX столетия (1985 – 1995) «Языки русской культуры». М., 1996. С. 142 – 161.
130. Крысин Л.П. Речевое общение и социальные роли говорящих. Социально-лингвистические исследования. М., 1976. С. 42 – 51.
131. Крысин Л.П. Социоллингвистические аспекты изучения современного русского языка. М., 1989.
132. Крючкова Т.Б. О некоторых принципах составления словарей общественно-политических терминов. Социологические исследования терминологии языков народов СССР. М., 1988. С. 34 – 41.
133. Крючкова Т.Б. Особенности формирования и развития общественно-политической лексики и терминологии. М., 1989.
134. Кубрякова Е.С. Когнитивные аспекты в исследовании семантики слова. Семантика языковых единиц. Доклады VI Международной конференции. М., 1998. С. 47 – 49.
135. Кубрякова Е.С. Об одном фрагменте концептуального анализа слова память. Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991. С. 85 – 90.
136. Кубрякова Е.С. Парадигмы научного знания в лингвистике и ее современный статус. Изв. АН Серия: лит-ра и яз. Т. 53. 1994. № 2. С. 24 – 30.
137. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М., 1981.

138. Кубрякова Е.С. Части речи в ономазиологическом освещении. М., 1997.
139. Кузнецов А.М. От компонентного анализа к компонентному синтезу. М., 1986.
140. Кузнецов В.Г. Отображение в языке средств массовой информации определенной идеологической картины мира. Сб. трудов М., 1989. С. 117 – 124.
141. Купина Н.А. Состояние лексики русского языка. Русское слово в языке, тексте и культурной среде. Екатеринбург, 1999. С. 134 – 145.
142. Кутина Л. Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Л., 1972
143. Кусков В.В. Общие и частные проблемы функциональных стилей. М., 1986. С. 172 – 186.
144. Лабов У. Единство социолингвистики. Социально-лингвистические исследования. М., 1976. С. 5 – 30.
145. Ларин Б.А. Из истории слов и словарей. Очерки по лексикологии и лексикографии. Л.: 1963.
146. Ларин Б.А. О разновидностях художественной речи (Семантические этюды). Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М., 1997. С. 149 – 162.
147. Лафарг П. Язык и революция: французский язык до и после революции. М., 1930.
148. Левковская К.А. Теория слова, принципы ее построения и аспекты изучения лексического материала. М., 1962.
149. Лейчик В. М.. Вопросы языкознания. 1986. №5. С. 87 – 97.
150. Леонтьев А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М., 1969.
151. Леонтьев А.А. Слово в речевой деятельности. М.: Наука, 1965.
152. Лингвистическая сущность и аспекты номинации. Языковая номинация. Общие вопросы. М., 1977.
153. Литературная норма и просторечие. М., 1977.
154. Лихачев Д.С. Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М., 1997. С. 280 – 287.
155. Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991.
156. Лосев А.Ф. Теория и методология языкознания. Методы исследования языка. М., 1989.
157. Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления. Новосибирск, 1986.
158. Лурия А.Р. Язык и сознание М., 1979.
159. Лысакова И.П. Язык газеты: социолингвистический аспект. Л., 1981.

160. Лысенко В.Н., Лысенко Л.М. Институт губернаторства в истории и современной России: некоторые общие и отличительные черты. Государство и право. 1998. № 5. С. 9 – 16.
161. Майданова А.М., Амиров В. М., Енина Л. В. и др. Речевая агрессия в средствах массовой информации. Екатеринбург, 1997.
162. Максимов Л.Ю. Русский язык в школе, 1967. № 1. С. 5 – 14.
163. Мамардашвили М.А. Символы и сознание. М., 1997.
164. Малый А. Ф. Органы государственной власти области: проблемы организации. Архангельск, 1999. С. 157 – 159.
165. Маркелов Г.В. Структура, семантика и функции в тексте оценочных единиц. Межвузовский сборник. М., 1995. С.8 –17.
166. Михальская А.К. Русский Сократ. Лекции по сравнительно-исторической риторике. М., 1996.
167. Мокшин В.К. Трансформация политических режимов восточноевропейских стран во второй половине XX века. Архангельск, 1997.
168. Морковкин В.В., Морковкина А.В. Русский язык за рубежом. № 1-2, 1997. С.44 – 52.
169. Мурадова Л.А. Семантико-функциональная характеристика общественно-политической лексики современного французского языка. М., 1986.
170. Мыркин В.Я. Вопросы языкознания, 1976, № 2. С. 86 – 93.
171. Мягков Е.Ю. Эмоциональная нагрузка слова: опыт психолингвистического исследования. Воронеж, 1990.
172. Налимов В.В. Вероятностная модель языка: о соотношении естественного и искусственного языков. М., 1974.
173. Наумов В.В. Языковые изменения: причины, механизм и последствия. Тенденции развития в лексике и синтаксисе германских языков. Самара, 1997. С. 35 – 40.
174. Нефедова Н.А. Автореф.дис...канд. филол. наук. Л., 1988.
175. Нерознак В.П. Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М., 1997. С. 5 – 8.
176. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. СПб., 1996.
177. Никитин М.В. Лексическое значение слова. Структура и комбинаторика. М., 1983.
178. Никитина С.Е. Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991 С. 117 – 123.
179. Новиков Л.А. Семантика текста и ее формализация. М., 1983.
180. Новиков Л.А. Избранные труды. Том I. Проблемы языкового значения. М., 2001

181. Нойберт А.К. К вопросу о предмете и основных понятиях марксистско-ленинской социолингвистики. Актуальные проблемы образования ГДР. М., 1979. С. 74 – 84.
182. Павиленис Р.И. Проблемы смысла: современный логико-философский анализ языка. М., 1983.
183. Павлов В.М. О разрядах имен прилагательных в русском языке // Вопросы языкознания, 1960. № 2. С. 66 – 70.
184. Падучева Е.В. Высказывание и его соотносительность с действительностью. М., 1985.
185. Панкин А.С. Записки русского фабриканта. Новый мир, 1997. № 11. С. 182 – 198.
186. Панфилов А.К. Межвуз. сб. научных трудов. Волгоград, 1988. С. 43 – 49.
187. Петрищева Е.Ф. Изменения в составе интеллектуально-оценочной лексики в русском языке советского времени. Развитие лексики современного русского языка. М., 1965. С. 52 – 75.
188. Петрова Э.М. Автореф. дис... докт. филол. наук. Л., 1983.
189. Пичкур А.И. Прагматический потенциал образных номинаций в политическом тексте. Коммуникативно-прагматическая функция языковых единиц. Куйбышев, 1990. С. 129 – 133.
190. Поливанов Е.Д. Избранные работы. М., 1968.
191. Поливанов Е.Д. Русский язык сегодняшнего дня (Литература и марксизм). М., 1928.
192. Поливаева Н.П. Вестник Московского университета. Сер.12. Политические науки. 1997, № 5. С. 38 – 42.
193. Политология. Учебное пособие. М., 1997.
194. Попов Ю.В. Система языка и система текста // Коммуникативно-прагматические и семантические функции речевых единиц. Калинин, 1980. С. 66 – 73.
195. Постовалова В.И. Язык и наука конца XX века: Сб. статей. М., 1995. С. 342 – 420.
196. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. 1 – 2. М., 1958.
197. Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М., 1976.
198. Почепцов Г.Г. /Филологические науки. 1984. № 4. С. 29 – 36.
199. Пражский лингвистический кружок. М., 1967.
200. Протченко И.Ф. Лексика и словообразование русского языка советской эпохи. Социолингвистический аспект. М., 1985.
201. Прохоров Ю.Е. В поисках цепта. М., 2004.
202. Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М., 1964.
203. Раскин М.А. Введение в политологию. М., 1997.

204. Развитие лексики современного русского языка. М., 1965.
205. Реснянская Л.Л., Груша А.В., Нехорошева Ю.Ю. Типология плюрализма российских СМИ: к вопросу о выборной кампании президента РФ. Вестник МГУ серия 10, журналистика 1997. № 3. С. 3 - 19.
206. Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации. М., 1990.
207. Реформатский А.А. Введение в языкознание. М., 1961.
208. Розенталь Д.Э., Солганик Г.Я. Наблюдения над языком и стилем современной газеты. Вестник МГУ. Сер. 10. Журналистика. 1980. № 3. С. 14 – 19.
209. Розен Е.В. На уроке – немецкая газета. Пособие для учителей. М., 1974.
210. Розина Р.И. Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991. С. 52 – 55.
211. Российская элита: Опыт социологического анализа. М., 1996.
212. Русский язык конца XX столетия. Языки русской культуры. М., 1996.
213. Русский язык в современном мире. М., 1974.
214. Русский язык и советское общество. Социолого-лингвистическое исследование: Лексика современного русского языка. М., 1968.
215. Русский язык. Языковые значения в функциональном и эстетическом аспектах. Виноградовские чтения Х1У-ХУ. М., 1987.
216. Санистебан Л.С. Основы политической науки. М., 1992.
217. Сапожникова О.С. Иностраный язык в школе. 1985, № 6. С. 15 -20.
218. Сахно Л.С. Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991.
219. Селезнев М.Г. Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах. М., 1987. С. 64 – 78.
220. Селищев А.М. Избранные труды. М., 1968.
221. Селищев А.М. Язык революционной эпохи. М., 1928.
222. Семантическая структура слова. Психролингвистические исследования. М., 1971.
223. Семиотика, номинация, стиль. Сб. обзоров М., 1983.
224. Социально-лингвистические исследования под ред. Л.П.Крысина и Д.Н.Шмелева. М., 1976.
225. Сильман Т.Е. Филологические науки. 1969. № 1. С. 84 – 90.
226. Сиротина В.А. Русское языкознание. Киев, 1986. Вып.12. С. 67-74.
227. Сиротина О.Б. Некоторые жанрово-стилистические изменения советской публицистики. Развитие функциональных стилей русского языка. М., 1968. С. 101 – 125.
228. Сковородников Филологические науки. 1998. № 3. С. 31 – 37.
229. Славгородская Л.В. Научный диалог. М., 1966.

230. Слюсарева Н.А. Методический аспект понятий функций языка. Известия АН СССР, серия литература и язык. Т. 38, 1979. № 2. С. 136 -144.
231. Слюсарева Н.А. Язык и речь – пространство и время. Теория языка. Англистика. Кальтология. АН СССР. М., 1976. С. 106 -114.
232. Солганик Г.Я. Системный анализ газетной лексики и источники ее формирования. М., 1976.
233. Солганик Г.Я. Стилистика текста. М., 1997.
234. Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка 30 – 90 годы XIX века. М., 1965.
235. Способы номинации в современном русском языке. М., 1982.
236. Степанов Г.В. Язык. Литература. Поэтика. М., 1988.
237. Степанов Ю.С. Семиотика. М., 1971.
238. Степанов Ю.С. Языковая номинация. (Общие вопросы). М., 1977.
239. Степанов Ю.С. Методы синхронного анализа лексики. М., 1978.
240. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики философии искусства. М., 1985.
241. Степанов Ю.С. Язык и наука конца XX века: сб. статей. М., 1995. С. 35 – 73.
242. Степанов Ю.С. Русская словесность. Антология. М., 1997. С. 288 – 305.
243. Степанова В.В. Признаки слова как основа классификации лексических единиц. Л., 1976.
244. Степанова Семантические и эстетические модификации слов в тексте. Л., 1988. С. 3 – 10.
245. Степанова М.Д. Методы синхронного анализа лексики. М., 1978.
246. Степанова М.Д., Чернышева И.И. Лексикология современного немецкого языка. М., 1962.
247. Стернин И.А. Проблемы анализа структуры значения слова. Воронеж, 1979.
248. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж, 1985.
249. Стернин И.А. Введение в речевое взаимодействие. Воронеж, 2001.
250. Стожик Н.К. Социально-лингвистические исследования. М., 1976.
251. Ступина И.Ю. Автореф. дис... канд. филол. наук. Л., 1979.
252. Сулименко Н.Е. Аспекты и приемы анализа текста художественного произведения. Межвузовский сборник. Л., 1983. С. 94 – 113.
253. Сулименко Н.Е. Семантические и эстетические модификации слов в тексте. Л., 1988. С. 10 – 28.
254. Супрун А.Е. Русский язык советской эпохи. Л., 1969.
255. Телия В.Н. Языковая номинация. Виды наименований. М., 1977. С. 189 – 221.

256. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986.
257. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурный аспекты. М., 1996.
258. Телия В.Н., Графова Т.А., Шахнарович А.М. и др. Человеческий фактор в языке: языковые механизмы экспрессивности. М., 1991.
259. Тихонова Н. Семантика языковых единиц. Доклады VI Международной конференции. М., 1998. С. 67 – 69.
260. Толстой Н.И. Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М., 1997. С. 306 – 315.
261. Томахин Г.Д. Вопросы языкознания, 1986. № 6. С. 17 – 30.
262. Тондл Л. Проблемы семантики. М., 1975.
263. Трескова С.И. Социолингвистические проблемы массовой коммуникации. Принципы измерения языковой вариативности. АН СССР института языкознания. М., 1989.
264. Троянская Е.С. Типология текста в художественно-стилистическом аспекте. Пермь, 1990. С. 15 – 26.
265. Уфимцева А.А. Лексическая номинация (первичная, нейтральная) // Языковая номинация. (Виды наименований). М., 1977. С. 5 – 85.
266. Уфимцева А.А. Слово в грамматике и словаре. М., 1984. С. 134 – 141.
267. Уфимцева А.А. Лексическое значение (принципы семиологического описания лексики). М., 1986.
268. Филимонова Е.Н. Облик слова. Сб. статей. РАН. М., 1997. С. 122 – 131.
269. Филиппов А.В. Вопросы языкознания, 1978 № 1. С. 57 – 63.
270. Философия и методология науки. М., 1996.
271. Функционально-текстовые аспекты языковых единиц // сб. статей Санкт-петербургского университета. СПб., 1995.
272. Сборник научных трудов. Кубанский гос. ун-т. Краснодар, 1988.
273. Харченко В.К. Лексические и грамматические компоненты в семантике языкового знака. Межвуз. сб. научн. трудов. Воронеж, 1983. С. 47– 52.
274. Хидкель С.С., Кошель Г.Г. Мышление и грамматические компоненты в семантике языкового знака. Воронеж, 1983. С. 11 – 16.
275. Хохлов А.В. Автореф. дис. канд. филол. наук. СПб., 1990.
276. Цоллер В.Н. Лексическая и грамматическая семантика. Материалы Республиканской научной конференции. Белгород, 1998. С. 71 – 74.
277. Черемисина Н.В. О соотношении грамматических категорий и категорий диалектического материализма. Русский язык в школе. № 1. 1976. С. 42 – 46.
278. Черноухина И.Я. Очерк стилистики художественного прозаического текста. Воронеж, 1977.

279. Чернявская Е.А. Лексическая и грамматическая семантика. Материалы Республиканской научной конференции. Белгород, 1998. С. 75 – 77.
280. Черных П.Я. Очерк русской и исторической лексикологии. М., 1958.
281. Чиркин В. В. Введение в сравнительное государственное устройство. М., 1994.
283. Чудинов А.П. Политическая лингвистика. М., 2007.
284. Шанский Н.М. Русский язык в национальной школе. 1967. № 3. С. 3 – 9.
285. Шанский Н.М. Слова, рожденные октябрем. М., 1987.
286. Шахматов А.А. Очерк современного русского языка. М., 1941
287. Шаховский В.И., Карасик В.И. Семантика слова и синтаксические конструкции. Воронеж, 1987. С. 31 – 38.
288. Шварценберг Р.-Ж. Социология политики. М., 1988.
289. Шведова Н.Ю. Активные процессы в современном русском синтаксисе (словосочетание). М., 1966.
290. Швейцер А.Д. Контрастивная стилистика. М., 1993.
291. Швейцер А.Д. Современная социолингвистика, теория, проблемы, методы. М., 1976.
292. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М., 2004.
293. Ширяев Е.Н. Культура парламентской речи. М., 1994.
294. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М., 1979.
295. Шмидт О.Ю. Избранные труды. Геофизика и космогония. М., 1960.
296. Шрам А.Н. Очерки по семантике качественных прилагательных (на материале современного русского языка). Л., 1979.
297. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. М-Л, 1974.
298. Эссе о социальной власти языка. Воронеж, 2001.
299. Эпштейн М.Н. Вопросы языкознания. 1991, № 6. С.19 – 33.
300. Языковая номинация. Общие вопросы. М.: Наука, 1977.
301. Языковая номинация. Виды наименований. М., 1977.
302. Языковая норма и статистика. М., 1977.
303. Язык и общество. Роль экстралингвистических факторов в развитии лингвистических подсистем. Межвуз.сб. научн. трудов. Саратов, 1989.
304. Якобсон Р. Избранные работы. М., 1985.
305. Якубинский Л.П. Русская речь. Петроград, 1923. С. 96 – 194.
306. Ярцева В.Н. Социальная и функциональная дифференциация литературного языка. М., 1977.
307. Mazon A. Z'lexique d e laguerre et de la revolution on Russie. 1920.
308. Rigotti F Die Macht und ihre Metaphern: uber die sprachlichen Bilder der Politik. – Frankfurt am Main, NY. Campus, 1994.

309. Bergsdorf W. Politik und Sprache. Berlin, 1989.
310. Gerd Ruge. Weites Land//. – Berlin Verlag, 1996
311. Мер Н.: Buntrock G., Bomiafons D. Konferenzsprache: F. Deutsch, Verlag Enzyklopat. Berlin, 1990.
312. Commervelt A. Structures linguistiques et structures des groupes sociaux. Diogene., Xs 51, 1985.
313. Kom K. Sprache in der verwalteten Welt. Mfinchen, 1982.
314. Kuhn P., Der Grundwortschatz. Bestimmung und Systematisierung. Tubmgen, 1979.
315. Linguistische Studien. Reiche A (Arbeitsberichte Akademie der Wissenschaften DDR, Zentralinstitut für Sprachwissenschaft). Politischer Wortschatz in textueller Sicht. Berlin, 1986.
316. Pedersen K.H. Political Parties in the Decision Making of the Russian Federation // Democracy's Dawn: Parliamentary Elections in North West Russia. Umea Universitet. 1998. P. 1 – 11.
317. Problemy marxistické jazykovedy. Praha, 1982.
318. Quadri B. Aufgaben und Methoden der onomasiologischen Forschung Bern, 1952.
319. Rückläufiges Wörterbuch der russischen Sprache der Gegenwart unter Leitung und Redaktion von H.H. Bielfeldt. Akademie – Verlag, Berlin, 1958.
320. Sanisteban J.L. Fundamentos de ciencia política. Lima: 1986.
321. Seidel E. und Seidel – Slotty I. Sprachwandel im Dritten Reich. Erneuerliche Untersuchung faschistischer Einflüsse. Halle, 1981.
322. Volmert J. Politikerrede als kommunikatives Handlungsspiel: Ein integriertes Modell zur semantisch – pragmatischen Beschreibung öffentlicher Rede. München: Fink, Cop. 1989.
323. Weisgerber L. Vom Weltbild der deutschen Sprache. Dusseldorf, 1980.
324. Wierzbicka A. Semantic primitives. Frankfurt an Main NY: Campus 1972.

СЛОВАРИ, ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ В ТЕКСТЕ

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
2. БАС – Словарь современного русского литературного языка: в 17 тт. АН СССР, 1950 – 1965.
3. БЭС – Большой энциклопедический словарь. М., 1995.
4. Бахрах Д. Н.. Административное право. М., 1998.

5. Бурдон И. Словотолкователь 30 000 иностранных слов, вошедших в состав русского языка, с означением их корней (изд. 3-е, испр.). М., 1871.
6. Большой юридический словарь. М., 2003.
7. Вейсман Э. Немецко-латинский и русский лексикон. СПб., 1871.
8. Головин Б.Н., Кобрин Р.Ю. Стилистический энциклопедический словарь. М., 2003.
9. Грот Я.К. Словарь русского языка. Академия Наук, 1895.
10. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка, в 4-х тт. М., 1955.
11. Елисеева М.Б. Краткий толковый словарь заимствованных слов М., 1999.
12. Кириллов Н. Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. СПб., 1845 – 1846.
13. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.
14. Краткий политический словарь. М., 1989.
15. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М., 1998.
16. КССРЛЯ – Картоотека Словаря современного русского литературного языка Институт лингвистических исследований РАН.
17. КСРЯ XVIII в. – Картоотека «Словаря русского языка XVIII в.» Институт лингвистических исследований РАН.
18. ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
19. Мартыновский, Ковалевский. Новейший полный словотолкователь и объяснитель 100 000 иностранных слов, вошедших в русский язык, с приведением корней и исследованием о происхождении их. Справочная книга при чтении газет, журналов и книг, составленная Мартыновским и Ковалевским по новейшим известным словарям Макарова, Рейфа, Павловского, Даля, Суворина, Гейзе и др. М., 1866.
20. МАС – Словарь русского языка: в 4-х т. М., 1981 – 1984.
21. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1978.
22. Политологический словарь в 2-х т. М., 1994.
23. Политологический словарь. М., 1995.
24. Русский семантический словарь. Опыт автоматического построения тезауруса: от понятия к слову. М., 1982.
25. Русский язык. Энциклопедия. М., 1979.
26. Словарь административного права. М., 1999.
27. САР – Словарь Академии Российской. СПб, 1769.
28. Словарь Даля – Даль В.И. Толковый словарь русского языка в 4-х тт. М., 1978 – 1980.
29. Словарь иностранных слов, употребляемых в русском языке с объяснением их значений. СПб, 1769.

30. Словарь иностранных слов. М., 1989.
31. Словарь иностранных слов. М., 1982.
32. Словарь русского языка, составленный вторым отделением Академии наук. СПб, 1891 – 1929.
33. СРЯ XI – XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 27. М., 2006.
34. Словарь русского языка XVIII в. Вып. 6. М., 1997.
35. Словарь социальных и политических наук. М., 1989.
36. Словарь – справочник политолога. М., 1998.
37. Словарь Ушакова. Толковый словарь русского языка под ред. Д.Н. Ушакова. В 4-х тт. М., 1935 – 1940.
38. Советский энциклопедический словарь. М., 1988.
39. ТСЯС – Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Толковый словарь языка совдепии. СПб., 1998.
40. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения. Под ред. Г.Н. Складчиковой. РАН, Институт лингвистических исследований. СПб, 1998.
41. Толль Ф., Зотов В.Р. Настольный словарь для справок по всем отраслям знаний. СПб, 1863 – 1864.
42. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. М., 1971.
43. Федерализм. Энциклопедический словарь. М., 1997.
44. Философская энциклопедия в 5-и т. М., 1960 – 1970.
45. Философский энциклопедический словарь. М., 1989.
46. Халипов В.Ф. Власть. Кратологический словарь. М., 1997.
47. Частотный словарь языка средств массовой информации и пропаганды. Воронеж, 1984.
48. Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1971.
49. Шанский Н.М., Боброва Т.А. Этимологический словарь русского языка. М., 1994.
50. Эссе о социальной власти языка. Воронеж, 2001.
51. Юридический энциклопедический словарь. М., 2003.
52. Языкознание. Большой энциклопедический словарь. М., 1998.
53. Яновский Н. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту. СПб., 1803 – 1806.
54. New English Dictionary. London, 1968.

АНАЛИЗИРУЕМЫЕ ТЕКСТЫ

1. Адамович А. Дублер. // Дружба народов, 1992, № 11. С. 162 – 189.
2. Аннинский Л. Отцы и дети Арбата // С разных точек зрения «Дети Арбата» А. Рыбакова. М.: Советский писатель, 1990. С. 25 – 45.
3. Без ретуши. СПб., 1991.
4. Беляев В. Старая крепость. М., 1953.
5. Блок А.А. Дневники // Собр. соч. т. 7. М., 1963.
6. Бородин А.П. Мои воспоминания о Листе. М., 1978.
7. Буторин М.В. Архангельская статистика: прошлое и настоящее. Архангельск, 2007.
8. Брежнев Л.И. Возрождение. М., 1978.
9. Вишневская Г.П. Галина. История жизни. Чимкент, 1992.
10. Гайдар Е.Т. Дни поражений и побед. М., 1996.
11. Гайдар Е.Т. Государство и эволюция. М., 1998.
12. Гранин Д. Зубр. Роман – газета, 1988, № 21 С. 1 – 111.
13. Гранин Д. Говорят писатели. // С разных точек зрения «Дети Арбата» А. Рыбакова. М., 1990. С. 47 – 48.
14. Гиппиус З.Н. Дмитрий Мережковский // Серебряный век. Мемуары. М., 1990.
15. Гинзбург Е. Крутой маршрут. М., 1989.
16. Гроссман. Жизнь и судьба. Таллин, 1990.
17. Довлатов С. Собрание прозы в трех томах. Том 2. М., 1998
18. Домбровский Ю. Факультет ненужных вещей. М., 1989.
19. Дудинцев В. Белые одежды. М., 1989.
20. Ельцин Б.Н. Исповедь на заданную тему. М., 1990.
21. Ельцин Б.Н. Записки президента. М., 1994.
22. Жириновский В.В. Мои гарантии избирателям. М., 2004.
23. Железнова В.Т. Наше время // С разных точек зрения «Дети Арбата» А. Рыбакова. М., 1990. С. 130 – 136.
24. Иванова Н.В. В полоску, клеточку и мелкий горошек. Перекодировка истории в современной прозе. Знамя, 1999, № 2. С. 176 – 185.
25. Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991.
26. Карамзин Н.М. История государства Российского, т. 2. М., 1975.
27. Конституция Российской Федерации. М., 1998.
28. Корякин Ю. Стоит ли наступать на грабли? Знамя, 1987, № 9. С. 201 – 224.

29. Костиков Н. Роман с президентом. М., 1997.
30. Лебедь. Правда и порядок. М., 1998.
31. Ленин В.И., ПСС, изд. 5, т. 1, М.: 1968.
32. Лихачев Д.С. Воспоминания. СПб., 1995.
33. Некрасов В. В окопах Сталинграда. Записки зеваки. М., 1991.
34. Немцов Б. Провинциал. М., 1997.
35. Незнанский Ф., Тополь Э. Красная Площадь, М., 1993.
36. Немзер А. Версия Саши Панкратова // С разных точек зрения «Дети Арбата» А. Рыбакова. М., 1990. С. 82 – 114.
37. Николаев С. Шаг к будущему. Литературная учеба, 1988, № 3 С. 87 – 88.
38. Новиков В.И. Новое зрение. Книга о Юрии Тынянове. М., 1988
39. Осоцкий В. На плацдармах народной истории // С разных точек зрения «Дети Арбата» А. Рыбакова. М., 1990. С. 183 – 219.
40. Пастернак Б. Доктор Живаго. М., 1989.
41. Плисецкая М.М. Я, Майя Плисецкая. М., 1994.
42. Полевой Б. Повесть о настоящем человеке. Повести. М., 1978.
43. Проскурин П.Л. Число зверя, М., 1989.
44. Рыбаков А. Дети Арбата. М., 1987.
45. Рыбаков А. 35 и другие годы. // Дружба народов 1988, № 9. С. 5 – 110; № 10. С. 7 – 115.
46. Рыбаков А. Страх. // Дружба народов 1990, № 9. С. 6 – 123; № 10. С. 6 – 123.
47. Сахаров А.Д. Мир, прогресс, права человека. СПб., 1990.
48. Сборник документов, СПб., 1996.
49. Собчак А.А. Хождение во власть. СПб., 1991.
50. Соловьев В.М. Сочинения: т. 1 – 2. М., 1965.
51. Слепухин Ю. Пантократор. СПб., 1991.
52. Солженицын А.Е. В круге первом. М.– Кишинев, 1990.
53. Солженицын. А.Е. Как нам обустроить Россию. М.– Кишинев, 1992.
54. Сухотин Я.Л. Сын Сталина. Жизнь и гибель Якова Джугашвили. СПб., 1990.
55. Тендряков. Среди лесов. М., 1987.
56. Устав Норвежской ассоциации местных и региональных властей. – Осло, 2001.
57. Фоменко А. Бедные дети... // Литературная учеба, 1988, № 3. С. 80 – 84.
58. Ходасевич В.Ф. Брюсов // Серебряный век. Мемуары. М., 1990.
59. Шаламов В.Т. Рассказы // Дружба народов, 1990, № 5. С. 96 – 105.

60. Шенталинский В. Мастер глазами ГПУ // Новый мир, 1974. № 11. С. 182 – 198.
61. Яковлев А.Н. Горькая чаша. Ярославль, 1994.
62. Якубинский Л.П. Избранные работы: Язык и его функционирование. – М., 1986. С. 17 – 58.

Подписано в печать 14.11.2008
Формат 60x84/16. Гарнитура JournalC.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Тираж 500 экз. Заказ № 249

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета
ООО «Издательско-Полиграфическая Компания «Информкнига»
141231, Московская обл., Пушкинский район,
Поселок сельского типа Лесной,
ул. Пушкина, д.8, корпус А